

Столяров Андрей Викторович

Информационная свобода и информационное насилие

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Специальность 09.00.11 — социальная философия

Научный руководитель:
д. ф. н., проф. О. Д. Волкогонова

Авторские права © Андрей Викторович Столяров, 2012

Настоящий электронный документ представляет собой оригинальный текст диссертации, успешно защищённой 23 апреля 2012 г. на заседании диссертационного совета Д 501.001.16 в МГУ имени М. В. Ломоносова (философский факультет).

Распространение данного документа разрешено и приветствуется при условии, что документ распространяется исключительно в его исходной форме в виде файла в формате PDF, тождественного файлу, который доступен с сайта автора. Внесение любых изменений, дополнений, любые изъятия, а также изменение формата представления категорически запрещены и преследуются в рамках гражданского, административного и уголовного права.

Любое цитирование данного документа возможно только при условии, что указан источник цитирования в форме корректной библиографической ссылки и в тексте явным и недвусмысленным образом указаны начало и конец цитаты. Любое другое цитирование и заимствование считается плагиатом и преследуется всеми доступными средствами.

При цитировании просьба ссылаться на оригинальную работу:

СТОЛЯРОВ А. В. Информационная свобода и информационное насилие. *Дисс. на соиск. уч/ст. канд. филос. наук.* Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Столяров Андрей Викторович

Информационная свобода и информационное насилие

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Специальность 09.00.11 — социальная философия

Научный руководитель:
д. ф. н., проф. О. Д. Волкогонова

Москва — 2012

Оглавление

Введение	3
1. Свобода слова, информационная свобода и информационное насилие	11
1.1. Свобода слова и проблемы её истолкования. Понятие информационной свободы	11
1.2. Информационное насилие и его типология	40
1.3. Социальный эффект информационной свободы	46
2. Отношения интеллектуальной собственности как форма информационного насилия	50
2.1. Границы интеллектуальной собственности, основные её виды и их роль в современном обществе	50
2.2. Имущественные авторские права в цифровую эпоху	81
2.3. О мнимой справедливости интеллектуальной собственности . . .	96
2.4. Экономические предпосылки к упразднению интеллектуальной собственности	105
3. Личная информационная неприкосновенность	110
3.1. Проблема коммерческого информационного насилия	110
3.2. Информационное насилие в политике и общественной жизни . .	117
3.3. Информационная неприкосновенность как средство решения проблемы маргинальных религиозных образований	128
3.4. Информационное насилие в форме принуждения к выдаче информации и негласного сбора информации	135
Заключение	141
Литература	144

Введение

Актуальность темы

Информационная революция, обусловленная взрывным прогрессом электроники и вычислительной техники, появлением персональных компьютеров, переводом практически всех видов хранимой и передаваемой информации в цифровой формат и возникновением сети Интернет, требует более внимательного отношения к информации как объекту общественных отношений. Цифровая эпоха в области представления информации и эпоха Интернета в области коммуникаций, хронологически совпавшие друг с другом, высвечивают и обостряют социальные противоречия, существовавшие и ранее, но которые в докомпьютерные времена могли безопасно игнорироваться; кроме того, перед социумом встают новые проблемы, возникновение которых полностью обусловлено развитием информационных технологий.

Среди таких противоречий — антагонизм интересов рекламодателя и получателя рекламы, или, если рассматривать проблему под иным углом, противоречие между правом одних на свободную передачу информации и желанием других оградить себя от ненужной информации; конфликт интересов владельцев имущественных прав, относящихся к области интеллектуальной собственности (прежде всего — исключительных имущественных «авторских» прав, называемых также копирайтом), заинтересованных в ограничении использования новых технологий обработки и передачи информации, и широкой публики (включая авторов-любителей), интересам которой соответствует свободное использование достижений технического прогресса в области информационных технологий; противоречие между желанием одних граждан выразить свою политическую позицию в виде митинга или другой манифестации, с одной стороны, и желанием других граждан сохранять спокойствие и не страдать от неудобств, возникающих при проведении таких манифестаций, и т. д. Рекламные рассылки по каналам персональной связи, достигшие в эпоху Интернета масштабов глобального бедствия (так называемый спам), уничтожающего целые коммуникационные среды, несомненно, требуют жестких мер, однако находятся, с одной стороны, люди, пытающиеся оправдать спам свободой слова, и, с другой стороны, люди, пытающиеся

использовать проблему спама как иллюстрацию несостоятельности свободы слова.

Всё это делает актуальным рассмотрение критерия, позволяющего провести чёткую границу между допустимым и недопустимым в области информационных обменов и, таким образом, указать путь к снятию социальных противоречий, возникших или обострившихся с наступлением цифровой эпохи.

Степень разработанности проблемы

Проблема свободы слова стала специальным предметом рассмотрения философов и теоретиков государственного управления начиная с XVII века. Связано это было с переходом к новому типу общественного устройства и, соответственно, новой политической организации общества. В связи с развитием демократических институтов и ростом объёма информации, необходимой для адаптивного поведения, проблема свободы слова стала постоянной составляющей дискуссий и обсуждений в социально-философской, политологической и правовой литературе. Основы рассмотрения роли свободы слова в общественной жизни заложили такие классические мыслители, как И. Кант, Дж. Милль, Дж. Локк, Дж. С. Милль¹.

Теоретическая разработка проблемы свободы слова в сочетании с обоснованием принципов свободы предпринимательства содержится в трудах Т. Джеферсона и А. Смита. В XX веке заметный вклад в исследование проблем свободного («открытого») общества и, соответственно, свободы слова, внёс К. Поппер².

В связи с планомерным манипулированием массовым сознанием, особенно характерным для прошлого и нынешнего века, в литературе стала разрабатываться тема пропаганды и рекламы. Здесь необходимо упомянуть работы таких зарубежных авторов, как У. Липпман, Э. Бернейс, Ф. Хайек, И. Берлин, Ж. Бодрийяр, М. Шпрул, Н. Хомский³. Не остались от этой темы в стороне

¹Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с.193–426; Милль, Дж. Архопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. Выпуск № 1, Москва — Новосибирск, март 1997 г; и др.

²Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с

³Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2004. 384 с; Бернейс Э. Пропаганда. М.: Гиппо, 2010. 176 с. ; Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226; Бодрийяр

и отечественные философы: одним из первых проблемы массового сознания рассмотрел в своих работах Б. Грушин, из современных же авторов следует назвать А. Белоусова, Т. Науменко, Д. Ольшанского, С. Кара-Мурзу⁴.

Фундаментальный характер изменений в общественных отношениях, вызванных наступлением эпохи цифровой информации и Интернета, подчёркивали М. Кастельс, Р. Столлман, С. П. Капица и др.⁵ Современный этап исследований влияния информационных технологий на общественную жизнь характеризуется изучением самых различных аспектов такого взаимодействия, их влияния на экономическую⁶, политическую⁷, духовную⁸ и социальную⁹ сферы общества. Сегодня информационные проблемы являются междисциплинарным объектом изучения, очевиден вклад различных дисциплин в эту область исследования. Например, правовыми аспектами мира Интернет занимались такие отечественные исследователи, как В. Наумов, А. Серго, М. Левин, Э. Гаврилов¹⁰ и др. Тема воздействия информационных технологий на индивидуальное сознание разрабатывается В. Рыжовым¹¹.

Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2000. ; Chomsky, N. Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. Seven Stories Press, New York, 1997. 104 p. и др.

⁴Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.; Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернейса «Пропаганда» (1928) // Свободная мысль, № 8, 2010; Науменко Т. В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 2003. № 1. С. 147–157; Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с. ; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с

⁵Кастельс М. Галактика Интернет. Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. ; Stallman, Richard M. Copyright and globalization in the age of computer networks. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 135–156 и др.

⁶См., напр.: Информационные технологии в бизнесе. СПб.: Питер, 2002, 1120 с. и др.

⁷Мелюхин И. С. Информационное общество и государство // Законодательство и практика средств массовой информации. 1997. Вып. 2 (30); Хозиков В. И. Информационное оружие. СПб.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, Нева, 2003. 480 с. ; Информационные технологии управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, и др.

⁸Кузнецов С. Рождение Игры, смерть Автора и виртуальное письмо. // «Иностранная литература», № 10, 1999. <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/10/kuznec.html>; Горчев Д. Сетература. // Журнал «Терабайт», № 2, 2000. См. также <http://www.netslova.ru/gorchev/seteratura.html>; Harris, K., Fleming, M., Hunter, R., Rosser, B., Cushman, A. Knowledge Management Scenario: Trends and Directions for 1998–2003. // Gartner, 18 March 1999. <http://www.gartner.com/DisplayDocument?id=299150>; Харрис Р. Психология массовых коммуникаций (Секреты воздействия). СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 448 с. и др.

⁹См., напр.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002, 335 с. ; Марлоу Ю. Пиар в электронных СМИ. М.: Мир, 2002, 236 с. ; Конечкая В. П. Социология коммуникаций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.

¹⁰Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002, 432 с. , Серго А. Г. Интернет и право. М.: «Бестселлер», 2003. 272 с. , Левин М. E-mail «безопасная»: Взлом, «спам» и «хакерские» атаки на системы электронной почты Internet. М.: Майор, 2002. 189 с. и др.

¹¹Рыжов В. А. Экология сознания личности и проблема защиты индивидуального сознания в инфоинфраструктуре общества. М.: ИНИНФО, 1996; Рыжов В. А. Экология сознания. // М.: Компьютер пресс, № 7, 1998. с. 104–110

Важным моментом данного исследования является рассмотрение института интеллектуальной собственности и его влияния на состояние свободы слова. В этой части своей работы автор опирался на работы Д. Болдрина и Д. Левина, С. Кинселлы, Р. Столлмана, Л. Лессига; заслуживает внимания исследование, предпринятое Г. МакКвином, Ш. Вельд и Г. Лурье¹². В России с критикой института интеллектуальной собственности выступали такие авторы, как М. Вербицкий, А. Левенчук, А. Сергеев, С. Минаев¹⁴ и многие другие.

Таким образом, следует констатировать наличие разносторонних исследований по проблемам свободы слова, пропаганды, манипуляции массовым сознанием, информационного обмена, особенно в контексте перехода социума к информационной стадии развития. Вместе с тем, остаётся практически не исследованной область, связанная с информационным насилием, его формы, в исследовательской литературе не разрабатываются критерии допустимого в области информационного обмена, которые учитывали бы специфику и потребности современного общества.

Цель и основные задачи исследования

Объектом исследования является процесс становления информационного общества. В качестве **предмета исследования** выступают общие критерии допустимого и недопустимого в области информационного взаимодействия и информационных процессов в социуме.

Основной целью предпринятого исследования было уточнение понятия информационной свободы (как развития идеи свободы слова), которое позволило бы указать путь к снятию накопившихся в обществе противоречий, обусловленных или проявившихся вследствие взрывного развития информационных технологий и формирования информационного общества, а также описание свободного информационного общества и изучение возможности построения такового. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные задачи:

¹²Boldrin M., Levine D. K. Against intellectual monopoly. New York, NY: Cambridge University Press, 2008, Kinsella, S. Against Intellectual Property // Journal of Libertarian Studies. Vol. 15, No. 2. Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 2001. Русский перевод см., напр., <http://libertynews.ru/node/176>, Stallman, Richard M. Did You Say Intellectual Property? It's a Seductive Mirage. // <http://www.gnu.org/philosophy/not-ipr.html>, ¹³ MacQueen, H. L., Waelde S., Laurie G. T. Contemporary intellectual property: law and policy. Oxford University Press, 2007. 960 p.

¹⁴Вербицкий М. Антикопирайт. 2002. <http://imperium.lenin.ru/Lenin/32/C/>; Сергеев А. Автор и человек: у кого прав больше // Мир Internet, № 5 (32), 1999; Минаев С. Рабы копирайта. // «Взгляд» (vz.ru), 11 июля 2006. <http://vz.ru/columns/2006/7/11/41056.html> и др.

- Дать всестороннюю характеристику социальных аспектов информационной свободы и информационного насилия, предложить дефиниции информационной свободы и информационного насилия; привести типологию информационного насилия.
- Проанализировать роль и место института имущественной интеллектуальной собственности в современном обществе; изучить аргументы «за» и «против» отказа от интеллектуальной собственности как юридического института, прежде всего — от имущественных авторских прав.
- Рассмотреть информационное насилие как нарушение прав неприкосновенности личности; проанализировать различные случаи применения информационного насилия в современном обществе, возможные последствия признания таковых недопустимыми, а также возможные пути к элиминации информационного насилия над индивидуумами.
- Разработать интегральный теоретический подход, базирующийся на либертарианстве, позволяющий описать многообразие способов и методов исключения информационного насилия из общественной жизни.

Методологические основы исследования

Диссертация представляет собой социально-философское исследование проблем информационной свободы и информационного насилия в условиях современного общества. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, предполагающий многомерный синтез философских, социологических, политологических, правоведческих исследовательских парадигм применительно к феноменам информационной свободы и информационного насилия.

Современный междисциплинарный статус изучения воздействий информационных технологий на жизнь социума требует совмещения в методологической базе и категориальном аппарате идей и методов, выработанных в рамках различных научных дисциплин, вовлеченных в разработку проблематики, близкой к теме исследования диссертации. В своей работе автор исходит из либертарианской модели философии права. Этим обусловлено, прежде всего, присутствие методов и приёмов философии права и правоведения в данном социально-философском исследовании.

При решении основных задач диссертации были использованы приёмы и принципы гегелевского диалектического подхода. Концептуальная разработ-

ка проблем информационного насилия в социуме осуществлена на принципах классической социальной философии К. Маркса с привлечением некоторых идей М. Вебера. Для решения отдельных задач исследования использована постмарксистская методология М. Кастельса. При рассмотрении специфики информационного взаимодействия индивидов в данной работе используются отдельные положения концепций символического обмена Ж. Бодрийяра; также в диссертационном исследовании применяются альтернативные подходы к пониманию прав собственности, в частности, генетическая теория собственности Р. Нозика¹⁵. В работе присутствуют исторические экскурсы, реконструкции и иллюстрации, введённые для наглядности изложения и убедительности аргументации.

Положения, выносимые на защиту, и их научная новизна

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предложен новый подход к осмыслению феномена информационной свободы как принципа осуществления информационного обмена на основе добровольного согласия всех его непосредственных участников и отсутствия у них обязательств, делающих такой обмен невозможным.

2. Обосновано, что любое активное действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (принимающего или передающего), либо активные действия третьих лиц, мешающие добровольному информационному обмену, представляет собой информационное насилие над личностью.

3. Показано, что институт интеллектуальной собственности в современном обществе переживает кризис; ни один из видов интеллектуальной собственности не выполняет сегодня своих исходных задач и целей. Обоснована целесообразность отмены юридического института интеллектуальной собственности как нарушающего право личности на информационную свободу. Отмечается, что неимущественные права, зачастую относимые к категории интеллектуальной собственности, такие как право авторства, право на имя, право научного приоритета и т. п., не противоречат принципам информационной свободы; напротив, их нарушение (в частности, плагиат) может быть

¹⁵Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.

признано информационным насилием в форме злонамеренной дезинформации.

4. Показано, что запрет коммерческого информационного насилия, кроме очевидного снижения стрессовой нагрузки на индивидов, может также поднять эффективность производства товаров и услуг, усилить добросовестную конкуренцию, высвободить значительное количество ресурсов; запрет агитации и пропаганды на деле приведёт к росту эффективности институтов гражданского общества; запрет информационного насилия в области религии снимет проблему маргинальных религиозных и псевдорелигиозных образований, не нарушая при этом принципа свободы совести; мероприятия, направленные на принудительное получение информации (как гласное, так и негласное) в современном обществе могут быть достаточно безболезненно отменены.

Теоретическая значимость диссертации

Основным вкладом автора в разработку проблем информационной свободы и информационного насилия в современном обществе является предложенное им развитие либертарианской концепции исследования данных феноменов. Предложено авторское понимание терминов «информационная свобода» и «информационное насилие», основанное на признании необходимости и достаточности общей доброй воли всех непосредственных участников информационного обмена для осуществления такого обмена. Сформулированные автором в рамках данного подхода дефиниции позволяют анализировать значительную часть социальных и политических противоречий, возникших или проявившихся с началом активного формирования информационного общества, на основе единого принципа исследования; это позволяет дать ответ на вопрос, чего следует ожидать от свободного информационного общества, и предложить универсальные принципы определения допустимости или недопустимости той или иной информационной деятельности.

В рамках настоящей работы удалось произвести определенную систематизацию знаний о нарушениях информационной свободы в современном обществе, что позволяет считать предложенный подход к изучению информационной свободы и информационного насилия применимым для решения существующих социальных проблем в данной сфере.

Систематизация теоретических знаний обнаруживается:

- в классификации основных видов информационного насилия;

- в предложении авторского понимания таких сложных социальных феноменов, как информационная свобода и информационное насилие;
- в принципиальном решении вопросов, связанных с институтом интеллектуальной собственности, через призму информационной свободы.

Важным теоретическим достижением работы является наличие концептуальной основы для решения частных вопросов, связанных с информационным обменом. Такой основой выступает социально-правовая модель либертарианства, с позиций которой последовательно исследуются различные аспекты избранной темы.

Практическая значимость диссертации

Анализ проявлений информационного насилия, выявленная в диссертации сущность информационной свободы, выделение принципиальных критериев нарушения прав и свобод индивида могут найти применение при разработке и выборе курса правовой политики государства, а также на уровне функционирования отдельных элементов гражданского общества. Кроме того, положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении различных курсов обществоведческих дисциплин.

Глава 1

Свобода слова, информационная свобода и информационное насилие

1.1. Свобода слова и проблемы её истолкования. Понятие информационной свободы

Последняя четверть минувшего века ознаменовалась революционным прорывом в сферах деятельности, связанных с хранением, обработкой и передачей информации, включая и область средств коммуникации. Можно выделить основные ключевые фазы происшедшего: это, во-первых, появление компьютеров как таковых — не в роли машин для математических расчетов, но в роли устройств для хранения и автоматизированной обработки информации, прежде всего текстовой; во-вторых, это создание общедоступных персональных ЭВМ; и, наконец, в-третьих, следует отметить образование сети Интернет. В определенном смысле именно это — появление глобальной децентрализованной (а значит, весьма слабо подверженной влиянию решений отдельных групп лиц, корпораций и политических сил), дешевой в использовании, универсальной (в смысле видов передаваемой информации) сети персональных коммуникаций привело к существенным изменениям практически во всех сферах человеческой деятельности и, в конечном счёте, качественно преобразовало весь мир. Известный испанский социолог Мануэль Кастельс отмечает: «Интернет — это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе. Если распространение печатных изданий на Западе привело к созданию того, что Маклюэн окрестил галактикой Гутенберга, то мы сейчас вступаем в новый мир коммуникаций — галактику Интернет»¹.

¹Кастельс М. Галактика Интернет. Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. , стр. 15

Каковы основные качественные различия между миром до Сети и миром эпохи Сети? Первое, что следует отметить — это международная (экстерриториальная) сущность Сети. Часто говорят, что Сеть не признает государственных границ. Связь с людьми и информационными ресурсами, находящимися в другом государстве (и, значит, под другой юрисдикцией), ничем не отличается от связи внутри страны. Более того, даже если оба взаимодействующих компьютера (например, компьютер конечного пользователя и сервер, к услугам которого этот пользователь обратился) находятся в одной стране, всё равно в процессе работы происходят обращения к серверам, находящимся за её пределами — как минимум, к корневым серверам DNS.

Сейчас уже мало кто помнит, что когда-то при вывозе из страны компьютерных носителей информации требовалось заранее сдавать их на экспертизу и получать специальное разрешение. С появлением Сети подобные меры потеряли всякий смысл, поскольку любую информацию можно передать, не вставая из-за стола, в любую точку Земли, за исключением нескольких отдельно взятых государств, на территории которых функционирование сети Интернет ограничено или вообще запрещено.

Второе достойное упоминания качественное отличие современного мира от мира до Сети — свободный доступ к средствам тиражирования и распространения информации. На создание своего телеканала нужно было бы потратить миллиарды, на создание своей радиостанции — миллионы, на создание газеты (имеющей, заметим, ограниченный тираж и область распространения) — сотни тысяч. Создание в Сети своей странички, доступной всем желающим, не будет стоить вообще ничего, кроме небольшого количества потраченного времени и платы провайдеру за доступ в Сеть. Иной вопрос, много ли людей захотят эту страничку читать, — но это уже зависит не от Сети, а от читательского интереса. Сеть предоставляет множество способов отыскания информации заданных категорий, так что заинтересованные читатели (если таковые есть) пресловутую страничку, вне всякого сомнения, найдут. Следует отметить, что этот всеобщий доступ к аудитории касается не только СМИ. Так, начинающие писатели в доцифровую эпоху вынуждены были ждать милости от издательств, поскольку другого пути к читателю не существовало. Сейчас такой путь имеется, и уже есть авторы, известные тысячам читателей, но при этом не имеющие ни одной официально изданной книги. Аналогично обстоят дела и с музыкантами. Можно сделать более общее утверждение: во всех областях человеческой деятельности, где раньше необходимо присут-

ствовал посредник, именуемый издателем, такой посредник сейчас перестал быть *абсолютно необходимым* — и, как следствие, утратил существенную часть своего влияния на соответствующие области деятельности.

Появившиеся буквально несколько лет назад так называемые «блоги» — сайты, организованные в виде хронологической последовательности записей, ведущиеся, как правило, частными лицами — будучи изначально задуманы как некий аналог дневника, содержимое которого доступно сторонним читателям (обычно всем желающим, хотя технически аудиторию можно и ограничить), продемонстрировали потенциал существенно более широкий. Авторы блогов обычно и сами читают блоги своих коллег по увлечениям, и если в одном из блогов проскакивает действительно интересная информация, её немедленно дублируют у себя другие авторы, обычно давая ссылки на оригинал. В итоге новость зачастую оказывается известна широкой публике раньше, чем об этом успеют сообщить СМИ, что вынуждены признать и сами профессиональные журналисты². Часто в одних блогах обсуждают содержание других, а наличие среди авторов блогов людей с различными убеждениями и установками позволяет представить одновременно самые различные точки зрения на одно и то же событие или происшествие. Будучи взаимосвязаны таким образом, блоги образуют некое целостное явление, получившее название «блогосфера». Встречается и термин «гражданская журналистика»³; существует даже точка зрения, что традиционная (профессиональная) журналистика морально устарела и в ближайшие годы будет вытеснена любителями, авторами блогов⁴.

Жан Бодрийяр в статье «Реквием по масс-медиа» в 1972 году отмечал односторонний характер информационного обмена в традиционных средствах массовой информации в качестве одного из их фундаментальных недостатков: «Характерной чертой масс-медиа является то, что они предстают в качестве антипроводника, что они нетранзитивны, что они антикоммуникативны, — если мы примем определение коммуникации как обмена, как пространства взаимосвязи слова и ответа, а следовательно, и ответственности, — что они вовсе не обладают психологической и моральной ответственностью, но выступают в качестве личностной корреляции одной и другой стороны в про-

²См., напр.: Амзин А. Новостная интернет-журналистика. <http://www.kebati.ru/journ>.

³Напр.: Рублёв С. Гражданская журналистика на службе интересов общества. // Lenta.Ru, 17.05.2005. <http://lenta.ru/articles/2005/05/17/blogs/>

⁴Лебедева О. Газеты осваиваются в Интернете // Авант Style №37 от 06.11.2008; см. также <http://www.avant-partner.ru/style/215.html>

цессе обмена. Иными словами, если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача/прием информации, то последняя подвержена обратимости в форме *feed-back*⁵. Таким образом, вся современная архитектура масс-медиа основывается на этом нашем последнем определении: они являют собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена (разве только в формах симуляции ответа, которые сами оказываются интегрированными в процесс передачи информации, что, однако, ничего не меняет в однонаправленности коммуникации). Именно в этом их подлинная абстракция. И именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти»⁶. Отметим, что блоги, если рассматривать их как замену традиционным масс-медиа, практически лишены отмеченного Бодрийяром недостатка: в большинстве случаев блоги дают возможность читателю дать свой комментарий прочитанному, а сравнительно небольшая (в сравнении с традиционными СМИ) аудитория позволяет автору блога прочитать все комментарии и принять их к сведению, а при желании — и обсудить вопрос со своими читателями.

Еще одно фундаментальное отличие Сети состоит в простоте и надёжности средств защиты от перлюстрации и прослушивания. Если для защиты от прослушивания, например, телефонной линии необходимы сложные дорогостоящие устройства, производство и распространение которых спецслужбам вполне по силам взять под контроль, то для надёжной криптографической защиты данных, передаваемых по Сети, достаточно не очень сложного программного обеспечения, которое, заметим, распространяется свободно, в основном, через ту же Сеть.

Может показаться, что в Сети можно всё и сама Сеть являет собой ожившее воплощение анархии. Сеть, в особенности на ранних стадиях своего развития, породила одно из самых свободолобивых и либерально настроенных сообществ в истории. Сейчас, когда Сеть Интернет стала явлением массовой культуры, это может быть не столь заметно, но ещё в первой половине 1990-х годов, когда Сеть напоминала скорее элитарный клуб, этот «клуб» состоял преимущественно из людей, считающих свободу слова одной из высших ценностей, если не просто высшей. Сама мысль о каких бы то ни было компромиссах в этой области вызывала крайне болезненную и агрессивную реакцию

⁵ *Feedback* (англ.) — обратная связь, отклик.

⁶ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226

сетевого сообщества; на первые попытки правительства США в 1996 году ограничить свободу Сети сообщество ответило Декларацией независимости киберпространства⁷ и множественными акциями гражданского протеста.

Строго говоря, некоторое управление в Сети присутствовало с самого начала — это координация использования пространства ip-адресов и доменных имён, однако соответствующие организации выполняли и выполняют исключительно координирующие функции, не являясь, в общепринятом смысле, органами управления. В вопросы взаимодействия отдельных сетей между собой, выходящие за рамки координации адресных пространств, эти организации никогда не вмешивались, оставляя, таким образом, Сети возможность существовать в максимально свободном режиме. Очень скоро, однако, стало ясно, что принцип «можно всё» не годится для нормального функционирования Сети, поскольку технически каждый пользователь имеет возможность затруднить или вовсе сделать невозможной работу других пользователей.

Первой требующей организационных мер проблемой, с которой столкнулось сетевое сообщество, оказались пресловутые «атаки», «взломы», «червяки» и т. п. Существенно позже (в середине 90х годов) получили широкое распространение печально известные «тройские» программы. Правительства отреагировали на все это официальным признанием понятия «киберпреступности» и принятием соответствующих законов. Однако вялотекущая борьба системных администраторов со взломщиками и техническими вандалами разного рода по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с другим явлением, вызванным приходом в Сеть коммерции, которая, в свою очередь, привела с собой рекламу. Реклама, размещаемая в Сети на сайтах (обычно в виде так называемых «баннеров» — небольших графических изображений рекламного характера) по сути своей сравнительно безобидна, от баннеров можно частично защититься техническими средствами или хотя бы просто не ходить на изобилующие баннерами сайты, так же, как можно не смотреть телевизионные каналы, размещающие рекламу. Гораздо опаснее другое проявление рекламы в Сети — массовые незапрошенные рассылки рекламной и/или коммерческой информации по электронной почте и другим каналам персональных коммуникаций. Это явление получило название «спам»⁸.

⁷Barlow, John Perry. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Davos, Switzerland. February 8, 1996. <http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>. Русский перевод см., напр., <http://posix.ru/openway/declaration/>

⁸Исходно слово «spam» обозначает популярную американскую марку мясных консервов. Существуют различные варианты объяснения, почему именно это слово закрепилось за нежелательными электронными рассылками; наиболее правдоподобная версия связывает такое название с роликом комедийной группы

В отличие от других видов рекламы, затраты рекламодателя на «рекламную кампанию» с использованием спама оказываются близки к нулю. Эффективность и дешевизна рекламы через спам привела к стремительному росту количества таких рассылок и соответствующему увеличению количества ненужных рекламных писем в потоке личной электронной почты пользователей.

Анализ ситуации дал безрадостные результаты. Даже если всего лишь каждый тысячный пользователь Сети начнёт рассылать спам, электронная почта как вид сервиса окажется раз и навсегда похоронена под ворохом ненужной информации, среди которой невозможно найти те сообщения, ради которых и создается почтовый ящик. Поскольку помощи от государств и правительств в этом вопросе можно было не ждать⁹, администраторы отдельных компьютерных сетей — субъектов сетевого взаимодействия — начали самостоятельно принимать меры по противодействию спаму, основанные на добровольности связности сетей между собой. Механизмы такого противодействия выглядят следующим образом. Если в некоторой сети работает спаммер, то легальных способов *заставить* администрацию такой сети пресечь деятельность спаммера, вообще говоря, нет; с другой стороны, нет никаких причин, *обязывающих* принимать почту (и вообще любую информацию) из такой сети. Поэтому с некоторого момента (описываемые события относятся приблизительно к 1995–1997 гг.) администраторы сетей, из которых шел спам, начали получать требования от администраторов других сетей отказать спаммеру в доступе к сети. В случае, если требование не удовлетворялось, сеть, предоставившая спаммеру доступ, теряла связность с другими сетями. Существовали (и существуют до сих пор) системы обмена информацией об источниках спама, благодаря чему потерять связность можно разом едва ли не с половиной Интернета.

Такие меры позволили сначала полностью искоренить так называемые открытые ретрансляторы электронной почты (open SMTP relays), то есть почтовые серверы, настроенные на доставку адресату любого письма, полученного из любой сети. Примерно до 1995 года так были настроены едва ли не все существовавшие почтовые серверы; к 1998 году таковых практически не

Monthly Python, в котором клиентам, пришедшим в ресторан, официант с маниакальной настойчивостью предлагает блюда, основанные исключительно на консервах «spam». По некоторым предположениям, группа Monthly Python избрала мишенью для своего ролика именно марку «spam» благодаря чрезмерно интенсивной рекламной кампании марки «spam», прошедшей во второй половине 1940х годов.

⁹Только недавно в ряде стран (но далеко не везде) появились официальные законодательные нормы, ограничивающие спам, но реально они пока нигде не работают.

осталось. Дальнейшее развитие мер противодействия спаму позволило полностью исключить рассылки спама по обычным каналам (то есть из той же сети, в которой работает спаммер), поскольку в мире не осталось провайдеров, готовых рисковать своим положением, предоставляя услуги непосредственным рассылателям спама и отказывая другим сетям в пресечении деятельности источников спама. В период с 1999 по приблизительно 2003 годы из сферы спама оказались полностью вытеснены любители и дилетанты; в настоящее время эффективно разослать спам может только профессионал, использующий заведомо криминальные методы¹⁰.

Профессиональным спаммерам в настоящее время противопоставить нечего; для пресечения их деятельности необходимо соответствующее законодательство и эффективные меры по его исполнению, к чему, судя по всему, государственные органы всего мира пока не готовы. Сам факт вытеснения спама в сугубо профессиональную (и криминализованную, как минимум формально) сферу удерживает количество рассылаемого спама на более-менее постоянном уровне, что, в свою очередь, позволяет электронной почте как виду коммуникаций продолжать существовать. В этом плане показателен пример другого вида коммуникаций, а именно — новостных групп Usenet, практически прекративших существование в 2000–2002 гг. из-за обилия спама и отсутствия средств защиты.

В самом деле, потоки спама в системе электронной почты, не сдерживаемые никакими мерами противодействия, были бы к настоящему времени мощнее, нежели то, что есть в действительности, на несколько *порядков* (по разным оценкам, в 100–10000 раз), что сделало бы использование электронной почты невозможным, во всяком случае, теми способами, которые привычны нынешнему пользователю. В свете вышеизложенного может показаться неожиданным тот факт, что весь комплекс мер по противодействию спаму с самого начала вызывал и, как ни странно, до сих пор продолжает вызывать дискуссии этического характера.

Основным аргументом, высказываемым против антиспаммерских мероприятий, остаётся *свобода слова*. Постулируя (что вполне естественно) свобо-

¹⁰Сейчас рассылки спама обычно производятся через множество машин конечных пользователей, зараженных троянскими вирусами. Такие машины, как правило, находятся в других странах, чаще всего — в странах третьего мира. Троянские вирусные программы написаны таким образом, чтобы принимать спам от своего «хозяина» и производить его рассылку по заданным «хозяином» адресам, при этом полностью скрывая действительный источник спама; узнать, из какой сети в действительности рассылается спам, оказывается практически невозможно. Отметим при этом, что согласно российскому законодательству преднамеренное заражение чужих компьютеров троянскими вирусами является уголовно наказуемым деянием, подпадающим под статьи 272 и 273 Уголовного кодекса РФ.

ду слова как основополагающую ценность, сторонники такой точки зрения утверждают, что в силу свободы слова спаммер *имеет неотъемлемое право* передавать любую информацию любым получателям по своему усмотрению; что же касается мероприятий по блокированию приёма информации из сетей-источников спама, то их предлагают рассматривать как частный случай *цензуры*. Следует отметить, что аргументы, апеллирующие к свободе слова, не представляется возможным игнорировать в силу чрезвычайной серьёзности предмета. Исторические этапы формирования института свободы слова практически полностью совпадают с этапами возникновения прав человека как таковых. Билль о правах, принятый в Англии в 1689 году, гарантировал свободу обсуждений в парламенте; Декларация прав человека и гражданина, принятая во время французской революции в 1789 году, закрепляла в своей 11й статье свободу слова устного, письменного и печатного. В 1791 году в новообразованных Соединённых Штатах Америки была принята Первая поправка к конституции, закрепляющая, в числе прочего, всеобщую свободу слова. Включена свобода слова и во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года (ст. 19). Значение свободы слова подчёркивали Джон Мильтон¹¹, Джон Локк¹², Иммануил Кант¹³ и многие другие философы. Джон Стюарт Милль в 1859 году писал: «Свобода в принципе неприменима к обществу, предшествующему эпохе, где можно спокойно совершенствоваться путем свободных и равных дискуссий»¹⁴. Только с появлением свободы слова можно говорить о формировании общества, гарантирующего фундаментальные свободы человека; отрицая свободу слова, мы уничтожаем самое понятие личной свободы, делаем бессмысленными любые разговоры о ней: в самом деле, чего будут стоить формально предоставленные человеку свободы, если человек о них не знает? Более того, как показывает исторический опыт, любые ущемления и ограничения свободы слова неизбежно влекут за собой усиление социальной напряжённости, возникновение подпольных деструктивных движений и т. п., так что полностью игнорировать проблему свободы слова невозможно даже с

¹¹Мильтон, Дж. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. Выпуск № 1, Москва — Новосибирск, март 1997 г

¹²Локк Дж. О гражданском правлении. // Джон Локк. Избранные философские произведения в двух томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2, с. 5–137

¹³См., напр.: Кант И. О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. (Философ. наследие). Т. 4 ч. 2. М.: Мысль, 1965, 478 с.— С. 60–105, стр. 94.

¹⁴Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426

точки зрения политической прагматики, если абстрагироваться от ценности личной свободы.

Интересно, что среди лиц, рассматривающих спам как проявление свободы слова, а блокирование и фильтрацию спама как цензуру, присутствуют не только адвокаты спама, но и его противники. Для этих последних спам оказывается аргументом в пользу того, что свобода слова есть не более чем красивые слова, на самом же деле от такой свободы больше вреда, чем пользы, и было бы лучше от красивых, но бессмысленных слов о какой-то там свободе попросту отказаться. Подобным образом свобода слова ставится под сомнение и во многих других случаях, не связанных с последствиями информационной революции. Так, статья 29 ныне действующей Конституции РФ полностью звучит следующим образом:

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.
4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.
5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

С одной стороны, пункты первый и пятый здесь звучат достаточно однозначно, закрепляя за личностью такие ключевые свободы, как свобода мысли, слова, массовой информации и, наконец, свободу от цензуры. С другой стороны, второй пункт этой же статьи, как правило, воспринимается как некое «исключение» из свободы слова. Более того, на основании этого пункта приняты такие законы, регламентирующие деятельность тех же СМИ, что говорить об отсутствии цензуры в современной России было бы несколько опрометчиво.

Часто основанием для разговоров об «относительности» свободы слова, о невозможности её и даже о её нежелательности или несправедливости служат

такие очевидно негативные явления, как личные оскорбления, оскорбления религиозных чувств, клевета, открытая публикация сведений о личной жизни и других персональных данных и тому подобное. Можно услышать и слова о том, что свобода печати не должна быть абсолютной, поскольку СМИ являются серьёзной силой в современном обществе и должны подходить к своей деятельности ответственно, не допуская, к примеру, таких публикаций, которые могут иметь серьёзные негативные последствия с социальной точки зрения. Итак, мы видим определённые противоречия между необходимостью обеспечения свободы слова, с одной стороны, и категорической недопустимостью некоторых случаев передачи информации, с другой стороны. Возможно, мы имеем дело с диалектическим противоречием, без разрешения которого, по Гегелю, невозможен никакой процесс развития и жизни.

Невозможно разрешить эти парадоксы, приняв одну из двух крайних точек зрения и объявив противоположное мнение заблуждением. С одной стороны, как уже отмечалось выше, в отсутствие свободы слова сложно говорить вообще о какой бы то ни было свободе, так что свобода слова, вне всякого сомнения, должна быть обеспечена и гарантирована. С другой стороны, проблемы засорения информационной среды (в частности, спам) совершенно объективно требуют эффективных ограничительных мер: отсутствие таких мер ведёт к уничтожению целых коммуникационных сред, как это уже случилось с новостными группами Usenet и, не будь соответствующие мероприятия введены явочным порядком, неизбежно случилось бы с электронной почтой. Меры по ограничению передачи ненужной получателю информации необходимы обществу и практически каждому индивиду, участвующему в обмене информацией современными способами. Требуют ограничения всевозможные оскорбления, клевета, деструктивная пропаганда и т. п. Между тем, всё это никак не может оправдать ограничения свободы слова, поскольку именно права и свободы отдельного индивида должны рассматриваться в качестве основной цели общественного устройства, если только это общественное устройство не представляет собой тиранию.

Здесь необходимо сделать важное замечание: во всех случаях, требующих ограничений передачи информации, можно выделить пострадавшую сторону, причём таковой всегда будут вполне конкретные индивиды. Продолжая считать, что свобода слова есть свобода говорить кому угодно что угодно, мы, таким образом, увидим, что «реализация свободы слова» одних личностей приводит к нанесению ущерба другим личностям. Призвав на помощь клас-

сическое утверждение о том, что свобода одного кончается там, где начинается свобода другого, мы вынуждены будем признать, что вопрос о конкретном расположении границы между свободами двух людей может иметь (и часто имеет) весьма различные решения. В применении к свободе слова и ограничениям свободной передачи информации мы, как легко заметить, имеем весьма разнообразные толкования самого понятия *свободы слова*, что и приводит к описанным выше противоречиям. Необходимо, таким образом, уточнить понятийную базу исследования информационной свободы так, чтобы, с одной стороны, вышеупомянутые ограничительные мероприятия не рассматривались в качестве нарушения чьей-либо свободы, но, с другой стороны, чтобы свобода слова как таковая при этом не пострадала.

Принимая новые (в том числе уточняющие, корректирующие и т. п.) определения для уже существующих понятий, мы всегда рискуем подменить обсуждаемый предмет. Во избежание этого предварительно проанализируем само понятие свободы и зафиксируем некоторые из его определяющих свойств.

Прежде всего, заметим, что понятие свободы используется в различных областях философии, каковой факт не всегда осознаётся, и это приводит подчас к весьма серьёзной терминологической неразберихе. Склонность людей к небрежности в обращении с терминами прекрасно иллюстрирует шуточный пример, приводимый лингвистами. Каждый студент часто употребляет (или по крайней мере часто слышит и правильно понимает) выражения «сдать зачёт» и «получить зачёт», которые, очевидно, обозначают одно и то же: успешное прохождение формальной проверки выполнения учебного плана по конкретному предмету. Между тем, глаголы «сдать» и «получить» по смыслу *прямо противоположны*; как же получается, что в сочетании с одним и тем же существительным («зачёт») эти два прямо противоположных глагола дают одно и то же значение? Разгадка здесь оказывается тривиальной: словом «зачёт» обозначаются две совершенно разные сущности. В первом случае под «зачётом» понимается формальная проверка знаний сама по себе, во втором случае — полученная по итогам этой проверки оценка. Показательно, что людей, не знающих этой разгадки, вопрос о том, «как же так получилось», часто ставит в тупик; очевидно, употребляя одно и то же слово в совершенно разных его значениях, люди попросту не осознают этого. К сожалению, аналогичное явление имеет место и в отношении термина «свобода». В частности, многие классические философы размышляли о *свободе воли*, употребляя при этом слово «свобода» без дополнительного уточнения; в некоторых случаях

такое словоупотребление оказывается на совести переводчиков. Так или иначе, речь здесь идёт о том, обладает ли человек (а в некоторых случаях — не только человек) определённым свойством сам по себе, или даже о том, обладает ли определённым свойством окружающий нас мир, Вселенная. Именно в этом смысле употребляется слово «свобода» в третьей из четырёх антиномий чистого разума Канта:

тезис

Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность (Causalität durch Freiheit).

антитезис

Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы.

Свои антиномии Кант сформулировал в «Трансцендентальном учении о началах» («Критика чистого разума»¹⁵). Примечательно, что там же, в «Критике чистого разума», но уже в разделе «Трансцендентальное учение о методе», Кант сам указывает на существование различных смыслов понятия свободы: «... теперь я буду пользоваться понятием свободы только в практическом значении, а понятие свободы в трансцендентальном смысле ... оставляю здесь в стороне как рассмотренное уже выше». В другом своём произведении — «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»¹⁶ Кант использует слово «свобода» уже в ином значении: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, — достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, — только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы — развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве. . . Вот почему такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода,

¹⁵Кант И. Критика чистого разума. Перевод Н. Лосского. М.: Мысль, 1994

¹⁶Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. (Философ. наследие). Т. 6. М.: Мысль, 1966, 743 с. — С. 5–23, стр. 11–12

ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода.» В тексте этого произведения встречается и второе значение слова «свобода», но для обозначения свободы как отсутствия предопределённости используется словосочетание «свобода воли», тогда как просто «свободой» называется, как видно из цитаты, свобода в смысле социально-политическом.

Интересно, что такая омонимичность слова «свобода», вообще говоря, замечена и известна уже давно. Джон Стюарт Милль начал своё эссе «О свободе» со следующего замечания: «Предмет моего исследования — не так называемая свобода воли, столь неудачно противопоставленная доктрине, ложно именуемой доктриной философской необходимости, а свобода гражданская или общественная, свойства и пределы той власти, которая может быть справедливо признана принадлежащей обществу над индивидуумом»¹⁷.

Многие теоретические рассуждения характерны произвольным смешением этих двух понятий, обозначаемых (в силу исторических причин) одним и тем же словом; при этом, основываясь на таком произволе, авторы делают далеко идущие выводы¹⁸. Так, В. В. Богданов в начале статьи «Логика становления и семантика понятия свободы»¹⁹ сетует на то, что «Знакомство с материалами 3 и 4 Философских Конгрессов... позволяют сделать не очень оптимистичный вывод по поводу вольного употребления в научном философском сообществе ряда философских категорий. История ювелирной работы с понятиями в течение 2500 лет либо игнорируется полностью, либо является традиционным декоративным дополнением к мыслям самого Автора. Причем даже в такой вольной исторической интерпретации понятия берутся вне культурно-исторического контекста и весьма избирательно (чаще всего только у тех мыслителей, позиция которых совпадает с авторской). Именно такая ситуация имеет место при употреблении исследователями понятия свободы... частое употребление понятия в средствах массовой информации и в результате — даже в профессиональной среде понятие свободы используется чаще всего на уровне обыденного, бытового словоупотребления». Однако в дальнейшем тексте статьи автор вообще не «снисходит» до рассмотрения

¹⁷Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426

¹⁸См., напр.: Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля. // Вопросы философии. 1995. № 1. с. 52–69; Рахманкулова Н. Ф. Моя свобода и свобода другого. // Вестник Московского университета. Серия 7 (философия), № 6, 2003. С. 68–81.

¹⁹Богданов В. В. Логика становления и семантика понятия свободы. // Вестник ТГПИ, № 2, 2006, Таганрог, ТГПИ, с. 10–26

понятия свободы в социально-политическом смысле, всё рассуждение (достаточно пространное) в статье посвящено свободе воли как «снятию собственных природных определений», тогда как единственное упоминание «свободы как возможности поступать так, как хочется» автор вставляет лишь для того, чтобы немедленно отмести такой вариант свободы: «В истории философии традиционно такой смысл отождествляли с понятием произвола и справедливо отделяли от понятия свободы». Если следовать этому утверждению, разговор о «свободном обществе» вообще оказывается бессмысленным. В «историю философии», по мнению В. Богданова, классики либерализма, по всей видимости, не входят.

Если же цитату, в которой под «свободой» понимается свобода воли, вырвать из оригинального контекста и поместить в контекст социально-политических рассуждений о свободе, итогом такого упражнения может стать весьма эффектная словесная спекуляция. В качестве примера подобной спекуляции можно привести хорошо знакомое с советских времён изречение «Свобода есть осознанная необходимость» (применявшееся, как правило, без ссылки на оригинал). Отметим, что в такой формулировке изречение, вообще говоря, допускает несколько совершенно различных трактовок: например, его можно понимать в том смысле, что индивид, который осознал необходимость тех или иных ограничений, соблюдает эти ограничения и при этом остаётся свободен, но можно понимать и так, что свобода — это такая вещь, *необходимость которой* осознана; возможны и другие трактовки. Очевидно, для установления истинного смысла изречения необходимо восстановить контекст, из которого рассматриваемая фраза взята, но здесь возникают определённые трудности: авторы различных учебных пособий и популярных произведений приписывают фразу Марксу, Энгельсу, в некоторых случаях Ленину, а также Гегелю и Спинозе, причём в большинстве случаев без конкретных библиографических ссылок.

В действительности исходным источником этого изречения был, по всей видимости, следующий фрагмент из «Анти-Дюринга»: «Гегель первый правильно понял отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода, это — понимание необходимости. “Необходимость слепа лишь постольку, поскольку она не понята”. Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так и о тех, которые регулируют физиче-

скую и духовную жизнь самого человека,— о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»²⁰. Гегелевским оригиналом, на который ссылается Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», мог выступать, к примеру, следующий фрагмент: «... понимание мира как определяемого необходимостью и вера в божественное провидение отнюдь не должны рассматриваться как взаимно исключающие друг друга. Как мы скоро увидим, в основании божественного провидения лежит понятие. Последнее есть истина необходимости и содержит последнюю в себе как снятую, равно как и, наоборот, необходимость в себе есть понятие. Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии, и нет поэтому ничего более превратного, чем упрёк в слепом фатализме, который делают философии истории за то, что она видит свою задачу в познании необходимости того, что произошло в истории человечества...»²¹. Наконец, Спинозу могли «записать в авторы» рассматриваемого изречения, например, за следующее: «*Свободной* называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. *Необходимой* же или, лучше сказать, *принужденной* называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу»²². Очевидно, что во всех трёх приведённых фрагментах речь идёт о свободе в контексте метафизическом, свободе как противоположности всеобщей предопределённости. С каждой цитатой мы всё дальше и дальше уходим от того дидактического наполнения, которое вкладывалось в пресловутое «Свобода есть осознанная необходимость» советскими учебниками.

Приведём ещё один пример. Жан Поль Сартр утверждал, что человек обладает полной свободой, которая не может быть у него отнята никаким способом; например, в работе «Бытие и ничто»²³ имеется следующее утверждение: «возможны два и только два решения: или человек полностью детерминирован (что неприемлемо, в особенности потому, что детерминированное сознание, то есть мотивированное извне, стало бы чистой внешностью и перестало бы быть сознанием), или человек полностью свободен». Если при

²⁰Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том XIV. М., Лен.: Соцэкгиз, 1931, стр. 113-114

²¹Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974, 452 с, стр. 322

²²Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. М.: «Мир книги», 2007. С. 193–476, стр. 7

²³Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000

этом не делать различия между двумя смыслами термина «свобода», можно заключить, что, по мнению Сартра, какие-либо действия, направленные на обретение человеком свободы, заведомо бессмысленны, поскольку любой человек уже обладает максимумом возможной свободы и прибавить к этому нечего. Именно такой вывод, например, делает В. Вольнов в своей статье «Феномен свободы»²⁴. Отстаивая идею о желании как составной части свободы, Вольнов высказывает в адрес Сартра такое обвинение: «Сартр, настаивая на безусловной свободе человека, доходит до абсурда: заключенный свободен, потому что всегда может пытаться бежать. Или: принуждение не может иметь никакого влияния на свободу, ибо я всегда могу предпочесть ему смерть. Например, в случае мобилизации на войну я всегда могу уклониться от нее посредством самоубийства или дезертирства. Сразу видно, в чем причина подобных нелепостей — в исключении из свободы желания и сведение свободы к голой возможности...» Между тем, говоря о безусловной свободе, Сартр, очевидно, имеет в виду именно свободу воли, и в таком контексте утверждение о свободе заключённого никакой «нелепости» не содержит: запретить человека в четырёх стенах ещё не означает, разумеется, что его действия станут детерминированными. Когда же речь заходит о свободе в смысле социальном, уместнее приводить совсем другие цитаты из Сартра, например: «В каждом конкретном случае свобода не может иметь другой цели, кроме самой себя, и если человек однажды признал, что, пребывая в заброшенности, сам устанавливает ценности, он может желать теперь только одного — свободы как основания всех ценностей. Это не означает, что он желает её абстрактно. Это попросту означает, что действия честных людей имеют своей конечной целью поиски свободы как таковой»²⁵.

Отметим, что В. Вольнов, позиционирующий себя как либерал, одну из своих статей²⁶ посвятил недопустимости самоубийства — даже для случая безнадежно больного, болезнь которого сопровождается невыносимыми страданиями. А вышеупомянутая статья «Феномен свободы», имея своей центральной мыслью указание на *желание* как составную часть свободы (в феноменологическом понимании свободы), содержит, помимо прочего, пример про двух юношей, призванных в армию, один из которых не испытывает же-

²⁴Вольнов В. Феномен свободы. 2006. <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/PhenomenonOfFreedom.htm>

²⁵Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989, с. 319–344, стр. 340

²⁶Вольнов В. Либерализм и самоубийство. 2003. <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/LiberalismAndSuicide.htm>

лания служить, тогда как другой, напротив, желает сделать военную карьеру. Автор утверждает, что только первый из них несвободен, тогда как свобода второго никак не задета, поскольку происходящее совпадает с его желани-ями. Развивая эту мысль, автор заявляет: «Если бытие-в-коммунизме (или строительство коммунизма) стало для человека его бытием-самим-собой, то такой человек будет свободным в обществе, где закон принуждает подданных строить коммунизм. И эта свобода вовсе не будет иллюзорной, как это зача-стую принято считать. Это будет самая что ни на есть настоящая свобода, если конечно понять свободу феноменологически». В качестве комментария остаётся лишь процитировать И. Берлина: «Триумф деспотизма наступает тогда, когда рабы говорят, что они свободны»²⁷. Забегая вперёд, отметим, что подобные парадоксы имеют самое прямое отношение к основной теме настоящей работы. В самом деле, для достижения всеобщей тождественно-сти бытия-в-коммунизме с бытием-самим-собой необходимо подвергнуть на-селение государства массивной пропаганде, каковая представляет собой информационное насилие.

Рассмотрение свободы в метафизическом значении выходит за рамки на-стоящей работы (и вообще за рамки рассматриваемой предметной области); если же говорить о свободе в смысле социально-политическом, в котором этот термин употребляется в словосочетании «свобода слова», то мы наме-рены вслед за классиками либерализма понимать *свободу* как *отсутствие принуждения*. Так, согласно формулировке Томаса Гоббса, «Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних пре-пятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом»²⁸; Джон Локк, во многом следовавший идеям Гоббса, даёт ещё более прямолинейное определение: «свобода состоит в том, чтобы не испытывать ограничения и насилия со стороны других»²⁹.

Многие авторы обращали внимание на «отрицательный» характер та-кого понимания свободы в том смысле, что свобода при этом определяется как *отсутствие* чего-то (препятствий, принуждения, насилия и т. п.).

²⁷ Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. с. 122–185, стр. 176

²⁸ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Томас Гоббс. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1964, с. 44–720, стр. 155

²⁹ Локк Дж. О гражданском правлении. // Джон Локк. Избранные философские произведения в двух томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2, с. 5–137, стр. 34

При противопоставлении «свободы от» [чего-то] и «свободы для» [чего-то] обычно ссылаются на, по-видимому, наиболее подробный и известный анализ этого противопоставления, проведённый в статье «Два понимания свободы» И. Берлина³⁰, хотя ранее понятия «положительной» и «отрицательной» свободы встречались у Э. Фромма³¹, что же касается самого противопоставления «свободы от» и «свободы для», то в такой формулировке мы обязаны им, скорее всего, Фридриху Ницше и его Заратустре: «Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не то, что ты сбросил ярмо с себя. Из тех ли ты, что *имеют право* сбросить ярмо с себя? Таких не мало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от рабства. Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный *для чего?*»³² Впрочем, «Так говорил Заратустра» — произведение скорее художественное, нежели философское; сторонники «положительной свободы», цитируя приведённый отрывок, при этом забывают о фразе, которую можно найти несколькими страницами ранее: «Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом — для этого, братья мои, нужно стать львом»³³.

У более ранних авторов встречаются определения свободы как в «отрицательном» (Гоббс³⁴, Локк³⁵, Милль³⁶), так и в «положительном» (Гегель³⁷, Руссо³⁸ и др.) смысле, но сами эти термины (свобода положительная и отрицательная) не используются.

Как отмечал в своём эссе И. Берлин, «положительное» понимание свободы открывает путь к подмене рассмотрения собственных устремлений индивида рассмотрением устремлений некоего гипотетического человека, которым индивид мог бы быть, если бы был, например, не столь невежественен и т. п.; в конечном счёте, «положительная» свобода оборачивается принуждением и

³⁰Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. с. 122–185

³¹Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009, 288 с

³²Ницше Ф. Так говорил Заратустра. // Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии или эллинизм и пессимизм: сборник. Изд-во «Поппури», Минск, 1997, стр. 54

³³Там же, стр. 21.

³⁴Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Томас Гоббс. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1964, с. 44–720

³⁵Локк Дж. О гражданском правлении. // Джон Локк. Избранные философские произведения в двух томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2, с. 5–137

³⁶Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426

³⁷Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990, напр., § 258

³⁸Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. // Трактаты М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с

насилием, которое к тому же оправдывается рассуждениями об «истинной свободе». Итоговый вывод Берлина относительно «положительной» свободы таков: «“Позитивная” концепция свободы предполагает не свободу “от”, а свободу “для”— свободу вести какой-то предписанный образ жизни, поэтому для сторонников “негативной” свободы она порой оказывается лишь лицемерной маской жестокой тирании.»³⁹

В наше время по обе стороны океана популярна идея критиковать «отрицательное» понимание свободы. В англоязычной литературе чаще всего ссылаются на эссе Чарльза Тейлора, впервые опубликованное в 1979 г., название которого можно перевести как «Что не так с негативной свободой»⁴⁰; в этом эссе автор утверждает, что человек не может считаться свободным без самореализации, внутренней свободы, т. е. что свобода не может сводиться к отсутствию внешних препятствий. Рассуждение постепенно скатывается к уже упоминавшемуся выше смешению понятий свободы воли и свободы в социально-политическом смысле. Тейлор утверждает, что человек, не обладающий определёнными качествами (в частности, не имеющий достаточной степени самосознания) не может считаться свободным, поскольку заведомо не способен пользоваться свободой. При этом Тейлор никак не опровергает имеющееся у Берлина (а ранее у Гельвеция, которого Берлин цитирует) рассуждение о том, что объективные ограничения, не связанные с чьей-то злой волей (например, неспособность летать) не могут считаться «несвободой»; точно так же и собственная неспособность субъекта осуществлять свою свободу (например, отсутствие денег на путешествия) не следует рассматривать как отсутствие свободы.

Статьи В. Вольнова, также содержащие критику «отрицательного» понимания свободы, мы уже комментировали выше. Нельзя не отметить ещё один интересный факт. Буквально в последние два-три года словесные спекуляции на тему «свободы от» и «свободы для» стали неожиданно популярны на околополитических интернет-форумах среди людей, по всей видимости, далёких от философии, но при этом решительно отвергающих «либерализм», однозначно ассоциируя таковой почему-то с Соединёнными Штатами Америки. Чтобы найти первопричину такого всплеска интереса к философии свободы,

³⁹Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. с. 122–185

⁴⁰Taylor, C. What's Wrong with Negative Liberty, 1985. // Dyzenhaus, D., Moreau S., Ripstein, A., Eds. Law and Morality: Readings in Legal Philosophy, Third Edition. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, Toronto, 2007. 1072 pages. pp. 359–368

оказывается достаточно задать в поисковой машине, например Google, запрос вида «"свобода от" "свобода для"». Первые две ссылки, выдаваемые поисковиком, ведут к текстам статей А. Дугина «Свобода для»⁴¹ и С. Чирковой «Свобода "от" и свобода "для"»⁴². Вторая статья при ближайшем рассмотрении оказывается вторична по отношению к первой, в том смысле, что написана позже, при этом её автор ссылается на те же источники и допускает те же фактические ошибки, что и автор первой. В частности, в обеих статьях цитируется фрагмент из «Заратустры», который мы уже приводили на стр. 28 как источник терминов «свобода от» и «свобода для», при этом, что вполне ожидаемо, игнорируется наличие в том же произведении фразы о «праве на священное Нет даже перед долгом»; упоминание этой фразы свело бы на нет пафос обеих статей, особенно второй. Утверждаемые в рассматриваемых статьях идеи при этом несколько отличаются, но это не столь важно. Рассмотрим центральное утверждение из статьи Дугина: «Оказывается, по Миллю, есть две свободы, обозначаемые к тому же разными английскими словами. "Свобода" как liberty, и "свобода" как freedom. Это совсем разные вещи, уверяет нас Джон Стюарт Милль. Liberty — это то понятие, из которого возник термин "либерализм". Но тут-то и начинаются сюрпризы: "liberty", по Миллю, это "свобода негативная", "свобода от". Ее Милль считает самой главной, важной и единственной.» Аналогичные рассуждения относительно Милля и терминов freedom и liberty имеются и в статье Чирковой. Проблема состоит в том, что на самом деле у Милля нет ничего даже отдалённо напоминающего такие рассуждения, а термины «liberty» и «freedom» англоязычные философы считают взаимозаменяемыми⁴³. Итак, причиной популярности идеи «свободы для» среди русскоязычных любителей интернет-философии неожиданно оказался обыкновенный симулякр.

Резюмируя всё вышесказанное, мы ограничимся рассмотрением свободы сугубо в социально-философском смысле, отбросив рассуждения о свободе воли как выходящие за рамки рассматриваемой предметной области; кроме того, следуя либертарианской традиции, свободу мы будем понимать исклю-

⁴¹ Дугин А. Свобода для. <http://warrax.net/66/freedom.html> Оригинал: <http://arctogaia.com/public/lgz5.html>

⁴² Чиркова С. Свобода «от» и свобода «для». <http://www.pravda.ru/authored/02-10-2009/325897-chirkova-0/>

⁴³ См., напр.: Carter, I. Positive and Negative Liberty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition), Edward N. Zalta (ed.) <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/liberty-positive-negative/>.

чительно как право индивида не подвергаться инициированному насилию, то есть в «отрицательном» смысле.

С понятием свободы неразрывно связано и понятие *свободного общества*, каковое на протяжении истории также толковалось различными способами. Говоря о свободном обществе в понимании Маркса, чаще всего цитируют (в более или менее усечённом варианте) следующий отрывок из «Капитала»: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»⁴⁴. Маркс, таким образом, считает свободным обществом («царством свободы») лишь общество, в котором человек избавлен от принуждения к производительному труду, не оставляющему времени на саморазвитие, причём достичь такого общества можно только через централизованное управление экономикой, имеющее целью исключить перерасход ресурсов. Для практической реализации этой идеи потребовалось запретить людям иметь в собственности средства производства, запретить частную экономическую инициативу, в том числе и продиктованную здравым смыслом. Между тем, как отмечает, например, Ф. Хайек в книге «Пагубная самонаде-

⁴⁴Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий, книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 25, часть II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962, стр. 386-387

янность. Ошибки социализма»⁴⁵, централизованное планирование в принципе неспособно заменить частную инициативу, поскольку никто не может обладать всей суммой информации о действительных потребностях всех людей в стране; запрет частной инициативы вместо повышения эффективности использования ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей ведёт к появлению неудовлетворённых потребностей. Экономическая эффективность общественных отношений при этом не выросла, как ожидали марксисты, а, напротив, резко снизилась, так что для сохранения общества в его «свободном» состоянии пришлось уничтожить заодно и свободу слова, и другие гражданские свободы.

Свободу проявления частной инициативы не следует, по-видимому, ограничивать только экономической сферой; так, Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги» подчёркивает: «магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, — открытым обществом»⁴⁶. Далее Поппер рассматривает так называемую «органическую теорию государства», согласно которой роль индивида в обществе аналогична роли клетки в организме, и отмечает, что для открытых обществ такая аналогия неуместна: «в открытом обществе многие его члены стремятся подняться по социальной лестнице и занять места других членов. Это может привести, например, к такому важному общественному явлению, как классовая борьба. В то же время в организме нельзя обнаружить ничего похожего на классовую борьбу. Правда, о клетках или тканях организма иногда говорят, что они соответствуют членам государства и поэтому, возможно, могут соперничать по поводу пищи. Однако ноги обычно не проявляют склонности стать мозгом, а другие члены тела обычно не проявляют желания стать животом. Поскольку ничто в организме не соответствует одной из важнейших характеристик открытого общества — конкуренции за статус среди его членов, то так называемая органическая теория государства основана на ложной аналогии. Закрытому же обществу такие свойства практически не присущи. Его институты, включая касты, получают священную санкцию — табу. Поэтому органическая теория в этом случае оказывается не такой уж плохой. В результате, я думаю, мы совсем не удивимся, когда обнаружим, что большин-

⁴⁵Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: «Новости», 1992, 304 с

⁴⁶Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с, стр. 218.

ство попыток применить к нашему обществу органическую теорию — это замаскированные формы пропаганды возврата к племенному строю»⁴⁷. Таким образом, Поппер подчёркивает определяющую роль индивидуальной свободы в обществе, которое сам он называет *открытым*, но которое, по-видимому, можно без серьёзных натяжек назвать и *свободным*; небезынтересно будет отметить, что в такой трактовке свободное общество оказывается несовместимо с государственным и иным патернализмом.

В настоящей работе мы будем под свободным обществом понимать общество, предоставляющее свободу (то есть исключаящее принуждение) для составляющих его индивидов, причём будем предполагать, что общество может быть более свободным или менее свободным в зависимости от того, *насколько* индивид в этом обществе избавлен от принуждения. Иначе говоря, общество тем более свободно, чем меньше в нём насилия.

Противники либерализма часто цитируют фразу «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», при этом не все знают, что фраза принадлежит В. И. Ленину⁴⁸. Вообще говоря, фраза представляет собой трюизм: действительно, общество как целое заведомо сильнее любого индивида, так что индивид не может быть «свободен от общества», если только само общество не рассматривает свободу индивида как свою основную (или, по крайней мере, важную) цель. Если же речь идёт о *свободном обществе*, вполне естественно предполагать, что именно индивидуальная свобода каждого человека, живущего в этом обществе, становится целью общества; такое общество не подвергает индивидов насилию, и, следовательно, живущие в таком обществе свободны, в том числе и от самого общества. Разумеется, свободное общество в таком его понимании — это некий идеальный тип, регулятивная идея; достижимость этого идеала в реальности приходится оставить под вопросом.

Итак, каково же должно быть свободное общество? Прежде всего, трудно было бы назвать свободным такое общество, в котором свобода считается не правом, а привилегией. Иначе говоря, одно из необходимых требований к свободному обществу состоит в том, что все люди должны рассматриваться равно свободными по праву рождения. Зафиксировав это требование, мы легко убеждаемся в том, что полное отсутствие каких бы то ни было ограничений на совершаемые индивидами поступки кажется «свободой» лишь на

⁴⁷ Там же, стр. 219.

⁴⁸ Ленин В. Партийная организация и партийная литература (13 ноября 1905 г.). ПСС, 5-е изд., т. 12, стр. 104

самый первый взгляд. Требующий такой «полной свободы», как правило, не понимает, каковы *для него самого* окажутся последствия снятия всех ограничений с окружающих его людей. По словам Милля, «Всё, что делает для человека ценным его существование, обуславливается наложением ограничений на свободу действий других людей»⁴⁹. Отсутствие ограничений сводится к праву сильного; но даже для самых физически развитых субъектов остаётся риск столкнуться с враждебно настроенной группой достаточного размера, так что практически для всех «полная свобода» оказывается свободой быть ограбленным, избитым и т. д. Отмена принципа недопустимости насилия (в том числе, по причине «недопустимости принуждения к ненасилию») ведёт к полному распаду государства, неизбежному захвату власти сильными группировками, собравшимися вокруг стихийных лидеров, и скатыванию общества к феодальной модели общественных отношений, при которой вся полнота власти принадлежит «воинам» (в данном случае — участникам банд), внутри властвующих группировок складывается иерархия, подобная вассальной, большинство же индивидов, неспособных или не имеющих склонности к насилию, оказываются в состоянии полного подчинения стихийно сложившимся властным структурам; это состояние, что естественно, сопряжено с выплатой дани представителям «новой власти». Таким образом, для большинства индивидов (если не для всех; трудно назвать свободными участников стихийно сложившихся банд) отмена принуждения к ненасилию приводит к потере, а не обретению личных свобод. Это позволяет отнести запрет насилия к числу *минимально необходимых* ограничений действий индивида, то есть к ограничениям такого рода, которые будут действовать в любом обществе, сколь бы свободным оно ни было.

Уточним, что никакое *пассивное* поведение не может быть истолковано как насилие в контексте вышесказанного. Право каждого в любых условиях сохранять пассивность, вообще говоря, ни к каким масштабным катаклизмам не приводит, хотя и рассматривается в некоторых случаях как негативное явление (в качестве примера можно назвать оставление без помощи).

Отметим ещё один момент. Коль скоро речь идёт о введении ограничений, необходимо разрешить и создание механизмов принуждения к выполнению этих ограничений; в противном случае любые ограничения останутся пустым звуком. Здесь часто усматривают противоречие между декларацией

⁴⁹Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426, стр. 201

о недопустимости насилия, с одной стороны, и требованием об эффективном принуждении к исполнению ограничений, с другой, обыгрывая при этом фразу «запрет насилия — это тоже насилие». Противоречие, однако, снимается, если уточнить, что речь идёт лишь о насилии *инициированном*. Можно говорить, что индивид свободен в своих действиях и решениях до тех пор, пока не совершит инициированного насилия и не окажется, таким образом, в положении преступника, подлежащего возмездию. Условимся в дальнейшем для определённости опускать уточняющее прилагательное «инициированное» в применении к насилию, т. е. обозначать термином «насилие» исключительно насилие инициированное, и ничто иное; применение силы, совершённое в ответ на насилие, будем обозначать, в зависимости от конкретики, словами «возмездие», «оборона», «защита», «меры пресечения» и т. п., не употребляя, таким образом, слово «насилие» для обозначения действий, определённо допустимых либо могущих таковыми оказаться.

Сделаем ещё одно достаточно очевидное уточнение. Никакие действия в отношении индивида, совершённые с его согласия, не могут считаться насилием над этим индивидом. Разумеется, под согласием здесь следует понимать согласие *информированное*; иначе говоря, индивид должен точно знать, на что конкретно соглашается. Обычно об информированной доброй воле говорят в случае, если никто из остальных участников взаимодействия не пытался злонамеренно утаить от индивида существенных деталей предстоящего.

Поскольку современное общество основано на разделении труда и, как следствие, на сотрудничестве людей между собой, право согласия приходится несколько обобщить, введя *свободу волеизъявления*, выражающуюся в праве личности брать на себя произвольные обязательства (как правило, в обмен на обязательства со стороны других субъектов). От простого права согласия это отличается невозможностью «передумать»: субъект, в прошлом добровольно взявший на себя обязательства, должен исполнить их вне зависимости от своего нынешнего настроения. Принуждение индивида к исполнению договорных обязательств, в том числе силовое, не следует считать нарушением свободы индивида, постольку поскольку договорные обязательства индивид взял на себя по собственной воле. Условимся не применять термин «насилие» также и к случаю принуждения индивида к исполнению договорных обязательств. Это не противоречит вышеобозначенным критериям насилия: добровольное заключение договора (сделки) следует рассматривать как согласие индивида на применение к нему методов принуждения в случае неис-

полнения им собственных обязательств, а действия, совершённые с согласия индивида, не могут считаться насилием над ним.

Всё вышесказанное можно передать одной фразой: любое взаимодействие индивидов между собой должно совершаться на основе их общей информированной доброй воли, которая может быть выражена как в форме простого согласия, так и в виде заранее взятых на себя обязательств. Модель общественного устройства, основанная на принципах недопустимости иницированного насилия и нерушимости договорных обязательств (либертарианская или минархистская модель) является, по-видимому, моделью, допускающей *наибольшую возможную свободу* для каждой личности в рамках общества. Действительно, оба ограничения, накладываемые на личность, оказываются необходимыми (одно — для взаимовыгодного взаимодействия или разделения труда, второе — для недопущения скатывания общества к феодальным отношениям, которые невозможно назвать свободными), никаких же иных ограничений мы не наложили. Таким образом, отталкиваясь от либертарианского понимания свободы, мы можем быть уверены, что имеем дело с действительной свободой, а не её суррогатом. Иначе говоря, какие бы требования мы ни накладывали на взаимодействие индивидов, эти требования не будут ни в коей мере ограничением свободы, если только они соответствуют требованиям либертарианской модели.

Любопытно, что основополагающее влияние либертарианских принципов на становление сети Интернет как социального явления (а значит, и на становление информационного общества) отмечают многие исследователи, включая Мануэля Кастельса: «Интернет был рождён в результате кажущегося невероятным пересечения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской культуры»⁵⁰.

Отметим теперь, что *в любом акте передачи информации участвуют как минимум две стороны*: передающий и принимающий, отправитель и получатель, и т. д. Из этого можно сделать вполне очевидный вывод, что информационный обмен, на который хотя бы один из участников (либо передающий, либо получающий информацию) не дал своего согласия, является *насилием*. Одно из основных свойств личных свобод человека как в либертарианской модели общества, так и в иных моделях, ориентированных на человека и его права и свободы, состоит в том, что никакая свобода не является и не может считаться основанием для совершения насилия над другими людьми.

⁵⁰Кастельс М. Галактика Интернет. Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. , стр. 31

Свобода слова традиционно упоминалась без дополнительных уточнений, в предположении, что смысловое наполнение этого понятия достаточно очевидно для всех участников общественных отношений. Как уже отмечалось, заметное количество людей при этом понимает свободу слова как право каждого говорить что угодно кому угодно, или, обобщая, как право каждого передавать кому угодно любую информацию. Мы видим, однако, что в таком понимании свобода слова оказывается свободой насилия. Таким образом, термин «свобода слова» однозначно нуждается в уточнении.

Во избежание неоднозначности мы в дальнейшем для обозначения уточнённого понятия свободы слова будем использовать термин «свобода информационного обмена» или просто «информационная свобода». Отметим, что такой термин более точно характеризует современные реалии, поскольку далеко не любая информация сегодня может быть облечена в слова (во всяком случае, разумным способом).

Попробуем сформулировать основные составляющие информационной свободы. Во-первых, поскольку любой информационный обмен является взаимодвижением индивидов, необходимо потребовать согласия каждого из участников — как передающего, так и принимающего. Во-вторых, необходимо учесть свободу волеизъявления и потребовать, чтобы соответствующий информационный обмен не противоречил никаким обязательствам, которые были ранее взяты на себя кем-либо из участников обмена. Так, если обладатель информации ранее **добровольно** взял на себя обязательство о неразглашении этой информации, то её разглашение должно уже рассматриваться не как проявление свободы информационного обмена, но как нарушение собственных добровольных обязательств. Наконец, в-третьих, чтобы остаться в рамках либертарианской модели, необходимо потребовать, чтобы *никаких иных ограничений на обмен информацией не накладывалось*, т. е. если все участники предполагаемого информационного обмена выразили своё согласие и никто из участников не связан запрещающими обязательствами, то информационный обмен должен состояться вне всякой зависимости от пожеланий, интересов и волеизъявлений третьих лиц, включая и государственные органы, правительство, всевозможные корпорации, организации и т. п.

Итак, **определим *информационную свободу* как такую модель общественного устройства, при которой любое информационное взаимодействие может (и должно) состояться тогда и только тогда, когда все непосредственные участники данного информационного**

взаимодействия согласны в нём участвовать и ни один из участников не связан добровольно взятыми на себя обязательствами, делающими соответствующий информационный обмен невозможным.

С другой стороны, любое *активное* действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (без согласия принимающего или без согласия передающего), либо вмешательство третьих лиц в свободное информационное взаимодействие с целью его нарушения и/или активные действия третьих лиц, делающие соответствующий обмен невозможным, будем называть *информационным насилием* над личностью. Отметим, что под определение информационного насилия формально не подпадают нарушения ранее взятых на себя договорных обязательств (например, разглашение информации, которую её владелец добровольно обязался не разглашать), что, однако, не делает такие нарушения информационной свободы сколь бы то ни было менее важными. Вообще говоря, здесь речь идёт даже не о нарушении информационной свободы, а о нарушении договорных обязательств, что противоречит самой либертарианской модели общественных отношений как таковой, даже без введения в неё только что сформулированной понятийной базы информационной свободы и информационного насилия.

Следует отметить, что введение понятия информационного насилия и его рассмотрение в качестве полноценного насилия наряду с насилием физическим способно «закрыть» некоторые давно известные проблемы либертарианской модели, в которой свободное общество понимается как общество без инициированного насилия. Одну из таких проблем проиллюстрировал Станислав Лем, известный не только как писатель-фантаст, но и как философ, автор ряда публицистических статей и книги «Сумма технологии», в которой он предвосхитил многие проблемы современного общества. В романе «Осмотр на месте» С. Лем описал общество, из жизни которого насилие (физическое) полностью исключено искусственными, сугубо техническими средствами. В романе присутствует, помимо прочего, следующая сцена, никак не связанная с предшествующими и последующими событиями⁵¹ (позволю себе процитировать эту сцену полностью, поскольку она прекрасно передаёт мысль Лема): «...дети издали выглядели совсем как наши, у них даже были ведёрки, чтобы делать куличи из песка. Куличи лепила только одна маленькая,

⁵¹Лем С. Осмотр на месте. // Лем С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. М.: Текст, 1994. С. 99–350, стр. 308-309

лет трёх, девчушка, сидя на корточках отдельно от всех. Остальные играли иначе. Они швырялись горстями песка, стараясь попасть в глаза друг другу, и заливались смехом, когда песок, отражённый невидимым дуновением, обсыпал бросившего. Из-за живой изгороди вышел малыш — не старше, чем остальные, — и что-то стал говорить. Его не слушали, тогда он принялся передразнивать играющих, всё грубей и грубей, пока не вывел их из себя. Они бросились на нахала, но, хотя и были выше и шли втроем на одного, он вовсе не испугался, и неудивительно — нападавшие ничего не могли ему сделать. Не знаю, что парировало их удары, но этот мальчишка, меньше всех ростом, спокойно стоял посреди напирających на него, рассерженных уже не на шутку детей; в конце концов все вместе они опрокинули его и принялись по нему прыгать. Но мальчуган, казалось, стал скользким, как лёд; напрасно пытались они держаться друг за друга, чтобы не упасть, или прыгать с разбега. Ребячий гомон умолк; дети молча начали раздеваться, чтобы разделаться с обидчиком голышом. Двое держали его, а третий, связав из шнурка петлю, набросил её на шею жертве и затянул. Я непроизвольно рванулся с места, но не успел встать, как шнурок лопнул. Тогда эти мальцы пришли в настоящее бешенство. Началась такая кутерьма, что в песочнице взметнулось облако пыли. Из него поминутно кто-то показывался, чтобы поднять валяющиеся возле песочницы лопатку или грабелку, и с занесённой рукой бросался на недостижимого врага. Ярость детей превращалась в отчаяние. Один за другим, отбрасывая в сторону свои игрушечные инструменты, они выбрались из песочницы и уселись на газоне поодаль друг от друга, опустив головы. Малыш встал, он бросал в них песком, подходил к сидящим, смеялся над ними — наконец один из них расплакался, порвал на себе костюмчик и убежал. Несостоявшаяся жертва потопала в другую сторону. Остальные долго собирали свои вещи, потом присели на корточки в песочнице и что-то там рисовали. Наконец и они ушли. Я встал и через голову девчушки, которая по-прежнему невозмутимо опрокидывала свои кулички, глянул на оставленный детьми рисунок: неуклюжий контур фигуры, рассечённый вдоль и поперёк глубокими ударами лопатки».

Очевидно, что Лем, вставляя в роман эту сцену, пытался показать читателю пример ситуации, в которой техническая невозможность насилия, пусть даже инициированного, теряет свою незыблемую «положительность» и оказывается явлением по меньшей мере спорного качества. Однако в свете введённых выше терминов мысль, выраженная пронзительным художественным

текстом Лема, приобретает совершенно иное звучание: именно, при искоренении насилия невозможно ограничиваться насилием физическим; информационные формы насилия должны быть рассмотрены (и исключены) наравне с «традиционными» (физическими) формами. В таком контексте дети, пытавшиеся побить своего обидчика, из инициаторов насилия превращаются в жертв насилия, которых «эतिकосфера» (не допускающая физического насилия, но игнорирующая при этом насилие информационное) фактически лишила возможности вполне законной самообороны, одновременно гарантировав инициатору насилия полную безнаказанность.

Гипотетическое общество без насилия вообще часто подвергалось критике как не только заведомо невозможное, но и (как ни парадоксально) нежелательное; введение понятия информационного насилия позволяет дать адекватный ответ на многие варианты такой критики, усовершенствовав и укрепив идею общества, полностью лишённого инициированного насилия, как идеала развития общественных отношений.

1.2. Информационное насилие и его типология

Информационное насилие можно очевидным образом разделить на три основных проявления. К первому из них мы отнесём **получение информации без согласия её обладателя**, т. е. передачу информации без согласия передающего. Сюда относятся, прежде всего, всевозможный шпионаж, прослушивание каналов связи, перлюстрация почтовой корреспонденции, радиоперехват и тому подобное. К этому же виду можно отнести прямую кражу носителей информации, что позволяет при рассмотрении такой кражи не ограничивать размер нанесённого ущерба стоимостью самих носителей. Кроме того, при ближайшем рассмотрении к этому виду информационного насилия приходится отнести исполнение существующих во многих юрисдикциях законов об *обязательности* дачи свидетельских показаний. Интересно, что согласно действующему законодательству человек не обязан свидетельствовать против самого себя, против своего супруга/супруги или ближайших родственников, то есть государство на законодательном уровне признало, что для отказа от свидетельствования могут существовать уважительные причины. В то же время, отказ от дачи свидетельских показаний против других лиц по-прежнему рассматривается как уголовно наказуемое деяние, и *согласие* свидетеля дать соответствующие показания никого при этом не интересует.

Между тем, невозможно предусмотреть на уровне закона все возможные ситуации, как невозможно во многих случаях и проверить действительное возникновение соответствующей ситуации. Так, например, мало кто согласится давать показания против близких друзей, но никаких подобных оговорок в законе нет, а даже и присутствию таковых в тексте закона, представляется сложным формально доказать существование близких дружеских отношений. Если считать, что индивид вправе распоряжаться самим собой (в том числе и содержимым своей памяти) по собственному усмотрению, представляется вполне логичным предоставить ему возможность *самому* определять допустимость дачи показаний в каждом конкретном случае.

Второй вид информационного насилия — это **передача информации без согласия получателя**. Кроме уже упоминавшегося выше спама к этому виду относятся словесные оскорбления, злонамеренная дезинформация и т. п. Вместе с тем, по моему мнению, к данному виду информационного насилия необходимо отнести:

- большую часть существующей рекламы: как минимум, любую рекламу с использованием персональных каналов связи, включая рассылку рекламных материалов обычной почтой и телефонные звонки рекламного характера, а также и наружную рекламу, рекламу в общественном транспорте и т. п., то есть все виды рекламы, на получение которой получатель не давал своего согласия; это можно не относить к рекламе на телевидении и радио, поскольку просмотр соответствующего телеканала или прослушивание радиостанции можно с некоторой натяжкой считать согласием на получение рекламы, но тогда необходимо запретить воспроизведение теле- и радиопрограмм в общественных местах;
- пропаганду любого рода вне всякой зависимости от её целей; пропаганда ненависти и насилия в этом плане ничуть не лучше и не хуже, чем пропаганда, к примеру, здорового образа жизни;
- миссионерскую деятельность всевозможных религиозных конфессий, включая как секты, так и «официальные» церкви, проводимую за пределами храмов и других специально выделенных помещений;
- оказание психологического давления любого рода, т. е. всё то, что обычно скрывается под словами «уговорить», «убедить» и т. п.
- проведение в общественных местах всевозможных демонстраций, митингов, пикетов и тому подобных мероприятий, имеющих целью на-

вызывание окружающим определённых (обычно политических) точек зрения; разумеется, это не относится к мероприятиям, проходящим в закрытых помещениях, попадание в которые само по себе не может быть случайным и может рассматриваться как согласие на получение соответствующей информации;

- торговлю вне специально отведённых мест (магазинов и рынков), коммивояжерскую деятельность;
- наконец, обыкновенное попрошайничество.

В третий, и последний вид информационного насилия выделим **вмешательство третьих лиц в свободный информационный обмен**, протекающий с согласия всех его участников и не противоречащий действующим добровольным обязательствам участников. К этому виду относится всевозможная цензура, как государственная, так и осуществляемая на других уровнях общественных отношений. Уточним, что под цензурой в данном случае мы понимаем запрет передачи или публикации сведений определённого характера, устанавливаемый вне зависимости от принадлежности средств передачи и публикации. Так, отказ редакции журнала от публикации конкретной статьи либо статей определённой категории, вообще говоря, цензурой не является, поскольку, во-первых, мы здесь имеем дело с правом распоряжаться своей собственностью (журнал имеет владельца, и этот владелец имеет право решать, какие публикации в журнале допустимы, а какие — нет). С другой стороны, запрет публикации тех или иных материалов, исходящий от государственных, муниципальных органов либо от каких-либо третьих лиц или организаций и не основывающийся на исполнении прав собственности на журнал, в равной степени ущемляет права автора, редакции и публики; именно запреты такого рода мы называем цензурой, которую и относим к информационному насилию третьего вида.

Кроме того, к этому же виду насилия при внимательном рассмотрении приходится отнести существенную часть мероприятий по обеспечению института интеллектуальной собственности (прежде всего — исключительных авторских прав). В основе современного авторско-правового законодательства лежит понятие копирайта, т. е. права копирования той или иной информации. Предполагается, что информация, «защищённая» копирайтом, может быть скопирована только правообладателем или теми, кому правообладатель тем или иным способом дал соответствующие полномочия. В общем случае

(из которого существует множество исключений, зависящих от конкретной версии авторско-правового законодательства) создание копии объекта авторского права, в том числе путем передачи информации третьим лицам, является незаконным независимо от наличия или отсутствия каких бы то ни было договорных отношений между правообладателем и лицами, непосредственно участвующими в информационном обмене.

Легко видеть, что принципу информационной свободы, сформулированному выше, это не соответствует. Пока речь идет об отношениях правообладателя и его клиента, который при приобретении «законной» копии (книги, диска, коробки с программой для ЭВМ и т. п.) дал тем или иным (явным!) образом обязательство не распространять копий, снятых с покупаемого экземпляра, всё вроде бы в порядке, поскольку речь идёт об исполнении добровольных обязательств. Однако если новый «законный» обладатель копии своих обязательств не выполнил, сняв с «законного» экземпляра новые копии и передав их третьим лицам, мы имеем дело с копиями, обладатели которых никому никаких обязательств о нераспространении не давали. Для этих людей дальнейшее копирование информации будет полностью соответствовать нашему определению свободы информационного обмена, но в то же время с точки зрения существующего авторско-правового законодательства, основанного на копирайте, такое распространение является незаконным — и, следовательно, меры по обеспечению соблюдения копирайтного законодательства оказываются в общем случае информационным насилием, связанным с воспрепятствованием третьими лицами осуществлению свободного информационного обмена, то есть насилием того же вида, что и цензура.

Под определение информационного насилия можно подвести и такие хорошо известные явления, как *клевета* и *плагиат*, однако для этого необходимо отказаться от традиционных воззрений на то, кто является в этих случаях пострадавшей стороной. Традиционно пострадавшим от клеветы считали лицо, относительно которого распространяются заведомо ложные (клеветнические) сведения, а пострадавшим от плагиата (присвоения авторства) считали настоящего автора произведения. Между тем, ни оклеветанное лицо, ни автор исходного произведения не принимают непосредственного участия в информационном обмене, в ходе которого возникает клевета или плагиат; согласно сформулированным выше принципам интересы третьих лиц не могут приниматься во внимание при определении допустимости информационного обмена, и, соответственно, ни клевета, ни плагиат не могут быть признаны

информационным насилием, если пострадавшего (объект насилия) пытаться искать традиционным способом. Это, однако же, не означает допустимости клеветы и плагиата в рамках информационной свободы в нашем её понимании, поскольку и то, и другое, бесспорно, является злонамеренной дезинформацией; всё встаёт на свои места, если признать, что в обоих случаях (как при клевете, так и при плагиате) пострадавшим является непосредственный получатель информации, будь то клеветнические сведения или ложные сведения об авторстве. При этом те лица, которые считались пострадавшими в соответствии с устоявшимися традициями, будь то оклеветанное лицо, или автор, чьё авторство кем-то присвоено, могут в некоторых случаях быть признаны пострадавшими *косвенно*, поскольку им могут нанести ущерб решения злонамеренно дезинформированных лиц, принимаемые на основе заведомо ложной информации.

Пусть, например, в фирме, принадлежащей Иванову, работает сотрудник Петров. Некто Сидоров передаёт Иванову заведомо клеветнические сведения о Петрове. *Непосредственно пострадавшим* здесь следует считать только Иванова, поскольку Петров в информационном обмене непосредственного участия не принимает. Если, однако, на основе полученных клеветнических сведений Иванов принимает решение об увольнении Петрова с работы, то речь может идти уже о признании Петрова *косвенно пострадавшим*. Это возможно лишь при условии надлежащего подтверждения того факта, что в отсутствие исходных клеветнических сведений Иванов не стал бы увольнять Петрова. В качестве такого подтверждения могут, например, рассматриваться показания самого Иванова.

В качестве промежуточного итога можно отметить, что под определение информационного насилия попадает множество явлений, традиционно считавшихся незаконными (оскорбления, пропаганда насилия и экстремизма, злонамеренная дезинформация, шпионаж, цензура, клевета и др.), множество явлений, законность которых сомнительна и зависит от конкретной юрисдикции (в качестве примеров назовём попрошайничество и принуждение к даче свидетельских показаний), некоторые явления, которые в силу инертности общества формально остаются законными, но которые невозможно, тем не менее, считать допустимыми (тот же спам).

Наконец, информационным насилием оказалось достаточно заметное множество явлений, традиционно воспринимаемых как вполне законные, привычные и часто воспринимаемые как полезные: реклама и деятельность ком-

мивояжеров; пропаганда «положительного» с социальной точки зрения поведения, такого, как отказ от курения и т. п.; политические демонстрации, вообще так называемая свобода митингов и шествий; наконец, авторское право в его имущественной части. Заметим, однако, что все перечисленные «законные» виды информационного насилия имеют одну очевидную общую черту: в каждом случае их проявления можно указать значительное количество лиц, чьим интересам такие явления противоречат. Так, реклама, в особенности навязчивая, порождает массовое раздражение и протесты, в ряде случаев выражающиеся в актах вандализма в отношении рекламных объектов; та же пропаганда отказа от курения приводит к недовольству курящих граждан, часто принимающему довольно резкие формы; проведение политических демонстраций, митингов и пикетов нередко вызывает жалобы со стороны гражданского населения, чьё место проживания или работы находится вблизи от мест проведения соответствующих акций, а также тех, кто случайно наткнулся на проходящую демонстрацию на своём пути.

Что же касается авторско-правового законодательства в его имущественной части, то в последние годы широко обсуждается⁵² наносимый им безусловный вред практически всему обществу, за исключением узкого круга издателей и совсем уже считанных единиц профессиональных и хорошо раскрученных авторов, имеющих высокие гонорары. Отметим, что доля таких авторов невысока даже среди писателей, уже имеющих напечатанные книги, и совсем незаметна, если рассматривать всех авторов, имеющих своего читателя. Что касается тех авторов, которым не посчастливилось войти в число «избранных», то для них копирайтное законодательство предстаёт в виде богатейшего набора средств, используемых издателями для *ущемления* их интересов. Многие авторы отмечают, что традиционный подход к интеллектуальной собственности с появлением сети Интернет безнадёжно устарел и не отвечает современным потребностям общества. В качестве причин этого называют, прежде всего, качественно изменившийся характер отношений создателя информации с потребителем информации (в которых внезапно оказалась необязательной роль издателя, на которого исходно и ориентировано авторско-правовое законодательство); отмечают, кроме того, резко возросшую роль информации в общественных отношениях и растущую потребность в квалифицированных (имеющих хорошее образование) людях, что позволя-

⁵²См., напр.: Stallman, Richard M. Misinterpreting copyrights — A series of errors. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 79–88; Boyle, J. Sold out. // New York Times, March 31, 1996. Online: http://www.law.duke.edu/boylesite/Sold_out.htm.

ет говорить об ущемлении прав личности на информацию и усугубляющемся (из-за ограничений, накладываемых интеллектуальной собственностью) *информационном неравенстве*; об этом говорил, например, известный учёный и популяризатор науки С. П. Капица в интервью журналу «Эксперт», которое вышло под заголовком «Интернет изменит контуры права на интеллектуальную собственность»⁵³.

Существует огромная масса литературных и музыкальных произведений, помещённых самими авторами в свободный доступ без каких-либо претензий на гонорары. Ещё интереснее обстоят дела в сфере программного обеспечения для компьютеров: автор этих строк в течение вот уже более чем десяти лет обходится для всех своих нужд свободно распространяемыми программами, и к настоящему времени практически не осталось задач, решаемых с помощью компьютера, которые при этом нельзя было бы выполнить, пользуясь только свободными программами. Многие авторы свободного программного обеспечения обрушиваются с оглушительной критикой на институт интеллектуальной собственности; один из наиболее известных таких критиков — Ричард Столлман — известен одновременно и как пропагандист свободных программ, и как программист, автор многих программ, которыми пользуются миллионы людей во всём мире (часто даже не подозревая этого). Всё это позволяет предположить, что *необходимость* имущественных авторских прав в современном обществе несколько преувеличена.

Таким образом, сформулированное выше определение информационного насилия позволяет чётко разделить все случаи информационного обмена на допустимые и недопустимые с использованием простого и ясного критерия, который находится в лучшем соответствии с объективными потребностями современного социума, нежели действующее законодательство.

1.3. Социальный эффект информационной свободы

Важно отметить, что либертарианская модель общественных отношений использовалась здесь в качестве гарантии того, что личная свобода не будет подменена каким-либо её суррогатом; в то же время, всё сказанное верно далеко не только в либертарианской модели. Защита граждан от насилия в том или ином виде оказывается необходимой функцией любой государственной системы, и либертарианство отличается от других систем только в том, что

⁵³Капица С. П. Интернет изменит контуры права на интеллектуальную собственность // Эксперт-Интернет, № 3, 24 июля 2000 г. См. также <http://lib.ru/COPYRIGHT/kapitsa.txt>

не даёт права на насилие (напомним, что мы имеем в виду исключительно насилие инициированное) никогда и никому, в том числе и самому государству, тогда как во всех прочих государственных системах из этого правила делаются определённые исключения.

Многие частные проявления информационного насилия считались и считаются противозаконными практически во всех существующих юрисдикциях; сама по себе идея преступления, весь состав которого складывается из действий сугубо информационных, ничего нового собой не представляет. Вместе с тем, революционные изменения общественных отношений, вызванные наступлением цифровой эпохи, предъявляют соответствующие требования к законодательным системам и порождают потребность в разрешении имеющихся противоречий, связанных с информационной свободой, в прояснении и упорядочении точек зрения на допустимость или недопустимость тех или иных видов информационной активности.

Признание информационного насилия полноценным видом насилия, требующим наравне с насилием физическим соответствующей реакции общества, возможно (и, по мнению автора, необходимо) в любом государстве, претендующем на статус правового. Никакой определяющей роли в этом либертарианство не играет. Безусловно, такое признание потребует серьёзных изменений в существующих общественных отношениях, и, как это всегда бывает, не всем такие изменения окажутся выгодны. Тем не менее, имеющиеся и с каждым годом обостряющиеся социальные и правовые проблемы, вызванные неизбежным техническим совершенствованием цивилизации, необходимо так или иначе снимать, и признание понятия информационного насилия представляется с этой точки зрения шагом более эффективным, чем попытки заретушировать множащиеся проблемы путём дальнейшего усложнения и без того чрезмерно сложного законодательства.

Концепция информационного насилия и информационной свободы, понимаемой как отказ от информационного насилия и его запрет, позволяет дать достаточно однозначные ответы на ряд вопросов о допустимости и недопустимости тех или иных действий, которые в настоящее время решаются волюнтаристски, чаще всего под давлением тех или иных парламентских лобби, причём полученные решения существенно различаются от юрисдикции к юрисдикции. Накапливающиеся противоречия будут тем острее, а универсальные ответы на правовые и этические вопросы, связанные с информационным обменом, будут тем более необходимы, чем дальше зайдут общественные от-

ношения по пути формирования информационного общества. Показательно, что само словосочетание «информационное насилие», практически не встречавшееся в литературе чуть больше десятка лет назад, в настоящее время используется многими авторами⁵⁴, встречается в обыденной речи⁵⁵, что однозначно говорит о назревшей необходимости в такого рода терминологии; в то же время понятие используется обычно без дефиниций и, как следствие, с определённой степенью терминологического произвола. В «Толковом словаре обществоведческих терминов» Н. Е. Яценко, вышедшем в 1999 году⁵⁶, даётся следующее определение: «Информационное насилие — одна из форм насилия политического, осуществляемая путём навязывания населению информации определённой направленности; агрессивная дезинформация». Это определение неоправданно сужает предметную область; в современном обществе невозможно ограничивать рассмотрение информационных отношений одной лишь областью политики. Настоящее исследование, таким образом, имеет своей целью удовлетворение объективных потребностей существующего дискурса.

Рассмотрение некоторых видов информационного насилия позволяет снять определённые мнимые противоречия либерализма как такового. Следует ли, например, говорить о свободе наркомана, «подсаженного на иглу» распространителями наркотиков, если при этом не происходило физического насилия? На интуитивном уровне понятно, что ответ будет отрицательным; рассматриваемая концепция позволяет объяснить это: действительно, несмотря на отсутствие физического насилия, будущий наркоман в большинстве случаев подвергается, во-первых, заведомой дезинформации (как в форме недоговорённости, так и в форме откровенной лжи о действительных свойствах наркотика), а также уговорам, психологическому давлению, и всё это, как отмечалось выше, представляет собой информационное насилие. Таким образом, деятельность по созданию у индивидов наркотической зависимости являет собой насилие и останется таковым, даже если (как этого требуют многие либералы, включая Дорджа Сороса⁵⁷) снять ограничения с оборота наркотических средств. По тем же причинам не следует говорить о свободе

⁵⁴См., напр.: Хворостин Д. В. Деструктивное воздействие средств массовой коммуникации на молодёжь // Молодёжь в культуре и науке XXI века. Материалы третьей научной конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей. 2 ноября 2004 г. ЧГАКИ. Челябинск, 2004. С. 276–279; Пряжников Н. С. Проблема информационного насилия в школе // Психология и школа, 2003, № 4, с. 3–8

⁵⁵Портнов Г. Театр «СКРИМ» показал в танце предвыборное информационное насилие // Vninform.ru, 04.05.2011. <http://www.vninform.ru/toprint/97253.html>

⁵⁶Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999, 524 с

⁵⁷Сорос Дж. Сорос о Соросе. Опережая перемены. М.: Инфра-М, 1996. 336 с, стр. 217–219

человека, взявшего кредит в банке и неожиданно для себя обнаружившего в договоре условия, напечатанные пресловутым мелким шрифтом, существенно изменяющие условия предоставления кредита — несмотря на то, что никто не принуждал его (физически) подписывать этот договор. Более того, сложно говорить о свободе рыночных отношений и успешности коммерческих проектов как критерии их полезности и востребованности в условиях тотального информационного террора, каковым, несомненно, является современная реклама; это замечание открывает путь к снятию противоречия между свободой частной экономической инициативы, с одной стороны, и недостатками «общества потребления», расписывание которых стало популярно у противников личной свободы, с другой стороны. В то же время не всякая реклама является информационным насилием; в частности, существуют списки рассылки по электронной почте, правила которых предусматривают рассылку рекламы, но при этом подписка на такой список проводится с использованием технических средств, заведомо исключающих попадание в список адреса иначе как по явно и недвусмысленно выраженной воле его владельца (так называемой двуфазной конфирмации). Концепция информационного насилия позволяет однозначно ответить на вопрос, какие виды рекламы допустимы, а какие категорически недопустимы.

Итак, рассматриваемое определение информационной свободы представляет собой ответ на объективно существующие потребности современного общества. Внедрение предлагаемой понятийной базы и соответствующие изменения в жизни социума, как юридические, так и практические, несомненно, потребуют серьёзных усилий и натолкнутся на существенное сопротивление; тем не менее, социальные противоречия, порождаемые игнорированием проблем информационного насилия, с каждым годом становятся всё острее. Оставаясь неразрешенными, эти противоречия могут вызвать качественные стихийные сдвиги в жизни общества, последствия которых могут оказаться существенно тяжелее, нежели преобразования, необходимые сейчас для устранения назревающих очагов напряжённости. Более того, тривиальный характер вводимых терминов позволяет предположить, что рано или поздно именно такой подход к свободе информационного обмена будет так или иначе принят обществом; в этом плане социально значимым может оказаться само введение термина информационного насилия в дискурс, даже если это не вызовет немедленных изменений в действующем законодательстве.

Глава 2

Отношения интеллектуальной собственности как форма информационного насилия

2.1. Границы интеллектуальной собственности, основные её виды и их роль в современном обществе

Как отмечалось в предыдущей главе, признание недопустимости информационного насилия влечёт необходимость упразднения интеллектуальной собственности как юридического института. Необходимо отметить, что точное значение таких терминов, как «интеллектуальная собственность», «авторское право» и т. п. варьируется от источника к источнику, в том числе, и в юридической литературе. Следовательно, необходимо уточнить значения используемых терминов, прежде чем перейти к подробному рассмотрению роли интеллектуальной собственности в современном мире и анализу последствий отказа от неё.

Отметим прежде всего, что далеко не все результаты интеллектуальной деятельности являются (или могут быть) объектами интеллектуальной собственности. Обратное также верно: правовые механизмы, связанные с интеллектуальной собственностью, часто используются для «охраны» (а точнее, узурпации права использования) информационных объектов, не имеющих никакого отношения к интеллектуальной деятельности человека.

В контексте нашего исследования важно отметить, что **далеко не все права, связываемые так или иначе с объектами интеллектуальной собственности, можно отнести к собственности как таковой.** Признаками *собственности* обычно является возможность *распоряжаться* предметом собственности (продать, подарить, сдать в аренду, разрешить или запретить третьим лицам использование предмета, и т. п.); в то же время значительная часть прав, устанавливаемых законами об интеллектуальной собственности, никакой возможности распоряжения не предусматривает. В российском законодательстве эти права называются *личными неимуществен-*

ными правами автора. Некую путаницу вносит то обстоятельство, что в англоязычных источниках аналогичный набор прав называется *moral rights*; калькированный перевод с английского — «моральные права» — искажает смысл, поскольку в русском языке это словосочетание имеет устоявшееся значение и употребляется обычно для обозначения «прав», которые человек имеет в соответствии со своими нравственными установками, *в противоположность* правам юридическим, тогда как английский оригинал обозначает именно юридическую сущность. Наиболее понятным и очевидным из неимущественных прав является *право авторства*, то есть право считаться автором произведения. Заметим, что право авторства по сути представляет собой не *право собственности* и даже вообще не *право*, а скорее констатацию факта: данное конкретное произведение создано данным конкретным физическим лицом.

Ситуация осложняется тем, что понятие «интеллектуальной собственности» часто используется в совершенно различных значениях; так, известный американский социолог Роберт Мертон опубликовал в 1988 году статью «Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности», значительная часть которой посвящена традициям распространения научной информации; при внимательном прочтении оказывается, что под «интеллектуальной собственностью» Мертон понимает именно *право авторства* как в отношении научных публикаций, так и в отношении самих научных результатов: «... система открытых публикаций, обеспечивающая прогресс научных знаний, требует соблюдения некоторых взаимных обязательств, выполнения определённых норм. Она может быть эффективной только в том случае, если практика предоставления своих результатов в общее пользование дополняется нормой, согласно которой использующий эти результаты учёный должен продемонстрировать, что он это делает, сославшись на первоисточник. По сути, тем самым он подтверждает *права собственности*¹ того учёного, результаты которого он использовал. Такой порядок образует систему законной апроприации (использования) в отличие от системы незаконной экспроприации (плагиата)»². Используя термины «интеллектуальная собственность» и «право собственности», Мертон, тем не менее, неоднократно подчёркивает, что в научной среде такая «соб-

¹ Курсив автора диссертации.

² См. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS, вып. 3. Мир человека, 1993. с. 256–276, стр. 271.

ственность» не имеет ничего общего с исключительным правом «владельца» пользоваться (и, соответственно, запрещать другим пользоваться) своей собственностью: «... в науке право частной собственности устанавливается путём раздачи её субстанции, то есть результатов научной деятельности... авторство учёного лишь тогда приобретает более или менее законные основания, когда он опубликует свою работу и сделает её общедоступной», и далее: «учёные заинтересованы добровольно вносить свой вклад в общую копилку знаний в соответствии со своими научными способностями и могут свободно брать из этой общей копилки всё, в чём у них возникает потребность... фонду знаний не грозит истощение из-за слишком интенсивного его использования научной общественностью — на самом деле он от этого только возрастает»³. Более того, Мертон подчёркивает вынесенный в название статьи *символизм* «интеллектуальной собственности» в науке: «...цитаты и ссылки — это не только существенное подспорье для учёных и исследователей, желающих проверить утверждения или данные... Они выполняют также отнюдь не латентные символические функции. Они обеспечивают признание коллег и поддерживают интеллектуальные традиции, что очень важно для эффективности науки как сферы социальной деятельности»⁴.

С точки зрения данного исследования, Мертон, по-видимому, не совсем удачно выбрал используемую терминологию, обозначая как «собственность» то, что собственностью, на наш взгляд, не является. Вообще, многие авторы, включая Ричарда Столлмана⁵, подчёркивают пропагандистский характер термина «интеллектуальная собственность» и рекомендуют воздерживаться от его использования во избежание недоразумений.

Помимо собственно авторства, личные неимущественные права включают право на имя, то есть право определять, будет ли произведение опубликовано под настоящим именем автора, под псевдонимом или же анонимно; право на защиту чести и достоинства автора⁶ и т. п. Отметим, что **все эти права, включая и право авторства, являются неотчуждаемыми**⁷, то есть не могут быть ни проданы, ни подарены, ни каким либо ещё образом переданы другому лицу. В частности, издатель не может включать в договор с автором требование о том, что книга будет издана под подлинным именем ав-

³Там же, стр. 270.

⁴Там же, стр. 272.

⁵Stallman, Richard M. Did You Say Intellectual Property? It's a Seductive Mirage. // <http://www.gnu.org/philosophy/not-ipr.html>

⁶См. ст. 1265 и 1266 ГК РФ.

⁷См. ст. 1228, п. 2 ГК РФ.

тора, или, наоборот, под псевдонимом; даже если такой пункт в договоре будет, автор всегда может передумать, причем ни к каким негативным последствиям для него это привести не может. Договор, предусматривающий подобные последствия, будет в судебном порядке признан ничтожным. Этому напрямую противоречит практика некоторых издателей по созданию «издательского псевдонима» — виртуального «писателя», под именем которого книги (обычно длинные серии таковых) создают сменяющие друг друга наёмные авторы, имена которых остаются неизвестны читателю. Часто издатели при этом пользуются неосведомлённостью авторов о юридической действительности и включают в договоры с авторами пункты о том, под каким именем будет опубликовано произведение, в надежде на то, что автор не станет обращаться в суд и оспаривать такой договор.

Право авторства вместе с другими личными неимущественными правами часто считают составной частью *авторского права* (как юридической предметной области). Именно такая терминология применяется как в Бернской конвенции⁸, так и в российском Гражданском кодексе; лица, не осведомлённые о юридических материях, зачастую вообще путают эти два понятия. Некое дополнительное сходство праву авторства и авторскому праву придаёт то обстоятельство, что право авторства, вообще говоря, может принести автору определённую выгоду, в том числе и сугубо материальную: автор знаменитой книги, обладая публичной известностью в качестве такового, имеет достаточно очевидные преимущества в социуме и может в некоторых случаях эти преимущества монетизировать, используя существующие в обществе системы обмена — например, выступая с лекциями и презентациями, участвуя в различных развлекательных программах и т. д.; право учёного считаться автором научного результата является, как это подчёркивает Мертон, одной из основных движущих сил науки как таковой.

Тем не менее, рассмотрение права авторства как частного проявления авторского права (и, как следствие, частного случая интеллектуальной собственности) упускает довольно существенные обстоятельства. Во-первых, как уже говорилось, **авторством нельзя распорядиться**. Во-вторых, область действия права авторства существенно шире, чем область действия авторского права. Интеллектуальная собственность, как известно, предусматривает три основных области законодательства: авторское право, охраняющее

⁸Имеется в виду Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, принятая в 1886 году.

результаты творческого труда; патентное право, охраняющее изобретения, модели и промышленные образцы; и торговые марки, стоящие в этом списке несколько особняком, поскольку прямого отношения к результатам интеллектуальной деятельности не имеют. Существуют, с другой стороны, результаты интеллектуальной деятельности, не относящиеся ни к одной из этих областей и не охраняемые в качестве собственности; примером таковых можно назвать математические результаты (например, теоремы), на которые не распространяется право собственности ни в одной стране мира. В большинстве юрисдикций приватизации не подлежат результаты фундаментальных исследований (научные открытия) в любых областях, а не только в области математики. Конкретная статья, излагающая научные результаты, может охраняться авторским правом как литературное произведение, но охраняется при этом именно конкретный текст, а не изложенные в нём результаты, т. е. никто не может запретить другим лицам написать статью или книгу, в которой будут излагаться те же самые результаты⁹. Отметим теперь, что *право авторства* (то есть право считаться автором того или иного объекта) действует отнюдь не только в области авторского права: на уровне законодательства оно фиксируется также и в области патентного права (право считаться автором изобретения, полезной модели или промышленного образца). Наконец, без всякой законодательной поддержки право авторства действует и за пределами института интеллектуальной собственности: математические теоремы и фундаментальные открытия часто называют именами их авторов, либо, во всяком случае, пытаются указать, кто и когда первым пришел к соответствующим научным выводам. Право авторства в этом своём проявлении называется *научным приоритетом*. Интересно, что единственный нормативный акт, закрепляющий право научного приоритета в России — это утверждённое правительством Положение о присуждении учёных степеней, в котором говорится, что диссертация, в которой будет обнаружено использование принадлежащих третьим лицам научных результатов без соответствующей ссылки, снимается с рассмотрения на любом этапе без права повторного представления к защите. В других странах, где вопросы присуждения учёных степеней правительством не контролируются и полностью отданы на усмотрение университетов, «право» научного приоритета оказывается основано только на этосе научного сообщества, не будучи никак подкреплено законами. Между

⁹ Согласно ст. 1259, п. 5 ГК РФ, «авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования.»

тем, право учёного считаться первооткрывателем научного результата играет в науке социальную роль, важность которой сложно переоценить. Уже упоминавшийся Роберт Мертон подчёркивает: «право интеллектуальной собственности¹⁰ в науке, которое заключается в признании со стороны коллег, защищено сводом неписаных законов. Это создаёт систему социальных стимулов, которые, наряду с внутренним интересом к самой научной работе, побуждают ученых добиваться хороших научных результатов и передавать плоды своего труда в общую копилку научных знаний в форме открытых публикаций, доступных всем, кто хотел бы ими воспользоваться»¹¹. При размывании этого этоса наука функционировать не может — наступает аномия научных сообществ.

Можно найти и другие сферы человеческой деятельности, предполагающие авторство, но не предполагающие отношений собственности. Например, кулинарные рецепты и рецепты коктейлей, являясь, несомненно, результатами интеллектуальной деятельности, не охраняются никакими законами. Как обычно, конкретное воплощение рецепта в виде текста может быть защищено авторским правом, но его содержательная составляющая остаётся за пределами действия копирайта, так что строго тот же рецепт, изложенный в других выражениях, будет принадлежать автору нового текста, а не автору рецепта. Таким образом, область действия права авторства оказывается существенно шире области действия авторского права и вообще института интеллектуальной собственности.

Нарушение права авторства называется *плагиатом*; точнее, плагиат есть утверждение о собственном авторстве относительно объекта, автором которого является другое лицо, например, публикация **под своим именем** литературного произведения, созданного другим лицом. Плагиат часто путают с нарушением имущественных прав на произведение (например, неправомерное тиражирование произведения); в действительности такие нарушения никакого отношения к плагиату не имеют. Более того, плагиатом не будет и заимствование фрагмента текста из другого произведения, если при этом указать границы заимствованного текста и его действительное авторство. Отметим, что такое заимствование вполне может нарушить чьи-то имущественные права (право на тиражирование произведения), а равно и неимущественные

¹⁰Как уже отмечалось выше, используемый Мертоном термин «собственность» в контексте рассматриваемой статьи следует признать неудачным.

¹¹Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS, вып. 3. Мир человека, 1993. с. 256–276, стр. 273

(например, право на защиту репутации автора), но всё это не делает заимствование *плагиатом*. Плагиат — это присвоение себе авторства, и только оно. Если действительное авторство так или иначе указано, о плагиате речи идти не может. С другой стороны, если действительное авторство не указано и плагиат имеет место, речь несомненно должна идти о действии противозаконном и недопустимом. В частности, в контексте научной деятельности Р. Мертон подчёркивает: «Плагиат — это экспроприация того единственного вида частной собственности, который даже такой убеждённый противник частной собственности на средства производства, как Карл Маркс, считал неотчуждаемым и яростно его отстаивал»¹². Нам остаётся лишь заметить, что Маркс был более последователен в отношении частной собственности, нежели это представляется Мертону: право авторства вообще не следует считать правом собственности, так что, отстаивая его неотчуждаемость, Маркс на самом деле не делал никакого исключения из своих принципов.

Как уже отмечалось в первой главе (см. стр. 43), плагиат можно рассматривать как злонамеренную дезинформацию читателей о действительном авторстве произведения; в таком случае требование о соблюдении права авторства не только не является информационным насилием, но, напротив, *плагиат сам по себе оказывается частным случаем информационного насилия*, что делает его запрет проявлением информационной свободы. Несложно видеть, что и другие личные неимущественные права автора никак не противоречат информационной свободе. Так, нарушение права автора на охрану целостности произведения или на защиту чести и достоинства автора при публикации произведения можно рассматривать как *клевету*, то есть создание у публики необоснованного негативного впечатления об авторе. Как говорилось выше, клевету можно рассматривать как информационное насилие, если только считать непосредственно пострадавшей стороной не оклеветанного индивида, а получателя клеветнических сведений.

Учитывая всё вышесказанное, мы можем утверждать, что рассмотрение личных неимущественных прав автора как составной части интеллектуальной собственности некорректно. Действительно, в самом названии *неимущественных* прав заложена невозможность относить их к *собственности*, и к тому же, как показано выше, *нарушение* неимущественных прав является собой информационное насилие, тогда как в случае интеллектуальной соб-

¹²Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS, вып. 3. Мир человека, 1993. с. 256–276, стр. 272

ственности (имущественных прав) информационным насилием оказываются сами законы, попирающие информационную свободу граждан. Говоря о необходимости ликвидации института интеллектуальной собственности, мы под интеллектуальной собственностью подразумеваем только, и исключительно, права имущественные.

В противоположность личным неимущественным правам автора, имущественные права, относящиеся к интеллектуальной собственности (и, как мы отмечали выше, *составляющие* интеллектуальную собственность), при внимательном рассмотрении всегда оказываются правом одних индивидов (или корпораций) подвергать других индивидов информационному насилию в тех или иных его проявлениях.

Во избежание терминологических недоразумений приведём обзор основных видов интеллектуальной собственности и используемой терминологии. Как уже говорилось, интеллектуальная собственность делится на три основные области: авторское право, патентное право и торговые марки (в России используется термин «товарный знак»). В некоторых странах существуют виды интеллектуальной собственности, не относящиеся ни к одной из этих областей, например, права на выведенную сельскохозяйственную культуру (plant breeders' rights); рассмотрение подобных тонкостей оставим за рамками настоящей работы.

Торговые марки и товарные знаки представляют собой несколько особый случай, поскольку, вообще говоря, не имеют отношения к охране результатов интеллектуальной деятельности. Их трудно спутать с другими видами интеллектуальной собственности, что позволяет не вдаваться в детали. В большинстве юрисдикций исключительные права на торговую марку признаются после её регистрации; зарегистрированные торговые марки во всём мире принято обозначать символом «®». В некоторых странах официально признан также знак «™», которым обозначают торговую марку, регистрация которой по тем или иным причинам к настоящему моменту не завершена, либо вообще не производилась. В России такой знак официального юридического статуса не имеет, но, тем не менее, достаточно часто применяется.

С патентами и авторскими правами ситуация несколько сложнее: их зачастую путают или смешивают даже люди, чья профессиональная деятельность связана с объектами охраны этих прав. Автору работы встречались программисты, официально зарегистрировавшие права на программу для ЭВМ, то есть прошедшие достаточно длинную бюрократическую процедуру, и уверен-

ные при этом, что выданное им свидетельство о регистрации — это *патент* на программу — при том что *патентование* программ для ЭВМ в России попросту *запрещено* действующим законодательством в явном виде¹³, наряду с научными открытиями, теориями, математическими методами и др. В действительности авторское право и патентное право имеют между собой достаточно мало общего; у них разные, практически не пересекающиеся предметные области; исключением может быть разве что объект «промышленный образец», который может включать в себя объекты, охраняемые авторским правом — дизайн внешнего вида, управляющие компьютерные программы и прочее, сам же образец как единое целое может быть запатентован. Надо отметить, что и правила, по которым охраняются эти два вида интеллектуальной собственности — авторские права и патенты — совершенно непохожи и во многом противоположны.

Для разделения областей действия патентного и авторско-правового законодательства имеется очень простое (хотя и не совсем корректное с юридической точки зрения) правило: авторскими правами защищаются произведения, которые не могут быть «случайно» повторены при вложении аналогичного количества труда. Так, писатель, ни разу не видевший текста того или иного литературного произведения, никогда не напишет *точно такой же* текст. Можно написать произведение, в котором совершенно случайно будет похожий или вовсе такой же сюжет, но тексты перепутать будет невозможно. Новый текст может оказаться лучше или хуже, но *таким же* он не будет заведомо.

В противоположность неимущественным правам, *имущественные* права могут быть проданы, подарены, переданы по наследству, конфискованы за долги и т. п., а в некоторых случаях обладателем этих прав с самого начала является не автор, а кто-то другой (чаще всего — организация, на которую работает автор). Если говорить об области авторского права, то к имущественным правам относятся, в частности, право на воспроизведение и право на распространение. Собственно говоря, имущественные авторские права и есть то, что в англосаксонской юридической традиции называется *copyright* и обозначается знаком «©». Надо отметить, что с этим значком имеется изрядная путаница. В странах, где авторско-правовое законодательство основано на понятии *copyright* (в том числе в США и Великобритании), знак «©» обозначает именно копирайт и читается как «*copyright*». В России использу-

¹³См. ст. 1350, п. 5, подп. 5 ГК РФ

ется понятийная база, характерная для французской юридической традиции: эксплуатируется общее понятие *авторского права*, которое делится на имущественные и неимущественные составляющие¹⁴ (отметим, что такой стиль терминологии используется и в Бернской конвенции). Значок «©» в российском законодательстве называется «знаком охраны авторского права»¹⁵, при этом говорится, что этот знак *правообладатель* (а не автор, что важно) «вправе использовать» для «оповещения о принадлежащем ему праве на произведение». Таким образом, называясь «знаком охраны авторского права», знак копирайта, тем не менее, обозначает только имущественную составляющую авторского права, то есть собственно копирайт, и прямого отношения к авторству и другим личным неимущественным правам автора не имеет.

Бернская конвенция устанавливает, что авторские права (в том числе и имущественные) *возникают в силу создания произведения*, то есть никакие процедуры регистрации, подачи заявки и т. п. не могут быть обязательными для охраны авторских прав. Интересно, кстати, что и этот достаточно важный момент далеко не все осознают. С другой стороны, авторские права часто всё-таки регистрируются в официальных государственных органах, чтобы облегчить в случае чего идентификацию произведения и урегулирование возможных споров. Тем не менее, даже выданное официальное свидетельство о регистрации авторских прав может быть в судебном порядке оспорено и признано недействительным, если будет установлено, например, что авторами произведения являются иные лица, нежели было указано в заявке на регистрацию.

Важно понимать, что имущественные авторские права исходно предназначены для охраны *результатов творческой деятельности*, и только их. Авторские права не распространяются, например, на изобретения (это область патентного права), результаты фундаментальных научных исследований (которые вообще не покрываются интеллектуальной собственностью) и т. д. Компьютерные программы с точки зрения авторского права приравниваются к литературным произведениям. Надо отметить, что такое приравнивание не слишком удачно, ведь текст литературного произведения обычно не изменяется с момента первой публикации, тогда как тексты программ меняются постоянно, в них исправляются ошибки, вносятся новые возможности и т. п.; так или иначе, в настоящее время ситуация именно такова. Авторским правом,

¹⁴См. ст. 1226 ГК РФ.

¹⁵См. ст. 1271 ГК РФ.

таким образом, защищается *текст программы для ЭВМ*, то есть её конкретное воплощение. Авторские права на ту или иную программу никоим образом не ограничивают возможности третьих лиц по самостоятельному написанию программ, решающих те же задачи и выполняющих те же действия. Авторское право не распространяется на алгоритмы, протоколы и тому подобные технические решения, точно так же, как в литературе авторское право не распространяется на сюжетные линии, схемы построения произведения и т. п., а только на конкретный текст.

Имущественные авторские права имеют ограниченный срок действия: в течение жизни автора и 70 лет после его смерти (от юрисдикции к юрисдикции это число может отличаться; в России до 2004 года оно составляло 50 лет).

В законодательстве упоминаются также *смежные права*; их зачастую путают с правами неимущественными, тогда как в действительности это сугубо имущественная разновидность прав. Подробное объяснение феномена смежных прав заняло бы слишком много места; отметим лишь, что наиболее часто встречающийся пример смежных прав — это права на *фонограмму*, то есть записанное на материальный носитель *исполнение* музыкального или музыкально-литературного произведения (песни). Сама по себе *песня* как объект охраны авторского права — это нотный текст и текст стихов; права на *фонограмму* по своей природе несколько отличаются и к ним применяются иные правила. Остаётся лишь удивляться, почему действующее законодательство не делает такой же разницы между исходным текстом программы для ЭВМ (который, безусловно, есть результат творческой деятельности) и исполняемым файлом, который обычно и передаётся пользователю в качестве «программы», но является при этом не более чем результатом работы компилятора (компьютерной программы), а не непосредственным результатом творческой деятельности человека. Смежные права обозначаются буквой *p*, обведённой в кружок, подобно букве *c* в знаке копирайта; по-английски этот символ называется *phonograph sign*, что подчёркивает происхождение «смежных прав» именно от прав на фонограмму.

В противоположность авторско-правовому законодательству, *патентное право* защищает результаты интеллектуальной деятельности, которые при аналогичном вложении сил могут быть повторены. Прежде всего это изобретения, но не только; в частности, в России патентом могут быть защищены три категории сущностей: изобретения, полезные модели и промыш-

ленные образцы. В некоторых других юрисдикциях промышленные образцы выделены в отдельную область права под названием *промышленный дизайн* (industrial design rights). Границы применимости патентного права — вопрос очень сложный и неоднозначный. Так, результаты исследований в области математики (в том числе и прикладные) запатентованы быть не могут; в то же время результаты прикладных исследований в области химии являются вполне патентабельными. Говоря точнее, патентоспособным является *новое, неочевидное и полезное* техническое или технологическое решение. Как уже отмечалось, действующий Гражданский кодекс в явном виде запрещает патентование научных открытий, математических результатов, а также программ для ЭВМ; причины этого станут вскоре ясны.

В отличие от авторских прав, права патентные возникают только после прохождения соответствующей бюрократической процедуры и продолжают охраняться только при условии своевременной уплаты патентной пошлины. Срок действия патента заметно короче, чем авторского права: всего 20 лет для изобретения, 15 — для промышленного образца и 10 — для полезной модели¹⁶. В большинстве стран (по косвенным сведениям — и в России, хотя из текста ГК РФ это напрямую не следует) само по себе использование запатентованного изобретения — ещё не преступление. Можно годами производить продукцию с использованием изобретения, на которое имеется действующий патент, принадлежащий третьему лицу, и ничего за это не платить, и так до тех пор, пока обладатель патента **сам** не обратится к производителю с предложением либо заключить лицензионный договор, либо прекратить производство. Использование запатентованной технологии или изобретения для личных некоммерческих нужд согласно действующему закону вообще не считается нарушением прав держателя патента¹⁷. Еще один интересный факт состоит в том, что (во всяком случае, в России) держателя патента, который уклоняется от заключения лицензионных договоров с производителями при наличии спроса на соответствующую продукцию на рынке, можно **принудить** заключить лицензионный договор, причем на условиях *соразмерной* (а не устанавливаемой в одностороннем порядке) денежной компенсации¹⁸. Уже выданный патент может быть признан недействительным, если будет дока-

¹⁶См. ст. 1363 ГК РФ; отметим, что до принятия IV части ГК РФ действовавший ранее патентный закон ограничивал сроки действия патентов на промышленные образцы и полезные модели соответственно десятью и пятью годами.

¹⁷См. ст. 1259, п. 4 ГК РФ.

¹⁸См. ст. 1362 ГК РФ.

зано, что аналогичное изобретение или другая патентуемая сущность уже существовала на момент подачи заявки и информация об этом была публично доступна; к сожалению, сложность судебных процедур часто приводит к тому, что заплатить отчисления по незаконному патенту оказывается дешевле, нежели настаивать на его аннулировании.

Как можно заметить, права и возможности держателя патента заметно скромнее, а процесс возникновения этих возможностей существенно сложнее, нежели в случае с имущественными авторскими правами. Это объясняется природой объектов патентной охраны. Коль скоро результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые патентом, могут быть получены независимо другими лицами (в чем и состоит их принципиальное отличие от объектов авторско-правовой охраны), всегда имеется вероятность поступления в соответствующий государственный орган более-менее аналогичных независимых заявок. В этом случае «побеждает» та из них, которая была подана раньше. Хрестоматийным считается пример с патентом на телефон: заявка Белла была удовлетворена, а заявка Элиза Грея на аналогичное (хотя и построенное на других принципах) устройство, поступившая всего на два часа позже заявки Белла, была отклонена. Вообще, патентом и вытекающими из него возможностями общество вознаграждает изобретателя не за то, что изобретатель сделал изобретение, а (буквально) за то, что он успел его сделать раньше других. Эта простая мысль вполне способна объяснить, почему права держателя патента настолько скромнее в сравнении с правами держателя копирайта. Если бы не было патентов, изобретатель мог бы держать своё изобретение в секрете, и общество бы не получило к нему доступа, но это не исключает возможности повторения того же изобретения другим лицом (заметим, некоторые изобретения попросту не могли не быть рано или поздно сделаны: тот же телефон тому пример). Отсюда и ограничения по срокам, и обязанности по заключению лицензионных договоров, и обязательность подачи заявки, и пошлины, и все остальные ограничения патентной защиты, в том числе и по видам патентоспособных сущностей: бесконтрольное применение патентных механизмов вполне способно привести к настоящей катастрофе.

Так, под давлением софтверных монополистов в Европе чуть было не стали реальностью патенты на программы для ЭВМ; во всяком случае, патентные ведомства успели выдать достаточно большое количество таких патентов. Если бы эта практика была легитимизирована, эффект не заставил бы себя ждать. В отличие от авторских прав, права патентные **не позволяют**

третьим лицам создавать аналогичные продукты без соответствующего лицензионного договора. Ясно, что это сделало бы рынок программных продуктов в каком-то смысле уникальным: каждая фирма-разработчик, предлагающая что-то сколь-нибудь новое, на ближайшие 20 лет автоматически становилась бы монополистом в данном классе решений. По меркам компьютерной индустрии 20 лет можно считать синонимом слова *навсегда*. К счастью, европарламент в итоге отклонил патентуемость компьютерных программ, однако, как утверждают многие наблюдатели, это еще не конец истории.

Институт интеллектуальной собственности возник сравнительно недавно, не только позже формирования систем власти, основанных на формальном законодательстве, но и существенно позже осознания обществом важности результатов интеллектуальной деятельности. Каждый из основных видов интеллектуальной собственности возник, очевидно, не на пустом месте. Создавая очередную неочевидную законодательную конструкцию, общество в лице своих властных структур пыталось решить вполне определённый комплекс проблем. Иначе говоря, институт интеллектуальной собственности можно рассматривать как своеобразный глобальный юридический эксперимент, и сегодня мы вполне можем подвести некоторые его итоги. Как отмечают многие современные аналитики, ни один из трёх основных видов интеллектуальной собственности не выполняет в итоге тех задач, которые на них изначально возлагались. Этот небезынтересный вывод заслуживает подробного обсуждения.

Начнём с торговых марок, как с самого простого случая. Каждому курильщику известна разница между «родными» (то есть произведёнными в США) сигаретами Marlboro и тем сомнительного качества куревом, которое *под той же маркой* продаётся в России. Ещё более заметной становится разница, если сравнить оригинальный товар с его версией, продающейся в Казахстане. Однако если по вкусу, то есть по потребительским качествам, разница очевидна, то отличить между собой *упаковки* этих сигарет будет несколько сложнее. То есть различить упаковки российской, казахской и американской версий Marlboro ещё сравнительно легко из-за напечатанных на этих упаковках текстов предупреждений о вреде здоровью. Но вот отличить, например, оригинальную (американскую) версию сигарет Bond от её «клона», произ-

водимого в Болгарии, можно только по штрихкоду, в остальном упаковки совершенно идентичны — чего никак нельзя сказать об их содержимом.

Российские любители пива в период становления свободных международных торговых отношений пережили целый ряд жестоких разочарований. Первые партии импортного пива, попадавшие в Россию в послеперестроечные годы, неизменно радовали отечественных гурманов своим веками наработанным качеством. Затем в России начали появляться производители, готовые варить пиво по лицензии владельцев соответствующих марок; утверждать, что качество при этом не страдало, было бы лицемерием. Конечно, при этом падала и цена, но вряд ли это могло утешить любителя какой-нибудь определённой марки пива — ведь оригинальный продукт тут же переставал поставляться в Россию. Аналогичные примеры можно привести и из других областей — электроники, бытовой техники, компьютеров, автомобильной промышленности.

Исходно торговые марки были предназначены для предотвращения злонамеренного обмана покупателей путём выдачи некачественного товара за товар, произведённый известным своим качеством производителем. В результате, как мы видим, получилось не совсем то, что предполагалось. Дело в том, что в целях охраны торговой марки сделали **предметом собственности**, а в качестве собственника «назначили» производителя соответствующего товара и услуги. Производители же достаточно быстро поняли, что на престиже своей марки можно делать деньги, причём не только производя и продавая товар, но и позволив это делать ещё кому-то под той же маркой (сдав марку во *франчайзинг*). Конечно, на владельца торговой марки действуют определённые сдерживающие факторы. Сдавая свою марку во франчайзинг кому попало, владелец может получить резкое снижение популярности марки из-за, скажем, низкого качества продукции, поставляемой партнёрами под данной маркой. Поэтому обычно к торговой марке прилагаются определённые технологии, услуги по обучению персонала, иногда даже делегированные специалисты для контроля за процессом производства, а соглашение о франчайзинге накладывает на использование торговой марки ряд ограничений. Однако так происходит не всегда. К тому же и в случаях, когда владелец торговой марки всерьёз пытается сделать лицензированный продукт идентичным оригинальному, далеко не всегда это ему удаётся.

Вернёмся к нашим примерам с сигаретами и пивом. Вряд ли на популярность марки Marlboro в США может серьёзно повлиять то обстоятельство

ство, что в Казахстане под той же маркой продаётся продукт, качество которого не хочется даже обсуждать. Есть ли при этом смысл для компании-владельца предпринимать серьёзные усилия по обеспечению качества казахстанской версии? Вопрос можно считать риторическим.

Далее, торговую марку, как и любой вид собственности, можно попросту продать. Продукт, который будет выпускать под той же маркой новый владелец, вполне может иметь мало общего с оригиналом. Наконец, сам владелец торговой марки может выпускать под данной маркой *что угодно*, сообразуясь, что вполне естественно, со своими интересами, состоящими в извлечении прибыли, а не с интересами публики, включающими добросовестную идентификацию товаров и услуг. Классический пример этого — напиток Coca-Cola, нынешний рецепт которого не имеет вообще ничего общего с тем, что называлось именем Coca-Cola изначально (слово «кока» в названии напитка исходно обозначало растение, из которого получают кокаин, а сам напиток был кокаиносодержащим; в те времена в США кокаин не был запрещён¹⁹). Вообще данный сценарий достаточно типичен: на рынок выпускается некий продукт, он становится популярен, но у производителя в какой-то момент исчезает возможность его дальнейшего выпуска, либо такой выпуск становится невыгоден. Чтобы затраты на достижение популярности не пропали, производитель начинает под той же маркой выпускать нечто совершенно иное. Это делает возможной и такую ситуацию, когда потенциальный покупатель ознакомился с экземпляром того или иного продукта, например, у своих знакомых, решил, что это именно то, что ему нужно, пришел в магазин, приобрёл нечто, имеющее абсолютно то же название с точностью до последней буквы, после чего обнаружил, что приобретённое не имеет ничего общего с ожиданиями покупателя — при том что эти ожидания возникли отнюдь не на пустом месте.

Итак, торговые марки, исходно предназначенные для предотвращения обмана покупателей, в итоге, наоборот, предоставляют их владельцам широчайший ассортимент методов такого обмана, причем методов совершенно законных. Интересно, что в тех же США на этот факт обратили внимание законодатели, запретив продажу торговых марок отдельно от соответствующих технологий и производственных мощностей. Такая продажа была признана

¹⁹Is it true Coca-Cola once contained cocaine? // The Straight Dope: http://www.straightdope.com/classics/a2_033.html

«мошенничеством против публики»²⁰. Всех проблем это, разумеется, не решает, зато показывает лишний раз, что проблема действительно существует. В контексте настоящего исследования следует обратить внимание на то, что обман покупателя (в том числе, с помощью торговых марок) представляет собой злонамеренную дезинформацию, которая, как уже говорилось, есть частный случай информационного насилия. Между тем, неверно полагать, что идентификация товаров и услуг не нужна; напротив, в такой идентификации нуждаются как потребитель, так и добросовестный производитель. Торговые марки вполне могут играть ту роль, для которой их ввели — именно, роль сугубо идентификационную, освобождённую от дезинформационной составляющей, но для этого необходимо лишить кого бы то ни было (в том числе и исходного производителя товара или услуги) возможности произвольно распоряжаться торговой маркой. Ясно, что при этом торговая марка перестанет быть *объектом собственности*. Иначе говоря, для предотвращения информационного насилия необходимо уничтожать не сами по себе торговые марки и товарные знаки, но искусственно созданные вокруг них отношения собственности; именно эти отношения являются источником информационного насилия.

Патентное право появилось в качестве стимула для изобретателей, причём не стимула делать изобретения, а стимула **не скрывать от общества информацию об изобретении**. До появления патентов многие мастера ревниво охраняли свои секреты, доверяя их на старости лет одному-двум любимым ученикам, и то часто не полностью. Зачастую уникальная технология умирала вместе с автором: так, до сих пор не раскрыт секрет знаменитого лака, которым Страдивари покрывал свои скрипки. Первым патентным законом считается Венецианский Статут, принятый в 1474 году; закон предписывал передачу представителям государства описаний всех новоизобретённых устройств, которые начинают применяться на практике, в обмен на государственную защиту эксклюзивного права использования такого устройства; срок защиты составлял 10 лет²¹. Сущность патентной защиты с тех пор не изменялась: введением патентного права государство предлагает изобре-

²⁰Fraud upon the public; см. напр.: Bone, R. G. Hunting Goodwill: A History of the Concept of Goodwill in Trademark Law. // Law and Technology Scholarship, Berkeley Center for Law and Technology, UC Berkeley. 01-27-2006. <http://escholarship.org/uc/item/66h0v2tr>; Calboli, I. What if, after all, trademarks were traded in gross? // Michigan State Law Review, 2008, pp. 345–366; Lane, W. R. The transfer of trademarks and tradenames. // Illinois Law Review, 6, 1911, p. 46

²¹Schippel, Helmut. Die Anfänge des Erfinderschutzes in Venedig. In: Uta Lindgren (Hrsg.): Europäische Technik im Mittelalter. 800 bis 1400. Tradition und Innovation, 4. Aufl., Berlin 2001, S. 539–550

лям раскрыть детали изобретения в обмен на право в течение определённого времени контролировать использование этого изобретения третьими лицами. Подчеркнём, что патенты никогда не рассматривались как *стимул изобретать*: изобретательская деятельность является неизбежным спутником любого технологического производства и в стимуляции не нуждается, причем изобретателями, как правило, являются люди, занятые в соответствующем производстве, то есть отдельной профессии «изобретатель» не существует, а сами изобретения являются зачастую результатом случайной мысли, а не целенаправленной деятельности.

Легко видеть, что патентное право ныне работает несколько иначе, нежели это изначально предполагалось. Один из самых удачных примеров этого достаточно специфичен и касается небольшой группы людей, а именно, спортсменов-парашютистов. В процессе укладки спортивного парашюта в некий момент необходимо продеть силовую петлю через люверсы на клапанах ранца, затянуть всю конструкцию и зафиксировать петлю шпилькой. До недавнего времени эта операция производилась с помощью матерчатой ленты («тявочки»), которую продевали в петлю, пропускали через люверсы, наматывали на руку и вытягивали, прикладывая достаточно серьёзное усилие; нельзя сказать, что эта операция доставляла укладчику удовольствие, поскольку необходимое усилие может достигать до тридцати-сорока килограммов, в результате чего на руках остаются ясно видимые следы от укладочной ленты. Насколько лет назад в продаже появилось остроумное устройство, состоящее из небольшого стального стержня с двумя пропилами под верёвку и верёвочной петли. Затянуть парашют с помощью этого инструмента оказалось существенно проще: хотя необходимое усилие сохраняется, тянуть за стальной стержень как за ручку оказывается существенно удобнее, чем за обмотанную вокруг ладони матерчатую ленту, плюс к тому экономится заметное количество времени на пропускании конструкции через петлю и люверсы: стержень продевается гораздо быстрее, чем лента. Для целей данного исследования интересен тот факт, что розничная цена инструмента составила исходно *восемнадцать* долларов США при том, что себестоимость его изготовления даже при полностью ручной работе не могла бы превышать одного-двух долларов. Ясно, что при таком соотношении себестоимости к отпускной цене в условиях свободного рынка должны бы были появиться конкурирующие производители (хотя бы кустарные, учитывая сравнительно невысокий спрос) и цена бы быстро снизилась до некой разумной величины.

Этого, однако, не произошло: конструкция из стержня и верёвки оказалась *запатентована*.

Отвлечёмся теперь от специфического примера и рассмотрим ситуацию в целом. Технологии, дающие своему владельцу ощутимые конкурентные преимущества или другие выгоды, в любом случае обычно не раскрываются, поскольку, во-первых, двадцати лет охраны обладателям секретов кажется мало, а во-вторых, защита, предлагаемая патентным правом, явно проигрывает по финансовой эффективности обычному сокрытию деталей производства. Следует отметить, что ничего особо страшного здесь нет: времена мастеров-одиночек прошли, так что в могилу технологию никто не унесёт. Патентуются же обычно такие «изобретения», которые было бы невозможно производить и продавать, не раскрыв основные идеи. Так, идея вышеописанного инструмента для укладки парашюта немедленно становится очевидна всякому, кто берёт его в руки. Другим аналогичным примером является азбука «граффити», применявшаяся для карманных компьютеров под PalmOS: её невозможно было бы применять, не показав её пользователю. Таким образом, в свете изначального предназначения патентов ситуация выглядит несколько экстравагантно: общество всё ещё продолжает предоставлять отдельным лицам патентную защиту, но уже не получает за это никакой компенсации в виде раскрытия деталей изобретения, которые бы остались закрыты, не будь патентной защиты. Почему-то многие не замечают абсурдности сложившейся ситуации, пытаясь применять к патентному праву те же слова о «справедливости», что и для, например, авторских прав (что-то вроде «изобретателей надо вознаграждать»). Об авторских правах разговор ещё впереди. Что же касается патентов, нелишним будет напомнить, что заслуга обладателя патента не в том, что он сделал изобретение, а только в том, что он *успел раньше других*. В отличие от результатов творческой деятельности, изобретение вполне может быть повторено другими людьми, а некоторые изобретения просто *не могут не быть сделаны рано или поздно*. К тому же, как это часто бывает, основная доля материальных благ от патентной защиты обычно достаётся не изобретателю (физическому лицу, автору патентуемой идеи), а той или иной фирме, обладающей достаточным ресурсом для защиты своих прав. Вообще, наличие соответствующих ресурсов (денежных средств и штата юристов) является во многом определяющим, позволяя крупным корпорациям аккумулировать патенты, зачастую монополизируя целые сектора рынка.

В ряде стран патентное законодательство оказывается чрезмерно либеральным в плане патентабельности тех или иных сущностей; так, в США можно запатентовать *алгоритм*, а можно даже *способ ведения бизнеса*. Компания America Online получила в 2002 году патент на, ни много ни мало, сервис вида instant messaging как таковой²² (если быть точным, на любую сетевую систему, позволяющую пользователям узнать о присутствии в сети друг друга и затем общаться между собой). Совершенно непонятно, правда, как это согласуется с требованием новизны, ведь первые системы, удовлетворяющие такому определению, появились еще в середине 1980х годов (комбинация программ finger и talk, входивших в стандартную поставку Unix-систем). Возникает интересный вопрос, что же приобрело общество взамен предоставленных таким образом AOLу полномочий?

Известна достаточно наглядная иллюстрация недопустимости бесконтрольного распространения патентной защиты на различные области человеческой деятельности. Рассмотрим органы управления автомобилем. В большинстве случаев это руль, три педали (акселератор, тормоз, сцепление) и рычаг переключения передач. Пользоваться этим набором органов управления умеют сотни миллионов людей по всему миру, то есть сотни миллионов людей вложили своё время и силы в изучение навыков обращения именно с таким «интерфейсом». Теперь представим себе, что кому-то будет выдан патент на «способ контроля транспортного средства, включающий рулевое колесо, ножные педали и ручную рукоятку управления передаточным числом трансмиссии». К счастью, такой патент выдан быть не может благодаря имеющимся ограничениям; зато теперь можно надеяться, что в необходимости таких ограничений сомнений больше не будет.

Между тем, еще не стих треск ломающихся копий по поводу патентов на компьютерные программы. Как уже говорилось, легитимизация патентной защиты в отношении программ для ЭВМ позволила бы крупным компаниям-разработчикам становиться монополистами по каждой более-менее новой задаче, решаемой с помощью программы, и эффективно выкидывать с рынка всех индивидуальных разработчиков и компании второго эшелона. Несмотря на очевидную катастрофичность такого положения, потребовалась масса усилий, чтобы не допустить такой легитимизации в Европе.

²²Pruitt, S. AOL Granted IM Patent. // PCWorld, Dec 19, 2002. http://www.pcworld.com/article/108124/aol_granted_im_patent.html

Нельзя не упомянуть и ещё одно явление, связанное с патентами. Широко известны примеры скупки патентов крупными компаниями с целью недопущения развития новых технологий. Одним из последних широко известных примеров такой ситуации является блокирование выпуска аккумуляторных батарей, пригодных для питания электромобилей. В 1997 году Тойота выпустила полностью электрический легковой автомобиль RAV4 EV, способный проехать 120 км на одной зарядке аккумуляторов. Опытная партия (около 1000 шт.) этих машин успешно эксплуатировалась до 2003 года; дальнейший массовый выпуск этих и подобных машин оказался заблокирован владельцем патента на аккумуляторы²³, в роли которого в настоящее время выступает нефтяная компания Chevron. Из истории известны также примеры блокирования автомобильными компаниями развития технологии антикоррозионной обработки кузова и т. п.

Вывод по поводу патентов оказывается практически однозначным: своей прямой цели (поощрению раскрытия деталей новых изобретений) они давно не служат, как не являются и средством поощрения авторов изобретений. Вместо этого патенты стали вне рыночным инструментом крупных компаний по устранению конкурентов. Вряд ли можно рассматривать патентное законодательство в его современной ипостаси как полезное для общества; отмена данного юридического института, изначально полностью искусственного, сделала бы работу участников технического сектора экономики более прозрачной и снизила бы риски малого и среднего бизнеса, повысив предсказуемость происходящих процессов. Вопреки популярному мнению, полная отмена патентной системы практически не затронет создателей новых промышленных изделий, поскольку для их охраны, как правило, используется политика неразглашения; что касается изобретений, то они, как уже отмечалось выше, представляют собой закономерный продукт любого высокотехнологического производства и ни в какой стимуляции не нуждаются. При этом для конечных потребителей выигрыш при отмене патентной системы оказывается двойным: во-первых, устраняются потери из-за отсутствия доступа к технологиям, развитие которых блокируется крупными компаниями; во-вторых, свободная конкуренция производителей, избавившись от лишних искусственных ограничений, будет лучше справляться со своей ролью естественного регулятора рыночных процессов, что выразится для потребителей

²³Cooker, M. Dude, Wheres My Electric Car!?! // OC Weekly, May 15, 2003. <http://www.ocweekly.com/content/printVersion/39675>

в росте соотношения цена/качество для результатов технического производства.

Наконец, авторские права изначально были придуманы для охраны интересов авторов (в основном писателей) от произвола издателей. Следует сразу же оговориться, что обсуждаться будет только копирайтная составляющая авторско-правовой системы, то есть появившиеся сравнительно недавно имущественные авторские права. Неимущественные права автора, как уже обсуждалось выше, имеют более широкую область действия, нежели область авторских прав, не нуждаются в законодательной поддержке и, вообще говоря, имеют весьма спорное отношение к интеллектуальной собственности как таковой. Как уже, опять-таки, отмечалось, неимущественные права автора не противоречат рассматриваемой концепции информационной свободы, то есть принятие недопустимости информационного насилия не влечёт необходимости отказываться от неимущественных прав автора. Более того, плагиат (присвоение чужого авторства) оказывается информационным насилием сам по себе, хотя и не над автором, а скорее над публикой. Можно, таким образом, ограничиться рассмотрением копирайтов как таковых: именно они противоречат концепции информационной свободы и представляют, таким образом, интерес в контексте данного исследования.

Приведём для начала несколько примеров авторско-правового законодательства в действии. Роберт Шекли, автор книг, до сих пор расходящихся огромными тиражами, умер практически в нищете. На его лечение собирали деньги читатели в режиме благотворительных пожертвований²⁴. Причина в том, что все его книги оказались в собственности тех самых издателей, которые и продолжают до сих пор получать с них доходы. Истратив деньги, полученные от продажи издателем авторских прав, сам автор оказался на мели. Здесь можно услышать, что продавать права никто не заставляет. Но это, строго говоря, не совсем верно. С одной стороны, издательства предпочитают именно покупать полные права на книги, а не заключать соглашения о каждом тираже; бороться с издателем не всегда получается. С другой стороны, потерять права на собственные произведения можно и помимо своей воли. Ричард Бах, попав в ситуацию налогового банкротства, вынужден был после окончания всех перипетий *выкупать* права на собственные книги, ко-

²⁴ Амзин А. Не стало Роберта Шекли. // Lenta.Ru, 11.12.2005. <http://lenta.ru/articles/2005/12/11/sheckley/>

торые были у него конфискованы вместе со всем остальным имуществом²⁵. Участники группы The Beatles, стремясь уменьшить налоговые потери, передали права на почти все свои песни в созданную ими и их менеджером Брайаном Эпстайном компанию Northern Song. В 1969 году создатели компании лишились контрольного пакета акций, а в 1984 году, когда пакет из приблизительно 4000 песен, включавший и песни The Beatles, был выставлен на аукцион, Пол Маккартни проиграл торги Майклу Джексону²⁶. Тот, в свою очередь, продал 50% прав на пакет компании Sony²⁷. Пол Маккартни, таким образом, вынужден платить лицензионные отчисления, например, при исполнении им же созданных песен на концертах; впрочем, как будет показано ниже, от сложившейся системы лицензионных отчислений с концертов не спасает, как это ни странно, даже владение исключительными правами.

Справедливости ради надо отметить, что и Маккартни, и Ричард Бах остаются сторонниками копирайтов²⁸, что вполне можно понять, когда речь идёт о миллионных гонорарах. Тем не менее, круг авторов, имеющих миллионные гонорары, сравнительно узок, а с прочими, чьи гонорары скромнее, ситуация выглядит несколько иначе. Так, материальное положение начинающего автора, печатающего короткий рассказ в каком-нибудь журнале, от копирайтной защиты вовсе никак не зависит, поскольку гонорар за первую публикацию он получил бы точно так же (за рукопись), а перепечатки ему всё равно, скорее всего, можно не ожидать. Зато редакция журнала может потребовать полной уступки прав на подобные произведения, просто «на всякий случай», зная, что автор в большинстве случаев согласится на любые условия: какой же начинающий автор откажется от публикации в журнале из-за непонятных юридических трудностей; далее автор с удивлением обнаруживает, что возможности распоряжаться своим собственным текстом у него больше нет. Уступка авторских прав является обязательным условием публикации статьи в некоторых научных изданиях, как российских, так и зарубежных; в частности, полной и безоговорочной уступки авторских прав от авторов публикаций требует американская Ассоциация вычислительной техники (Association for Computing Machinery, ACM), являющаяся издателем

²⁵Об этой истории сам Бах рассказал в полубиографическом романе «Единственная».

²⁶Hilburn, R. The Long and Winding Road. // Los Angeles Times, Sep. 22, 1985

²⁷Horn, J. Jackson Sells Beatles Songs to Sony. // Associated Press, Nov. 9, 1995

²⁸Интересно, что Маккартни в 2006 году покинул лейбл EMI, одновременно обвинив гигантов музыкальной индустрии в том, что они не обращают внимания на изменения, происходящие в культуре под влиянием Интернета; см.: Gregory, J. Paul McCartney: 'Major Labels Don't Get Download Culture'. // Gigwise, November 24, 2008. <http://www.gigwise.com/news/47752/Paul-McCartney-Major-Labels-Dont-Get-Download-Culture>.

престижной серии сборников статей под общим заголовком «Communications of ACM» и нескольких десятков журналов²⁹. Естественно, большинство авторов исследований в области программирования вынуждено соглашаться с имеющимся положением вещей, поскольку в противном случае придётся отказаться от публикации статьи в сборнике или журнале, которые входят в число наиболее престижных в этой области исследований. Пользуясь этим, менеджмент ACM установил платный доступ к библиотеке публикаций; университеты и исследовательские организации вынуждены ежегодно перечислять существенные суммы за «подписку» на доступ к ACM'овским сайтам, содержащим электронные версии публикаций. Представители коммерческих организаций, а также частные лица, не имеющие соответствующей подписки, часто вынуждены оплачивать временное членство в ACM, которое, кроме его высокой стоимости, налагает на каждого «вступившего» дополнительные обязательства. Интересно, что авторы публикаций в изданиях ACM и основная масса читателей этих публикаций — это люди из одного и того же круга, а именно — исследователи в областях науки, связанных с компьютерами; вполне очевидно, что действия ACM отнюдь не соответствуют интересам этих людей, включая и авторов.

Аналогичные ситуации возникают и в сфере звукозаписи; права на большую часть опубликованных фонограмм принадлежат в итоге звукозаписывающим компаниям, и, более того, в мире сформировалась так называемая «Большая четвёрка»³⁰ крупных корпораций (Sony, Warner Music Group, EMI и Universal Music), по состоянию на 2007 год совместно контролировавших около 70% мировых продаж музыкальных дисков³¹. Сложившаяся система приводит, в частности, к тому, что музыканты вынуждены платить отчисления за *исполнение собственных песен* на концертах; цепочка при этом выстраивается достаточно сложная: организатор концерта отчисляет определённый процент сборов одной из организаций по коллективному управлению авторскими правами, и уже эта организация распределяет деньги между правообладателями, причём большая часть этих денег уходит компаниям «большой четвёрки». Особенность сложившейся системы в том, что авторы, испол-

²⁹ ACM Copyright Policy. http://www.acm.org/publications/policies/copyright_policy, пункт 2.1

³⁰ The Big Four Record Companies // Copyright Law, Treaties and Advice, 2007. <http://www.copyright.org/Pages/The%20big%20four%20Record%20Companies.html>

³¹ В последние годы в этом секторе наметились позитивные тенденции, направленные на исключение звукозаписывающего лейбла из процесса общения музыканта и слушателя; см., напр., Bachman J. The Big Record Labels' Not-So-Big Future. // Businessweek.com, October 10, 2007. http://www.businessweek.com/bwdaily/dnflash/content/oct2007/db2007109_120106.htm.

няющие на концертах свои собственные произведения, лишаются некоторого процента своего вознаграждения в пользу корпораций, владеющих большими пакетами авторских прав, причём это происходит даже в тех редких случаях, когда автор и исполнитель является одновременно и обладателем исключительных прав — просто за счёт того, что эти редкие случаи никто из общего потока не выделяет.

Несомненно, многие издатели действуют более лояльно по отношению к автору, ограничивая несколькими годами срок, в течение которого исключительные полномочия по распространению произведения будут принадлежать издателю. Такая практика широко распространена в области издания научной и учебной литературы, сравнительно часто применяется в области литературы художественной, практически никогда — в области музыки и звукозаписи. При этом практически всегда предметом передачи является исключительное право на воспроизведение произведения любым известным способом, то есть на оговорённый срок автор лишается возможности самостоятельного распространения своего произведения; при этом учебные пособия во многих случаях утрачивают актуальность за время действия договора с издателем. Так или иначе, вышеприведённые примеры показывают, что имущественные авторские права могут быть использованы издателями для ограничения прав авторов, и то обстоятельство, что подобные ограничения имеют место не всегда, показанного факта не отменяет.

Теперь рассмотрим предмет с точки зрения читателей и слушателей, то есть социума. Институт авторского права требует законодательной и, что более важно, исполнительно-судебно-полицейской поддержки, которая, естественно, осуществляется за счет налогоплательщиков. В то же время, имущественные авторские права (в частности, право создания копий произведения) никак нельзя отнести к категории *естественных*. Напротив, представляется достаточно важным право любого индивида распоряжаться по своему усмотрению любой имеющейся у него информацией; более того, копирайтные интересы третьих лиц входят в очевидных конфликт с правом индивида распоряжаться своей (материальной) собственностью, когда речь идёт о материальном носителе, на котором тем или иным способом представлена информация. Общество без копирайтов, безусловно, возможно, в отличие от, например, общества без запрета физического насилия: функция защиты индивида от насилия со стороны других индивидов является неизбежной, поскольку общество без таковой перестаёт существовать как целое,

уступая место феодальной системе власти сильных группировок, причём в такой системе неизбежно возникновение (в той или иной форме) института защиты индивида от насилия. Отметим, что в некоторых юрисдикциях копирайтного законодательства до сих пор нет; в частности, Бернскую конвенцию к настоящему моменту не подписали Ангола, Мозамбик, Уганда, Бурунди, Сьерра-Леоне, Сомали, Эфиопия, Эритрея, Объединённые Арабские Эмираты, Иран, Ирак, Афганистан, Туркменистан, Бирма, Лаос, Камбоджа, Папуа Новая Гвинея, частично признанная Сахарская Арабская Демократическая Республика и ряд малых островных государств, таких как Маршалловы острова. Некоторые из перечисленных государств имеют в той или иной форме законы об охране авторских прав; точно известно, что институт интеллектуальной собственности отсутствует в Афганистане, Лаосе, на Маршалловых островах, в Науру, Сан-Томе и Принсипи, в Сомали, в Вануату. Кроме того, многие страны, формально имеющие действующие законы, на деле не проводят мероприятий по обеспечению их исполнения.

Абстрагируемся от существующих реалий и сосредоточимся на выборе: нужны ли обществу копирайты. Основной аргумент в пользу копирайтов состоит в том, что, не будь копирайтов, люди творческих профессий лишатся материальных компенсаций, в результате чего общество окажется лишено литературы, музыки, кино, а с недавнего времени к этому списку добавились ещё и компьютерные программы (заметим, до 1980 года программы для ЭВМ не были объектом авторско-правовой защиты ни в одной стране мира). В действительности, с одной стороны, материальную компенсацию писатели, композиторы и другие люди творческих профессий могут получить в отсутствие имущественных авторских прав: взять деньги за рукопись с первого издателя никто не мешает. Конечно, для многих авторов такая компенсация окажется меньше, чем основанная на копирайте, однако совсем игнорировать такую возможность было бы ошибкой. С другой стороны, про большую часть значимых произведений искусства можно сказать, что они создавались не ради гонорара (причём в некоторых случаях вообще без надежды на материальное вознаграждение), а как средство самовыражения; весьма распространено и противоположное явление: псевдотворческие произведения, создаваемые исключительно ради гонорара и глубоко безразличные своему автору. Приоритет финансовых соображений иногда превращает в ремесленников даже таких авторов, чьи ранние (т. е. написанные ещё не ради гонорара) произведения оставляют впечатление гениальных. Обычно для начинающего автора

писательство не является основным видом деятельности; затем, если автор что-то собой представляет, его гонорары начинают расти, в какой-то момент он решает перейти в категорию профессиональных писателей, то есть сделать этот заработок основным и единственным, и после этого он вынужден писать, сообразуясь не с собственными желаниями и потребностью самовыражения, а с посторонними факторами, как-то нехватка денег, продаваемость книг тех или иных жанров и т. п.; для качества результата эти факторы бывают фатальными. Часто под давлением обстоятельств автор выдаёт «произведения», откровенно пятнающие его репутацию, вымученные, на которые не стоило тратить время ни писателю, ни читателям. Таково, например, «Новое путешествие в координаты чудес» Шекли, да и вообще едва ли не каждый второй роман этого писателя, подлинного мастера коротких рассказов — как известно, за рассказы платят мало. К той же категории относятся странные, косноязычные «Хроники хорьков» Ричарда Баха и т. п. Несомненно, так происходит не со всеми профессиональными писателями; можно привести целый ряд контрпримеров, начиная с Ф. М. Достоевского и заканчивая современными авторами, такими как Рей Бредбери и многие другие, кому «профессионализация» их творчества не помешала сохранить высокий уровень произведений; тем не менее, случаи скатывания талантливых авторов в коммерческое псевдотворчество встречаются и игнорировать их было бы неправильно. Ещё Карл Маркс заметил: «Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того чтобы зарабатывать <...> Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом»³².

Одним из последних аргументов в пользу копирайтов остаётся некая абстрактная «справедливость». Этот аргумент имел бы смысл, если бы авторские права действительно работали в интересах авторов; в действительности чаще копирайты защищают интересы не авторов, а издательских компаний. Более того, появление первых копирайтоподобных законов практически совпадает с появлением массового книгопечатания, то есть формирования издательского бизнеса, и это никоим образом не совпадение: ручное переписывание книг — процесс чрезвычайно дорогостоящий, создание копии существующей книги сравнимо по затратам с написанием новой, «тиражи» выражаются числами из одной цифры, так что предмет для регуляции по-

³²Маркс К. Дебаты о свободе печати (апрель 1842 г.) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1, стр. 76-77

просту отсутствует. Историю копирайта принято отсчитывать с 1710 года, когда в Британии вступил в силу так называемый Статут королевы Анны³³, который устанавливал срок действия исключительных прав на книгу в 14 лет с момента первой публикации, но, что существенно более интересно, закреплял особые полномочия за гильдией печатников и книготорговцев (т. н. Stationers' Company); собственно говоря, статут устанавливал определённые правила для изготовителей книг. Достаточно популярна точка зрения, что, несмотря на декларировавшуюся в преамбуле Статута цель («поощрение учёных мужей к написанию полезных книг»), истинной целью Статута было установление государственного контроля за содержанием печатаемых книг³⁴. Иначе говоря, с самых своих истоков копирайтное законодательство декларировало своей целью интересы авторов, но на самом деле охраняло интересы издателей, попутно предоставляя государству механизмы проведения цензуры.

В любом случае, в разговорах о справедливости многое зависит от точки зрения. Чтобы попасть в число бестселлеров, книга должна пройти путь от простого текста, напечатанного на бумаге, к *культурному явлению*, то есть такой книге, которую цитируют к месту и не к месту, которую советуют знакомым, которую, в конце концов, просто вынуждены прочитать многие читатели вне зависимости от своих жанровых предпочтений, чтобы не оказаться вне культурного контекста. Ясно, что в формировании такого культурного явления участвует отнюдь не только писатель; более того, совокупное время, потраченное читателями на прочтение текста, оказывается в тысячи раз больше, чем время, потраченное писателем на его написание. Вообще, если говорить о литературе сугубо развлекательной, то ясно, что писатель оказывает услугу читателю. Для случая серьёзного искусства всё не столь очевидно, и обратная точка зрения — что как раз читатель делает писателю одолжение, тратя время именно на его книгу — вполне имеет право на существование. Фундаментальная роль читателя в литературе как явлении многократно обсуждалась. Жан Поль Сартр в книге «Что такое литература» пишет: «Читатель и писатель погружены в одну и ту же историю и одинаково причастны к её созданию. Между ними устанавливается исторический контакт именно через книгу. Написание и чтение — две стороны одного явления

³³Statute of Anne, 1709. // <http://www.copyrighthistory.com/anne.html>

³⁴MacQueen, H. L., Waelde S., Laurie G. T. Contemporary intellectual property: law and policy. Oxford University Press, 2007. 960 p

истории и свободы, к которой приводит писатель»³⁵. И далее, через несколько страниц: «Писатель по природе потребитель, а не производитель. Это верно даже тогда, когда он отдаёт своё перо интересам общества. Его продукция остаётся бесполезной, а значит, не имеющей цены... По сути, писателю не платят, его кормят»³⁶. Владимир Набоков в эссе «О хороших читателях и хороших писателях» также подчёркивает роль читателя: «Мастер лезет вверх по нехоженому склону, и там, на ветреной вершине, встречает — кого бы вы думали? — счастливого и запыхавшегося читателя, и они кидаются друг другу в объятия, чтобы уже вовек не разлучаться — если вовеки пребудет книга»³⁷. С рассуждениями о первичности читателя в создании литературного явления можно соглашаться, можно спорить, но определяющим тут является тот факт, что *объективной справедливости* в природе не существует, с двух разных точек зрения одни и те же рассуждения могут одновременно выглядеть очевидно справедливыми и столь же очевидно несправедливыми.

Возвращаясь к «справедливости» имущественных авторских прав, заметим, что рассуждение о такой «справедливости» основывается на том, что автор тратит время и силы на создание произведения, полезного читателям или слушателям, и именно существование копирайтов позволяет автору получить за свой труд материальное вознаграждение. Однако это утверждение содержит достаточно важную недоговорку. Правильнее было бы сказать, что копирайты позволяют *некоторым* авторам (причём не обязательно самым талантливым, а скорее тем, кому повезло быть избранными медиабизнесом для рекламной раскрутки) получить за свою работу вознаграждение, тогда как большинство авторов не только ничего не получают, но и теряют своего законного читателя и слушателя. Писатели, «не замеченные» издательской индустрией, вынуждены писать «в стол», музыканты вынуждены играть на свадьбах, причём играть *чужую* музыку, поскольку она популярна (в результате всё той же раскрутки), а их собственные произведения в созданной медиабизнесом искусственной системе спросом не пользуются. Таким образом, аргумент о вознаграждении для авторов оказывается при ближайшем рассмотрении несостоятельным: подавляющее большинство авторов в любом случае ничего не получит.

³⁵Сартр Ж.-П. Что такое литература. // Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Изд-во «Попсури», Минск, 1999. 448 с. С. 5–258, стр. 62

³⁶Там же, стр. 72

³⁷Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях // Владимир Набоков: Лекции по зарубежной литературе М.: Издательство Независимая газета, 1998. с. 23–29, стр. 25

Одним из самых причудливых явлений, возникших в сфере имущественных авторских прав, представляются уже упоминавшиеся выше общества по коллективному управлению авторскими правами. Законодательство допускает создание организаций, которые выдают лицензии на то или иное использование произведений, не спрашивая при этом согласия авторов или иных правообладателей, взимают за это деньги, а затем, возможно, платят гонорары авторам. Организации такого рода должны соответствовать, безусловно, определённым правилам, а именно — быть некоммерческими и действовать в интересах авторов. Удовлетворить этим критериям очень просто, достаточно зарегистрироваться в качестве некоммерческой организации и прописать в уставе, что-де организация действует в интересах авторов. Реально это никак не ограничивает свободу манёвра: заработанные деньги в любом случае можно передать кому надо, для этого существует множество схем, не включающих привычные понятия прибыли и дивидендов; что же касается «интересов авторов», то доказать, что организация действует не в соответствии с этим пунктом своего устава, практически невозможно. Окончательно достроить видимость легитимности своей деятельности общество по коллективной охране авторских прав может, включив нескольких известных авторов в число своих учредителей, а с несколькими другими демонстративно установив договорные отношения; важно понимать, что такие отношения играют скорее декоративную роль, потому что законодательно такие организации вправе представлять интересы любых авторов, кроме тех, кто наложил на такое представление своих интересов явный запрет.

Дальше руководители такой организации получают очень высокую степень свободы. Можно требовать деньги с радиостанций, пускающих в эфир защищенные авторским правом фонограммы, можно продавать издательствам лицензии на публикацию литературных произведений. Обычно с крупными произведениями так не поступают, поскольку действие против интересов правообладателя здесь может оказаться слишком очевидным; но вот если дело касается небольшого рассказа малоизвестного автора — то почему бы и нет. Российское авторское общество (РАО) в конце 1990-х выдавало лицензии на тиражирование CD-альбомов популярных зарубежных исполнителей, легитимизируя деятельность пресловутых «пиратов». А что же с интересами правообладателей? Рассматриваемые организации вполне готовы выплатить правообладателю причитающийся ему гонорар, если правообладатель этот гонорар востребует, и даже прекратить «лицензировать» то или иное произ-

ведение, если правообладатель этого потребует. Теперь остаётся прикинуть, какова вероятность, что обладателю прав на какую-нибудь фонограмму второго эшелона из далёкой страны придёт в голову приехать в Россию и что-то потребовать от некоей организации, которая, не говоря ему ни слова, успела выдать ощутимое количество лицензий на использование принадлежащей ему собственности. Обычно организации этого типа распределяют гонорары между теми, кто их востребовал, в той или иной «справедливой» пропорции. В результате деньги, полученные за лицензирование произведений малоизвестных авторов, достаются более крупным «клиентам», причём это даже не обязательно авторы: в качестве таковых могут выступать, например, издательства или звукозаписывающие компании, владеющие большими пакетами имущественных авторских прав. Они же, кстати, часто оказываются и основными учредителями соответствующего «фонда» или «ассоциации». Одной из наиболее характерных иллюстраций к характеру деятельности РАО может служить история с концертом группы Deep Purple, который состоялся 19 октября 2008 года в Ростове-на-Дону; РАО потребовало с организатора концерта отчислений за публичное исполнение песен, авторами и владельцами которых являются сами участники группы³⁸. Итогом судебного разбирательства стало взыскание с организатора концерта суммы около 450000 рублей, причём дело такого рода оказалось первым, но не последним.

Общую ситуацию с авторскими правами в современном мире хорошо выразил известный американский правовед, один из самых крупных авторитетов в мире в области авторского права Лоуренс Лессиг: «в нашей традиции интеллектуальная собственность — это инструмент. Она лежит в основе деятельного авторского сообщества, но остается подчиненной ценности творчества. Текущая полемика повернула все с ног на голову. Мы так озаботились защитой инструмента, что потеряли из виду саму ценность»³⁹.

Напомним, что имущественные авторские права (копирайты) изначально придуманы, чтобы заставить издателей платить гонорары авторам, то есть для защиты интересов авторов от произвола издателей, и для стимулирования творческой деятельности. На деле, во-первых, копирайты часто используются издателями **вопреки** интересам авторов. Во-вторых, часто копирайты стимулируют создание псевдотворческих произведений, ориентированных на

³⁸Ростовский суд засудил Deep Purple. // OpenSpace, 30/06/2009. <http://www.openspace.ru/news/details/11019/>

³⁹Lessig, L. Free Culture: The Nature and Future of Creativity. Penguin Books, New York, 2005. *Русский перевод см. Л. Лессиг Свободная культура. М.: Прагматика Культуры, 2007, 272 с.*

коммерческий спрос в ущерб художественным достоинствам, причем наблюдается даже массовый уход в эту область талантливых авторов. В-третьих, вокруг копирайтов выросла целая индустрия паразитирующих субъектов, в первую очередь — вышеупомянутых обществ по коллективному управлению авторскими правами.

Подводя итог, мы видим, что ни один из трёх основных видов интеллектуальной собственности на деле не решает тех задач, для которых был введён. Торговые марки открывают пути для совершенно законного обмана потребителя, хотя должны были, наоборот, интересы потребителя защищать. Патенты отбирают у общественности возможность использования изобретений, хотя должны были, наоборот, дать общественности доступ к изобретениям, к которым в допатентную эпоху доступа не было. Наконец, копирайты активно используются издателями, и не только ими, для попрания интересов авторов, тогда как должны были именно автора и именно от издателей защищать.

Такие парадоксальные результаты введения интеллектуальной собственности, пожалуй, являются попросту неизбежным следствием из тех форм интеллектуальной собственности, в которых она появилась и в которых известна нам. Описанные злоупотребления **возможны**, а любая возможность злоупотребления рано или поздно будет использована.

Если вернуться к рассмотрению интеллектуальной собственности как глобального юридического эксперимента, то на основании всего вышесказанного остаётся лишь констатировать, что этот эксперимент безнадёжно провалился; как будет показано далее, эпоха Интернета лишь нагляднее продемонстрировала широкой общественности этот провал и его последствия.

2.2. Имущественные авторские права в цифровую эпоху

Ныне живущие люди оказались свидетелями одной из самых заметных технических революций, и цепочка изменений окружающего мира, вызванная этой революцией, буквально перевернула представления об охране как минимум одного из трёх видов интеллектуальной собственности.

Появление компьютеров, а заодно и относительно дешёвых копировальных аппаратов дало мощный импульс развитию «самиздата». Пожалуй, копировальные аппараты первыми успели оказать заметное влияние на эту область: если раньше книгу, взятую в библиотеке или у знакомых, можно было разве что законспектировать, то теперь появилась возможность относитель-

но дешево создать вполне пригодную для чтения копию, которая, правда, обходилась обычно дороже книги, но при отсутствии нужной книги в продаже оказывалась вполне подходящей заменой. Еще и сейчас в личных библиотеках можно встретить переплетенные на ручном станке ксерокопии редких в советское время книг. В западных странах с изданием художественной литературы проблем не было, но копировальные аппараты и там часто применялись для копирования книг — например, учебных пособий из университетских библиотек, сборников научных статей, изданных ограниченным тиражом, и т. п. В некоторых случаях на такое копирование накладываются определённые ограничения (так, в некоторых штатах США разрешено ксерокопировать страницы книги, если при этом общее число скопированных страниц не превышает 75% от объёма книги), но добиться полного запрета ксерокопирования книг, к счастью, пока нигде никому не удалось.

В отличие от копиров, компьютеры позволили не снимать копии с существующих книг, а *создавать новые книги*, чем немедленно воспользовались литераторы-любители. С появлением лазерных принтеров стало возможно в домашних условиях добиться при должном старании практически полиграфического качества конечного результата. Конечно, большого тиража при этом не сделать из-за слишком высокой себестоимости каждого экземпляра, но напечатать сборник своих стихов или рассказов тиражом в полсотни экземпляров для подарков друзьям и знакомым оказалось более чем реально. Кроме того, тексты оказалось возможно хранить и читать в электронном виде, не прибегая к помощи бумаги и издательских технологий. Появление сканеров и программ распознавания текста позволило переводить книги из бумажного в электронный формат. Теперь «тираж» книги оказался ограничен только потребностью в ней, а процесс «издания» — доступен всем желающим при практически нулевой стоимости. Стремительное развитие компьютерных сетей сняло с распространения текстов последние физические ограничения, а появление удобных карманных компьютеров, что бы там ни говорили сторонники старых традиций, поставило в этом процессе жирную точку: издатель, стоявший с давних пор между автором и читателем, вдруг оказался *лишним*. Это, безусловно, не отменяет бумажных книг как таковых, просто они становятся *необязательным* элементом взаимодействия автора и читателя.

Устранение необходимости в посреднике между автором и читателем продемонстрировало ещё один факт — в принципе, давно известный, но лишь сейчас ставший столь очевидным. В мире существует много авторов, кото-

рые готовы создавать свои произведения без какой-либо надежды на материальное вознаграждение. Некоторые из них готовы творить «для себя», но большинство всё же надеется привлечь внимание аудитории; для многих из них читатель, зритель, слушатель являет собой единственную мотивацию к творчеству. Многие тысячи произведений таких авторов размещены сейчас в Интернете — в электронных библиотеках, на личных сайтах авторов, на специализированных сайтах для начинающих литераторов и т. п. Современные технологии позволяют каждой такой книге найти своего читателя, снизив до нуля «барьер вхождения»: если раньше число потенциальных читателей произведения должно было составить как минимум несколько тысяч, чтобы оправдать его тираж, то теперь право на жизнь получили произведения, заслуживающие хотя бы одного читателя. В этой связи продолжающаяся по традиционным схемам деятельность издателей и популярных авторов предстаёт под весьма неожиданным углом. Издателю существенно выгоднее выпустить одно произведение большим тиражом, нежели несколько произведений тиражами более скромными; чем больше тираж, тем больше прибыль с одного экземпляра книги. Чтобы повысить тиражи, издатели прибегают к рекламе и разнообразным маркетинговым трюкам, известным под общим названием «раскрутка». В таких условиях тираж книги уже не находится в прямой зависимости от её качества, от таланта автора, от остроты сюжета и прочих художественных и не очень художественных достоинств; определяющей становится интенсивность рекламной кампании. Между тем, способность читающей публики по прочтению литературы хоть и велика, но не бесконечна. Если бы читатель не потратил своё время на посредственную, но при этом хорошо раскрученную коммерческую книгу, возможно, он прочитал бы лишнюю книгу литератора-любителя. Получается, что профессиональные писатели, пишущие за гонорар, помимо прочего, ещё и *крадут аудиторию* у любителей, готовых к творчеству ради творчества. Это касается не только литературы; в области музыки, например, ситуация полностью аналогична. Больше того, подобные эффекты можно наблюдать и в сфере создания программного обеспечения.

Ещё одно направление кардинальных изменений окружающего мира обусловлено возможностью создания *копий без потери качества*. Со времен появления первых магнитофонов люди переписывали музыку с пластинок на ленты и кассеты, записывали радиопередачи, копировали и сами ленты друг другу. Филофонисты коллекционировали редкие записи, и никому это не ме-

шало: при аналоговой записи неизбежно теряется качество, так что серьезной конкуренции оригиналу копии составить не могут. Когда изобрели видео, переписывание VHS-кассет тоже вроде бы никого не смущало по всё тем же причинам. Даже когда появились первые цифровые диски, некоторое время никто не беспокоился. Правда, появление цифровых магнитофонов (так называемый формат DAT) вдруг обеспокоило звукозаписывающие компании, причем обеспокоило до такой степени, что неким непостижимым образом все производители DAT согласились искусственно сделать невозможным переписывание музыки с CD на DAT иначе как через аналоговые схемы, то есть с потерей качества. Формат DAT так и не нашел массового применения, и не в последнюю очередь именно «благодаря» описанным ограничениям, так что история благополучно забылась.

Ситуация коренным образом изменилась с появлением устройств пользовательского уровня для записи компакт-дисков. Некоторое время записываемые болванки содержали золото и по этой причине были слишком дороги для записывания на них музыки, однако и эта эпоха быстро прошла. Добавим к этому ещё изобретение форматов сжатия, резко уменьшивших объемы цифровых данных, необходимые для хранения музыки и фильмов при сохранении приемлемого для массового пользователя качества, а так же ещё и то, что пропускная способность каналов общедоступных компьютерных сетей возросла на порядки. Общий эффект от всех этих новшеств можно выразить одной фразой: если ранее массовое тиражирование книг (текстов), музыки, фильмов и изображений было доступно единицам (издателям), то цифровая эпоха открыла доступ в эту сферу всем желающим, практически сняв все входные пороги и сделав издательскую деятельность ненужной, или, если быть точным, не обязательной.

Наступление цифрового века так или иначе это затронуло практически все сферы человеческой деятельности, в том числе и все три области интеллектуальной собственности — но в весьма разной степени. Законодательство о торговых марках весьма неоднозначно интерферировало с доменной системой имён в сети Интернет. В самом деле, что если торговая марка совпадает с одним из идентификаторов имени домена? А если с его частью? А если сайт, поднятый в домене, не имеет никакого отношения к сектору рынка, в котором действует соответствующая марка? В России в самом конце прошлого столетия прошли два знаковых судебных процесса: относительно домена kodak.ru и относительно домена mosfilm.ru. Интересно, что результаты процессов были

прямо противоположны: компания Kodak так и не добилась успеха с силовым отбиранием домена, тогда как Мосфильм добился судебного вердикта, запрещающего тогдашнему администратору ccTLD .RU *регистрацию любых доменов, содержащих в себе слово «Мосфильм»* (в частности, под запрет попали такие имена, как *demosfilm.ru*, *palmosfilms.ru* и т. п.) На Западе тяжбы вокруг доменных имён окончились появлением документа «Uniform Dispute Resolution Policy»⁴⁰. Вкратце, этот документ устанавливает три необходимых условия для рассмотрения жалобы на нарушение прав путём регистрации определённого имени: во-первых, доменное имя должно совпадать или быть похожим до степени смешения на торговую марку или знак обслуживания (*service mark*), принадлежащий лицу, подающему жалобу; во-вторых, у лица, зарегистрировавшего доменное имя, должны полностью отсутствовать основания для утверждения о легитимном использовании именно такого, а не иного имени (в частности, одинаковые торговые марки, но относящиеся к различным секторам рынка, могут принадлежать различным лицам; в таком случае требование о передаче доменного имени рассматриваться не будет; более того, доменное имя может совпадать с фамилией, именем или прозвищем регистранта, с названием фирмы; возможны и другие причины регистрации именно такого имени, никак не связанные с торговыми марками); наконец, в-третьих, что немаловажно, необходимо обоснованное утверждение о том, что текущий держатель доменного имени использует его *для злоупотреблений* — без этого жалоба также не подлежит рассмотрению. С появлением UDRP шум вокруг доменных имён и товарных знаков благополучно стих. Последний отголосок былых баталий — появление торговых марок, полностью совпадающих с доменным именем, включая суффикс верхнего уровня. Примерами таких марок служат X.org и OpenOffice.org (обе, что интересно, принадлежат свободным программным проектам). Пожалуй, можно сказать, что **никаких качественных изменений в области торговых марок «цифровая революция» не вызвала**. В сфере патентного законодательства можно отметить яростные баталии за патентование программ как таковых, а также алгоритмов, протоколов обмена и прочих технических решений в области программного обеспечения. Можно ожидать, что через несколько лет утихнут и они.

Совершенно иначе обстоят дела в области пресловутых *прав на создание копии*. Если в доцифровую эпоху воспроизвести книгу с разумными затра-

⁴⁰<http://www.icann.org/en/udrp/udrp.htm>

тами можно было только при условии достаточно большого тиража, что, в свою очередь, было под силу только издателям, то с появлением современных методов воспроизведение бумажной книги оказалось технически и финансово доступно всем желающим, хотя и всё ещё сравнительно дорого (то есть в среднем дороже, чем купить книгу в магазине). Более того, бумажная книга неожиданно оказалась не единственной формой представления литературного произведения, воспроизведение же произведения в альтернативной (электронной) форме по себестоимости близко к нулю. Далее, в доцифровую эпоху создать действительно качественную копию фонограммы или видеозаписи можно было только на профессиональном студийном оборудовании. Копии, создаваемые в бытовых условиях для личного пользования, никакой конкуренции оригиналу составить не могли. В результате цифровизации аудио- и видеотехники копии, создаваемые в бытовых условиях, оказались ничем не хуже (то есть **буквально** ничем), нежели профессиональные, ведь копирование цифровой информации производится бит в бит без каких-либо изменений и, соответственно, потеря качества при цифровом копировании заведомо отсутствует. Наконец, цифровой эпохе мы обязаны появлением принципиально нового вида объектов авторско-правовой охраны — программ для ЭВМ. Копирование произведений этой категории было изначально доступно каждому пользователю в силу самой природы программ для ЭВМ как цифровой информации. Ричард Столлман в своей статье «Copyright and globalization in the age of computer networks»⁴¹ отмечает: «Копирайт времён печатного станка был практически безболезненным, поскольку был индустриальным нормативом (industrial regulation). Он ограничивал лишь действия издателей и авторов. Строго говоря, бедняки, копировавшие книги вручную, тоже могли нарушить копирайт. Но никто никогда не пытался применить против них копирайт, поскольку он понимался как индустриальный норматив.»

Итак, в доцифровую эпоху нарушить копирайт «простым смертным» было либо попросту не под силу, либо под силу, но так, что никакого осязаемого эффекта для обладателя исключительных прав это не имело. В эпоху же цифровых технологий возможность войти в серьезный конфликт с копирайтным законодательством появилась практически у каждого. Таким образом, **в доцифровую эпоху копирайты не касались почти никого**; рядовой гражданин о копирайтах если что и знал, то чисто теоретически, и даже помыс-

⁴¹Stallman, Richard M. Copyright and globalization in the age of computer networks. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 135–156

литель не мог, что какие-нибудь его действия могут оный копирайт нарушить. И вот после «цифровой революции» потенциальным нарушителем копирайта неожиданно стал едва ли не каждый гражданин. Это вызвало изменения в поведении правообладателей и прочих материально заинтересованных в копирайте сторон. В самом деле, раньше они могли себе позволить вообще не интересоваться действиями частных лиц; круг потенциальных нарушителей копирайта (то есть тех, кто чисто технически мог это сделать) ограничивался издателями и был, соответственно, весьма и весьма узок. «Цифровая революция» существенным образом изменила эту ситуацию. Оказалось, что, с одной стороны, практически всякий желающий может теперь делать всё то, что издатели привыкли считать исключительно своей возможностью, но, с другой стороны, имеющееся законодательство, ранее запрещавшее определённые действия *другим издателям*, совершенно так же запрещает их теперь *абсолютно всем*, поскольку, разумеется, не содержит никаких оговорок насчёт того, на кого распространяются запреты.

Столь разительное изменение внешних условий вызывает, разумеется, достаточно быструю смену стратегии поведения. Пока частные лица не представляли для издателей никакой угрозы, издатели разными способами старались показать частным лицам, что ни в коей мере не ущемляют их свободу. Само копирайтное законодательство содержало специальные ограничения исключительных прав правообладателя (например, *fair use rights* в США). В частности, создание одной копии защищенного произведения любым способом для личных бытовых или учебных нужд практически никогда и нигде не рассматривалось как нарушение закона. Следы этой эпохи ещё в начале 1990х годов можно было наблюдать в лицензиях на программные продукты в виде принципа «*just like a book*» (*наподобие книги*): в соответствии с этим принципом программу можно было передавать другим лицам, переставлять с одного компьютера на другой и т. п. при условии, что физическая возможность её использования при этом ограничена так же, как ограничена физическая возможность использования экземпляра книги: её невозможно использовать одновременно более чем одному человеку, плюс для того, чтобы один человек прекратил использование книги, а другой начал такое использование, им необходимо как минимум встретиться, чтобы передать книгу из рук в руки.

Современные лицензии на программы выглядят, как известно, совершенно иначе. Ощущение от них обычно такое, будто правообладатель задался целью запретить владельцу копии всё, что только сумел себе представить.

В частности, под давлением соответствующих лобби не столь давно было изобретено новое исключительное право правообладателя: *право на сдачу в прокат*, каковое, ни много ни мало, означает, что «владелец» копии произведения, сколь угодно легитимной, тем не менее не вправе без разрешения правообладателя использовать свою копию для сдачи в прокат. Появившаяся возможность издатели немедленно начали активно использовать. Более того, обычно лицензии запрещают и *перепродажу* легитимной копии третьим лицам, невзирая на то, что большинством версий копирайтного законодательства (включая и российское) право перепродажи признается неотъемлемым.

Заметим, что в применении к книгам новшество с «правом сдачи в прокат» фактически означает уничтожение *библиотечного дела*. К счастью, библиотеки бумажных книг пока вне опасности (хотя поправки к российскому авторско-правовому законодательству, *запрещающие людям давать друг другу читать книги*, чуть было не были приняты несколько лет назад). А вот с прогрессивными цифровыми формами представления произведений всё, к сожалению, совсем плохо: в сентябре 2006 года в России в силу вступили поправки, накладывающие фатальные ограничения на библиотеки в отношении экземпляров цифровых произведений. Интересно, что закон не содержит никаких оговорок относительно лицензии правообладателя, так что библиотечные учреждения, судя по всему, не вправе выдавать на руки читателям цифровые экземпляры произведений даже в случае, если автор или иной правообладатель такую выдачу им разрешит.

Осознав глубину изменений, вызванных «цифровой революцией», издатели повели масштабное наступление на права частных лиц. Одно из господствующих направлений этого наступления — законодательные ограничения на предоставление услуг, связанных с передачей и воспроизведением информации. Прежде всего, разумеется, под действие юридических новшеств попали интернет-операторы. До не столь давнего времени оператор мог (что вполне нормально) возложить всю ответственность за передаваемую и распространяемую пользователем информацию на самого пользователя: в конце концов, кому как не пользователю знать, каков лицензионный статус распространяемой им информации. Представителей медийного бизнеса такой расклад не устроил: пользователя-нарушителя еще необходимо поймать, тогда как интернет-провайдера ни искать, ни ловить не надо, достаточно запротолировать факт нарушения. На хостинговых операторов и провайдеров связности началось массивное давление, принимающее самые различ-

ные формы: от сомнительных законодательных инициатив вроде ДМСА в США до откровенных «наездов» в России, которым в ряде случаев никто даже не пытался придать законный вид. Давление вынуждает операторов вводить в свои пользовательские договоры такие пункты, которые несколько снижают опасность возникновения серьёзных проблем со стороны правообладателей, но при этом весьма существенно бьют по возможностям рядового пользователя. Так, многие хостеры *запрещают пользователям размещение трэ-файлов*, не делая никаких оговорок о правовом статусе таковых: бард-любитель, пожелавший выложить в Сеть свои записи, вполне может с удивлением узнать, что такое выкладывание является нарушением правил его провайдера (подобное особенно характерно для Германии). Последняя «международная» инициатива из этой области, известная под аббревиатурой «АСТА» (Anti-Counterfeiting Trade Agreement)⁴², представляет собой проект многостороннего соглашения под видом торгового, которое закрепляет для стран-участниц ряд таких обязательных к исполнению мер, как ответственность интернет-операторов за проходящее через их сети содержимое, возможность таможенного досмотра носителей информации, перемещаемых через границу частными лицами (вплоть до обязанности частного лица по вводу во время такого досмотра валидного криптоключа для досмотра зашифрованных носителей) и многое другое. Интересно, что разработка текста проекта проходила в условиях полной изоляции, так что о готовящемся соглашении публика узнала только в результате случайной утечки черновых версий документов. Происходящее вызвало ряд протестов на самых разных уровнях, вплоть до резолюции европарламента⁴³.

Медиабизнес также не оставляет попыток (и зачастую весьма успешных) по уничтожению перспективной технологии децентрализованных файлообменных сетей. Аргументы в пользу этого высказываются крайне простые: файлообменные сети используются для незаконного распространения музыки, фильмов и программного обеспечения. То, что ощутимую часть трафика файлообменных сетей составляют файлы совершенно легитимные — дистрибутивы свободно распространяемого ПО, а также фонограммы и видеороли-

⁴²Love, J. White House Creates Secret Process as Solution to Transparency For Key IPR Negotiation. // Huffington Post, October 15, 2009. http://www.huffingtonpost.com/james-love/white-house-creates-secre_b_322182.html

⁴³European Parliament resolution on the transparency and state of play of the ACTA negotiations (document RC-B7-0154/2010). <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+MOTION+P7-RC-2010-0154+0+DOC+XML+V0//EN>

ки, имеющие статус общественной собственности либо лицензированные для свободного распространения, явно не смущает представителей медиабизнеса.

Подобные вещи происходят не только в Интернете. Не столь давно обсуждался случай, когда жительница США столкнулась с совершенно неожиданной проблемой: сотрудник фотолаборатории для фотографов-любителей отказался выполнить заказ на изготовление отпечатка её фотографии с цифрового носителя, мотивируя это тем, что фотография имеет профессиональное качество и, соответственно, для её воспроизведения необходимо разрешение правообладателя. Уверения, что именно она сама и является автором (и, соответственно, владельцем) соответствующей фотографии, на сотрудника лаборатории не подействовали. Важно понимать, что те же операторы Интернет вовсе не заинтересованы в охоте на собственных клиентов. Чем больше действует ограничений на информационный обмен между пользователями Сети, тем меньше трафик и тем, соответственно, меньше объём услуг, которые оператор способен продать пользователям. Точно таким же образом и пресловутый сотрудник фотолаборатории оставил собственную фирму без выручки за непринятый заказ. Очевидно, что далеко не все корпоративные участники рынка заинтересованы в имеющемся копирайтном беспределе.

Другое направление массивной атаки обладателей копирайтов — компании, производящие оборудование и программное обеспечение для работы с цифровым звуком и видео. Известно, что защита от копирования информации как таковая технически неосуществима без соответствующей функциональности воспроизводящего оборудования. Если та или иная информация вообще может быть воспроизведена, то, следовательно, она может быть и скопирована: помешать этому можно, разве что скрыв от пользователя детали реализации системы воспроизведения, физически защитив (например, тривиально залив эпоксидной смолой, либо понадеявшись на то, что пользователь не разберётся во внутреннем устройстве системы) те части системы, в которых информация в какой-либо момент будет присутствовать в открытом виде; заметим, наличие таких мест необходимо, в противном случае информацию вообще невозможно будет воспроизвести.

Однако производителей сложной электроники в мире не так много, и при некоторых усилиях вполне можно «убедить» их всех ограничить соответствующим образом возможности выпускаемой техники. Блестящий пример этого — «зональные коды», поддерживаемые DVD-приводами. Характерно, что почти для всех выпускаемых приводов имеются прошивки сторонних раз-

работчиков, начисто устраняющие пресловутую «защиту», что само по себе наглядно демонстрирует суть зональной защиты: это не более чем троянская (то есть действующая вопреки интересам пользователя) вставка в оригинальную прошивку устройства. Проблема в том, что издательские лобби на сей раз превзошли сами себя: им удалось заставить **всех** производителей DVD-дисководов предусмотреть такие вставки в своих устройствах.

В конце 2005 года через законодательные органы США едва не прошел так называемый Analog Hole Bill⁴⁴, который предполагал, ни много ни мало, запрет на производство аппаратуры для оцифровки видео, за исключением закрытых систем, которые должны были бы распознавать специальный сигнал в аналоговом входном потоке, обозначающий «разрешенность» данного сигнала к оцифровке. Собственно говоря, термин *analog hole* (аналоговая дыра) обозначает имманентно существующую дыру в любой защите от копирования текстов, музыки, изображения или фильмов: если любой из этих видов информации может быть *воспроизведён* (напечатан на бумаге, показан на экране или проигран через динамики), то он, соответственно, может быть и *записан*, соответственно, с помощью сканнера и распознавателя, с помощью фотоаппарата или видеокамеры, и, наконец, с помощью микрофона. «Заткнуть» аналоговую дыру можно только одним способом: запретив производство соответствующей аппаратуры. То, что средства оцифровки аналогового сигнала чаще используются не для нарушения чьих-то копирайтов, а для создания, например, любительских видеофильмов и аудиозаписей «неофициальных» исполнителей, опять же, поборников копирайта не волновало. К счастью, нашлись и те, кого это (а заодно и, например, свобода конкуренции частных производителей) всё-таки волнует. Если бы Analog Hole Bill был принят, насилью (причём отнюдь не только информационному) подверглись бы частные производители электронной техники и программного обеспечения (особенно это ударило бы по разработчикам свободных программ); сотни тысяч радиолюбителей лишились бы доступа к определённым видам электронных компонентов; миллионы владельцев любительских видеокамер остались бы без возможности самостоятельной обработки своих плёнок и вынуждены бы были оплачивать услуги профессиональных студий.

Если Analog Hole Bill оказался столь одиозен, что практически не имел шансов на принятие, то явление более общее, именуемое DRM (Digital Rights

⁴⁴Bangeman, E. «Analog hole» legislation introduced. // Ars Technica, Dec. 18, 2005. <http://arstechnica.com/old/content/2005/12/5797.ars>

Management) в разных своих формах активно используется. Общая идея DRM в том, что формат представления той или иной информации предусматривает пометки о лицензионном статусе соответствующей информации, а **все** средства, позволяющие данный конкретный формат использовать, при этом анализируют значение пометок и отказываются производить операции, противоречащие имеющимся пометкам. Частным (и, к сожалению, успешным) случаем DRM является уже упоминавшаяся зональная защита DVD. Для успешного достижения поставленной цели при применении DRM необходимо контролировать **все** существующие средства воспроизведения данного формата. Иногда это достигается закрытием спецификаций самого формата, что, впрочем, работает недолго: любой формат данных может быть проанализирован и раскрыт, вопрос тут только в необходимых для этого трудозатратах, но, как показывает практика, в мире всегда достаточно квалифицированных людей, готовых ради спортивного интереса заниматься вскрытием защит. Поэтому чаще при применении DRM всевозможные правообладатели уповают на то, что большая часть аппаратуры и программного обеспечения все равно является закрытой, пользователи же открытых систем, против которых DRM бессилён, составляют пренебрежимо малую часть.

Реализация DRM в программах, распространяемых с открытыми исходными текстами, заведомо бессмысленна, т. к. найти в программе и исправить нужное место так, чтобы DRM не соблюдался, может едва ли не каждый второй пользователь. В итоге та же зональная защита обычно не работает при воспроизведении DVD на компьютерах с ОС Linux, а заодно и на тех немногих DVD-проигрывателях, в которых Linux используется в качестве внутреннего программного обеспечения. Это, с одной стороны, внушает определенный оптимизм противникам DRM; с другой стороны, то же обстоятельство делает весь мир свободного программного обеспечения мишенью для перманентных нападков со стороны медиа-индустрии.

Необходимо заметить, что очень часто DRM запрещает и такие действия пользователя, которые никоим образом не являются нарушением копирайтного законодательства. Так, право создать резервную копию купленного произведения на случай порчи оригинального носителя информации сохраняется за владельцем легитимной копии практически во всех версиях копирайтных законов, как и право перепродать свой экземпляр другому лицу; между тем, DRM часто делает эти действия невозможными или затруднительными. Та-

ким образом, активная эксплуатация DRM влечёт причинение бессмысленного вреда законным интересам широкой публики.

Итак, получается весьма любопытная картина. Защищая свои интересы в изменившемся после цифровой революции мире, заинтересованные в копирайте лица вмешиваются в работу независимых компаний, диктуют условия операторам Интернет и производителям аппаратуры (кстати, лишая их заметной доли дохода), душат перспективные технологии (те же файлообменные сети, а полтора десятка лет назад — DAT-магнитофоны), упорно придумывают способы ограничить производство и использование открытого программного обеспечения. Что еще хуже, под прикрытием «защиты авторских прав» они доходят до методов, препятствующих независимым авторам в создании своих собственных произведений, таких как любительские видеофильмы и аудиозаписи: в блогах и на тематических форумах в сети Интернет встречаются жалобы видеолюбителей на то, что имеющаяся техника не позволяет им переписать **свои** (собственноручно отснятые) miniDV-кассеты на те или иные альтернативные носители (чаще всего на бытовые DVD-рекордеры), обвиняя в нелегальном копировании⁴⁵. Таким образом, мы наблюдаем массовые нарушения свободы и законных интересов публики — прежде всего, в сфере информационной свободы, но, как несложно видеть, и в других областях тоже — обусловленных отчаянными попытками медиабизнеса сохранить свою сферу влияния в стремительно меняющемся мире, в условиях, когда ниша традиционной издательско-медийной бизнес-модели прекращает существование в силу объективных технических причин. Чем меньше эта ниша, чем менее востребованы традиционные услуги издателей, тем более жесткими, беспардонными в отношении информационной свободы частных лиц, и, в конечном счёте, бессмысленными становятся действия медийных лобби по всему миру.

Общества по коллективному управлению авторскими правами, возникнув в ответ на потребность обойти в ряде случаев букву копирайтного закона⁴⁶, исподволь сменили самую цель копирайтного законодательства: вместо принципа «автор должен быть вознагражден» они эксплуатируют принцип «пользователь должен заплатить», уделяя при этом существенно меньше внимания вопросу, кому в итоге достанутся деньги.

⁴⁵Характерно, что в ответ на такие жалобы обычно следует рекомендация использовать Linux.

⁴⁶В самом деле, тяжело представить себе, чтобы каждая из существующих в мире радиостанций имела прямые договорные отношения с каждым из правообладателей тех фонограмм, которые станция запускает в эфир.

Как уже говорилось выше, обеспечение соблюдения копирайтного законодательства, с одной стороны, осуществляется за счет налогоплательщиков, а с другой — в большинстве случаев не имеет прямого отношения к защите интересов *авторов* (создателей) художественных произведений. Единственным исключением является пока что кино, особая роль которого обусловлена существенными материальными затратами при съёмках фильмов, однако существует и такая точка зрения, что, не будь копирайтной защиты, те же (по качеству) фильмы можно было бы снимать чуть ли не в сотни раз дешевле⁴⁷. В этом свете закономерно возникает вопрос, не слишком ли высокую цену платит общество за сомнительное счастье потреблять голливудскую кинопродукцию.

Нельзя не отметить и еще один момент, связанный со столь резким расширением круга лиц, которых напрямую касается копирайтное законодательство. Подобно чеховскому герою, который так и не поверил, что его отправляют в тюрьму за открученную от железнодорожных путей гайку⁴⁸, широкая публика никогда не поверит, что копирование может быть преступлением, к каким бы ухищрениям ни прибегали пропагандисты копирайтных общественных отношений⁴⁹. В доцифровую эпоху, когда копирайты напрямую касались только избранных, с этим было, конечно, гораздо проще. Неадекватность существующего копирайтного режима изменившимся социальным условиям отмечают даже сторонники копирайтного законодательства⁵⁰.

Итак, с наступлением цифровой эпохи защита имущественных авторских прав оказывается возможна лишь при условии, что ограничения, которые ранее издатели налагали друг на друга, будут распространены на широкую публику. Для осуществления этих ограничений узкий круг издателей требует запрета прогрессивных технологий и отнимает у людей возможность использования результатов технического прогресса; оборачивается это, в том числе, и против авторов — именно, тех из них, кто не смог бы в доцифровую эпоху преодолеть «барьер вхождения», обусловленный технологиями тиражирования книг (тираж менее чем в 1000 экземпляров не имеет смысла с финансовой точки зрения); в современных условиях подобные ограничения становятся полностью искусственными, однако издательский бизнес,

⁴⁷Афанасенков М. А. Правда и ложь о пиратских DVD-дисках. <http://afanas.ru/video/nolicenz.htm>

⁴⁸Имеется в виду рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник»

⁴⁹См. напр.: Целиков Д. Молодёжи наплевать на беды музыкальной индустрии. // Компьюлента, 4 апреля 2011 года. <http://culture.compulenta.ru/605146/>.

⁵⁰Напр.: Hargreaves, I. Digital Opportunity. A review of Intellectual Property and Growth. <http://www.ipso.gov.uk/ipreview.htm>

придерживаясь традиционной модели и осуществляя рекламную раскрутку отдельных авторов и книг, искусственно поддерживает существование барьера вхождения. Искусственные технические и другие ограничения, вводимые исключительно ради поддержания копирайтного статус-кво, ограничивают возможности любительского творчества. Риторика «авторских прав» позволяет сторонникам традиционного копирайта делать вид, что всё именно так и должно быть, поскольку речь идёт о *соблюдении* прав, имеющихся у авторов; очевидно, что в свободном обществе право индивида должно гарантироваться вне зависимости от того, противоречит оно чьим-либо интересам или нет. Однако в действительности речь в данном случае идёт о праве полностью искусственном, даже скорее о привилегии, а не о праве; институт имущественных авторских прав создан государством, причём создан не для авторов, а для издателей. С того момента, когда копирайт перестал быть внутренним правилом издательской индустрии, он превратился в ограничение возможностей каждого индивида, в том числе отнял у граждан право копирования информации, которое многие авторы, включая Р. Столлмана⁵¹ и Д. Кроссланда⁵², считают естественным. Справедливости ради надо отметить, что в литературе представлена и противоположная точка зрения: например, У. Саймондс в статье, написанной в 1891 году, утверждал, что как раз авторское право является естественным и статут королевы Анны лишь закрепил право, существовавшее само по себе⁵³. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что на момент написания этой статьи копирайт в его сегодняшнем виде ещё не сформировался; кроме того, Саймондс полностью игнорирует отмечаемый многими другими авторами факт, что статут Анны был направлен скорее не на права авторов, а на закрепление монопольной роли гильдии издателей. Так или иначе, приоритет интересов общества над интересами обладателей имущественных авторских прав нуждается в дополнительном обосновании, и таким обоснованием может стать как раз рассматриваемое понятие информационного насилия: в самом деле, «право граждан копировать любую информацию» выглядит ничуть не более убедительно, чем эксплуатируемое сторонниками копирайта «право автора на вознаграждение за труд», тогда как

⁵¹Stallman, Richard M. Copyright and globalization in the age of computer networks. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 135–156

⁵²Crossland, D. The Core of the Copyfight. // Understanding design & software freedom, June 26, 2009. <http://understandinglimited.com/2009/06/26/copyfight/>

⁵³Simonds, Wm. E. Natural Right of Property in Intellectual Production. // The Yale Law Journal, Vol. 1, No. 1 (Oct., 1891), pp. 16–25. Online: <http://www.jstor.org/stable/783280>

«право каждого не подвергаться насилию» — выражает фундаментальный принцип личной свободы.

2.3. О мнимой справедливости интеллектуальной собственности

Рассматриваемая в данной работе теоретическая проблема возникла как непосредственное отражение процессов, происходящих в обществе. Позволю себе проиллюстрировать некоторые тезисы работы конкретными примерами. В 2007-2008 гг. серьёзный общественный резонанс в России вызвал следственно-судебный процесс, ставший известным как «дело Поносова»⁵⁴. Александр Михайлович Поносов, директор сельской школы из Пермского края, был привлечён к суду в качестве обвиняемого по делу о незаконном использовании программ фирмы Майкрософт в возглавляемой им школе. Компьютеры с предустановленным на них программным обеспечением были поставлены в школу фирмой-подрядчиком; чтобы определить контрафактный характер программного обеспечения, у сотрудников школы (что вполне естественно) было недостаточно квалификации. Тем не менее, прокуратура выдвинула обвинения не против недобросовестного поставщика, а против директора школы. История затянулась почти на два года; сначала суд прекратил дело за незначительностью, но такой вариант не устроил обе стороны: прокуратура требовала вынесения приговора, а сам обвиняемый потребовал безоговорочного оправдания. После ряда кассационных жалоб при повторном рассмотрении дела обвиняемый был приговорён к штрафу в размере 5000 рублей, несколько раз подавал жалобы в суды высших инстанций, в Европейский суд по правам человека, в Верховный суд Российской Федерации; в защиту учителя выступали Ричард Столлман, Михаил Горбачёв, Александр Лебедев и Владимир Путин (на тот момент — президент РФ). В итоге все обвинения с Поносова были сняты, принято решение о компенсации причинённого ему вреда; точку в этом деле поставили официальные публичные извинения, произнесённые от имени государства районным прокурором⁵⁵.

На фоне «дела Поносова», которое завершилось благополучно, затерялась небольшая, но куда как более знаковая история, происшедшая в далёкой Японии. Семидесятирёхлетний музыкант Масами Тоёда был арестован японской полицией по обвинению в нарушении авторских прав; ему было предъявлено

⁵⁴Соколова Т. Конституция ни при чем. // Пермский обозреватель, №1 (303), 15 января 2007 г

⁵⁵Иванова М. Последний лист Поносова. «Взгляд.РУ», 12.04.2009 <http://www.vz.ru/society/2009/12/4/355554.print.html>

но обвинение в незаконном исполнении 33 песен из репертуара The Beatles и других известных групп. Старик играл эти песни в баре на губной гармошке под аккомпанемент пианино. Ордер на арест Тоёды стал результатом обращения в правоохранительные органы представителей Японского общества по правам авторов, композиторов и издателей⁵⁶.

Подобные истории кажутся случайными перегибами лишь на самый первый взгляд. Мало кто из сторонников авторских прав догадывается, что какой-нибудь небритый турист, взявший в руки гитару у костра среди леса, совершает тем самым нарушение закона: действительно, редкий турист поёт *свои* песни, и еще меньше таких, кто поёт *только свои*, ну а право на исполнение песен, написанных другими авторами, является исключительным имущественным правом. Из него, правда, есть некоторые исключения: можно почему-то исполнять любые песни на «официальных и религиозных церемониях» и еще на похоронах⁵⁷. А вот про исполнение в лесу у костра в законе ничего не сказано, как и про другие варианты самодеятельного исполнения — и, кстати, существуют соответствующие правовые прецеденты: ещё в 1996 году в США так называемая «Ассоциация композиторов, авторов и издателей» подала в суд на девочек-скаутов за неправомерное исполнение песен у костра⁵⁸, так что ничего нового мы сейчас не открываем. Вообще, по логике авторско-правового законодательства следовало бы, наверное, запретить свободную продажу музыкальных инструментов.

Мало кто догадывается и о том, что формальным нарушением действующих законов оказываются школьные уроки музыки и литературы. На первых исполняют музыкальные произведения, на вторых — читают наизусть стихи, что с юридической точки зрения также является публичным исполнением. Всё было бы в порядке, если бы в школьной программе изучались только авторы, умершие не менее 70 лет назад, но это не так. Кроме того, в школах и других детских учреждениях часто проводят всевозможные утренники, самодеятельные спектакли и тому подобное, и здесь тоже формально авторско-правовое законодательство оказывается нарушено.

В России пока не известны случаи предъявления претензий школьным учреждениям по поводу нарушения исключительных прав на исполнение про-

⁵⁶ Карпов М. Престарелого японца арестовали за игру на губной гармонике. // Компьюлента, 10 ноября 2006 г. <http://cult.compulenta.ru/294321/>

⁵⁷ См. ст. 1277 ГК РФ

⁵⁸ Bannon, L. The Birds May Sing, but Campers Can't Unless They Pay Up. // Wall Street Journal, 21.08.1996. Online: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/communications/ASCAP.html>

изведений на уроках, однако это, вполне возможно, вопрос времени. Представители упоминавшихся выше обществ по коллективному управлению авторскими правами находятся в постоянном поиске лазеек в законодательстве, позволяющих обложить данью кого-нибудь ещё. Не так давно Российское авторское общество заявило, что владельцы гостиниц и отелей обязаны платить деньги за сам факт наличия в номерах гостиниц телевизионных приёмников, поскольку воспроизведение музыкальных произведений и фильмов с помощью этих приёмников является публичным⁵⁹. Ну а вышеупомянутое «дело Поносова» показывает, что никто не гарантирует школам неприкосновенности просто потому, что это школы: сторонников копирайта такие тонкости не волнуют. Может сложиться впечатление, что описанные проблемы можно решить, убрав из закона исключительное право на исполнение защищённых копирайтом произведений. Обманчивость такого впечатления легко показать: достаточно представить себе, что родители одного из школьников, посетив школьный утренник, заснимут происходящее на видеокамеру. Полученная видеозапись окажется незаконной, даже если не учитывать нарушение исключительного права на исполнение.

Внимательное рассмотрение возникшего положения вещей позволяет заключить, что мы имеем дело с такой ситуацией, когда право перестаёт выполнять свои сущностные функции. После критического переосмысления положений исторической школы в философии права большинство теоретиков связывало и связывает право не с волей тех или иных индивидов, а с *интересами* граждан и социальных групп. Немецкий классик философии права Рудольф фон Иеринг утверждал, что «все, без исключения, правовые положения и институты обязаны своим происхождением практическим мотивам, что все они являются результатом исторического опыта, что ни одна правовая истина, как бы элементарна и понятна она ни была, не предначертана человеку его врождённым правовым чувством... Право в такой же степени исторический продукт, как и техника»⁶⁰. Право, таким образом, можно считать порождением человеческих интересов; от создавшейся конкретной ситуации может зависеть, чьи интересы (и в какой степени) найдут своё выражение в действующем праве, и вся система актуальных законов оказывается результатом борьбы противоречащих друг другу интересов разных людей. В

⁵⁹Гончарова О., Соболев С. Из гостиниц выкачивают авторские права. // Газета «Коммерсантъ», № 121 (4176), 08.07.2009

⁶⁰Иеринг, Р. фон. Историко-общественные основы этики. Издание И. Юровского, типография Брауде, С.-Петербург, 1896. 32 с, стр. 16–17

идеале право должно соответствовать потребностям прогрессивного развития общества, что, как мы видим, не выполняется в случае имущественных прав интеллектуальной собственности.

Нельзя не отметить, что копирайтное законодательство делает незаконными такие вещи, о незаконности которых подавляющее большинство людей и подумать бы не могло. В чем причина такого расхождения между законом и общественным мнением?

Современное законодательство во всём его многообразии практически невозможно знать, не будучи профессиональным юристом. Поэтому большинство людей в повседневной жизни пользуется *интуитивным* пониманием законности или незаконности тех или иных действий. Так, например, кого-нибудь убить, избить или обворовать — это незаконно, и это все знают. Интуитивное представление о том, что можно и что нельзя, для большинства людей имеет авторитет даже больший, чем буква закона. Современный человек знает, что законы бывают разные, и что они, вообще говоря, могут меняться. Поэтому если, например, закон разрешает что-то такое, что с точки зрения некоего индивида относится к категории «ну разве ж так можно», то индивид скорее заявит, что это плохой закон, чем согласится поменять собственные воззрения. Точно таким же образом, если закон запрещает делать нечто, в чём рассматриваемый индивид не находит ничего предосудительного, — с точки зрения индивида, скорее всего, наилучшим вариантом будет менять закон.

Один из базовых принципов обыденного сознания, по которым люди имеют привычку записывать действие в разряд допустимых, — это принцип «а кому это мешает». Очень трудно будет убедить обывателя в незаконности его действий, если ему при этом не предъявить пострадавшего. В частности, ныне широко распространено мнение, что за закрытыми дверями собственных квартир и так, что снаружи ничего не видно и не слышно, люди имеют право делать всё, что им заблагорассудится. Следует отметить, что такое мнение совершенно не соответствует юридической действительности, однако же в данном столкновении мнений средний обыватель скорее встанет на сторону его коллеги-обывателя, нежели на сторону закона, потому что такой закон, который кому-то что-то запрещает без особой на то необходимости, обывателю не понятен. Против таких законов есть универсальная фраза: «мои личные дела никого не касаются». И вот обывателю пытаются объяснить, что

он кому-то мешает, когда переписывает приятелю музыку или фильм, приглашает знакомых в гости посмотреть видео, включает музыку на домашней, опять же, вечеринке, что тоже незаконно, поскольку считается уже не домашним, а публичным воспроизведением. Представляется крайне маловероятным, что обыватель окажется когда бы то ни было готов признать такие запреты правильными.

Возвращаясь к проблеме информационной свободы, напомним, что требование о соблюдении копирайтного законодательства оказывается информационным насилием, попадающим в ту же категорию, что и пресловутая цензура, а именно — неавторизованное вмешательство третьих лиц в процесс свободного информационного обмена. Если кому-то, например, подарили компакт-диск с информацией, уже открытый, лишённый упаковки (что исключает принятие какой-либо оферты при вскрытии упаковки), причем получатель подарка не запускал никаких программ с этого диска (что, опять же, исключает принятие оферты через нажатие кнопки в диалоге программы), то у нового владельца диска никаких обязательств ни перед кем относительно данного диска нет. Допустим теперь, что у этого нового владельца имеется некий знакомый, которому зачем-то нужна копия этого диска, а самому владельцу при этом совершенно не жаль такую копию этому знакомому предоставить. И вот за закрытыми дверями квартиры одного из них, пользуясь исключительно принадлежащим им оборудованием и материалами, при этом строго по обоюдному согласию два человека осуществляют информационный обмен, выражающийся в создании копии пресловутого диска, после чего один из них кладёт в карман только что созданную копию и покидает квартиру. Согласно действующему законодательству, эти двое вполне могут оказаться нарушителями закона, поскольку содержимое диска могло быть защищено авторским правом. Заметим, что в некоторых ситуациях участники обмена даже не в состоянии определить его законность или незаконность, поскольку правовой статус той или иной информации может быть неясен, а в некоторых случаях для его определения может понадобиться судебное разбирательство.

Следует особо отметить, что наложение ограничений на распространение той или иной информации возможно и без копирайтных законов, причем таким способом, при котором никакого информационного насилия не происходит. Так, обладатель некой информации, будь то программа, музыкальный диск и т. п., вполне может передавать копии этой информации третьим лицам, то есть давать своё согласие на передачу информации, необходимое для осу-

ществления свободного информационного обмена, *только при условии подписания договора о неразглашении* (non-disclosure agreement, NDA). Поскольку такой договор подписывается добровольно, ни о каком насилии здесь речи идти не может. Более того, нарушение такого договора, как и вообще нарушение любых добровольно взятых на себя обязательств, вполне очевидно является недопустимым, в том числе и на интуитивном уровне понимания. Иной вопрос, что, если кто-то из подписавших NDA свои обязательства всё-таки нарушит и отдаст полученную информацию кому-то третьему, этот третий никакими обязательствами связан уже не будет. Поэтому, в частности, такая модель не слишком пригодна для массовых продаж чисто информационных «продуктов»: первый же нарушитель сделает информацию общедоступной, а вычислить его с целью возмещения убытков может оказаться невозможно. Однако при работе с единичными заказчиками NDA защитную функцию может выполнять ничуть не хуже копирайта.

Посмотрим теперь в свете этого на копирайт. Чтобы исключить восприятие копирайта как данности, представим себе общество, в котором копирайтного законодательства никогда не было (как уже говорилось, такие страны существуют, хотя их и не много, да и к лидерам в области информационного производства они не относятся). Для поставщика информации, считающего, что копирование поставляемой им информации нежелательно, остаётся единственный путь защиты: NDA. Отметим, что, как уже не раз говорилось, далеко не все поставщики информации реально заинтересованы в запрете копирования. В любом случае, общество, скорее всего, смирится с NDA сразу и без напряжения — общество вообще склонно легко принимать любые ненасильственные новшества. К тому же под NDA всё-таки попадают только те субъекты, которые так или иначе заинтересованы в благополучии данного конкретного поставщика информации, иначе зачем вообще иметь с ним дело.

Если теперь ввести в этом обществе копирайтные отношения, это будет эквивалентно возможности для любого желающего заключить NDA сразу со всеми участниками общественных отношений, включая и тех, с кем он никогда не встречался и не встретится, и, что особенно интересно, вне всякой зависимости от их желаний. Действительно, ведь теперь каждый обязан воздерживаться от копирования попавшей к нему информации, потому что она защищена копирайтом, вне всякой зависимости от того, откуда информация взялась и заинтересован ли её обладатель хоть как-то в благополучии того, от кого информация изначально исходит. Явную абсурдность такого перехода

отмечает, например, Стефан Кинселла в статье «Против интеллектуальной собственности»⁶¹. Более того, соблюдение такого «NDA со всеми» обеспечивается полицейскими мерами за счет налогоплательщиков, то есть люди платят налоги на за попираание их же собственной свободы (это отмечает, например, А. Сергеев в статье, озаглавленной «Автор и человек: у кого прав больше»⁶²). Подавляющее большинство людей в рамках копирайтных юрисдикций вынуждены, таким образом, жертвовать частью своей свободы и оплачивать определенные полицейские мероприятия, направленные как раз на ограничение этой части свободы, в пользу немногочисленной группы, защиту частных коммерческих интересов которой почему-то взяло на себя государство. Следует отметить, что эта группа, во-первых, строит свою деятельность на насилии; во-вторых, как уже говорилось, вся эта деятельность не приносит обществу никакой пользы, как это пытаются представить сторонники копирайтного законодательства. *Авторам*, то есть тем, кто создаёт произведения своим творческим трудом, от всего этого пирога если что и достаётся, то редко и мало; чаще авторам достаются не деньги, а лишние трудности, обусловленные исключительно копирайтным правом.

Так или иначе, недопустимо ставить государственную машину на службу интересам частных организаций, в противном случае речь следует вести о коррупции на государственном уровне, поскольку нарушается фундаментальное требование всеобщего равенства перед законом. Требование нейтральности государства к частным интересам хорошо сформулировал Фридрих Хайек: «Именно всеобщность — самый яркий аспект закона, характеризующегося абстрактностью. Настоящий закон не содержит ничего частного, ничего персонального, он вне групповых и частных интересов»⁶³. Либертарианский идеал Хайека может казаться недостижимым; скорее всего, на современном этапе развития общества он действительно недостижим, поскольку роль государства с его законодательной и полицейской системой в жизни любого современного общества далека от минимальной. Так или иначе, явная ориентированность закона на обслуживание интересов отдельной группы в современных условиях всегда нуждается в некотором оправдании; такое оправдание необходимо, чтобы снизить недовольство граждан, в обслуживаемую группу не попавших. Оправдать существование имущественного авторского

⁶¹Kinsella, S. Against Intellectual Property // Journal of Libertarian Studies. Vol. 15, No. 2. Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 2001. Русский перевод см., напр., <http://libertynews.ru/node/176>

⁶²Сергеев А. Автор и человек: у кого прав больше // Мир Internet, № 5 (32), 1999

⁶³Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб.: «Пневма», 1999, 288 с, стр. 73

права, обслуживающего частные интересы издательского бизнеса, будет тем труднее, чем менее будет потребность социума в тех услугах, которые издательский бизнес способен обществу предоставить.

Итак, авторское право в его имущественной части (копирайт) оказывается при ближайшем рассмотрении искусственным правовым институтом, вышедшим далеко за рамки своего исходного предназначения и поставленным в итоге на службу интересам, противоположным его исходному предназначению. По мере развития информационных технологий поддержание этого института требует всё более массового насилия практически над всеми индивидами, составляющими общество; усилия государства по сохранению привилегий медиабизнеса отрицательно сказываются на развитии культуры и образования, препятствуют совершенствованию информационных технологий. В то же время аргументы относительно пользы копирайтного законодательства для общества оказываются гораздо слабее и могут быть подвергнуты аргументированной критике.

Подробно рассмотрев все три основных вида интеллектуальной собственности, мы можем сделать вывод о предпочтительности её отмены. Ликвидация собственности на торговые марки (точнее, замена отношений собственности на обязанность соблюдения информационных интересов потребителя при маркировании товаров и услуг) будет означать ровно то, для чего торговые марки были когда-то придуманы — прекращение обмана покупателей. Результатом отмены патентного права станет прозрачность правил игры для участников технологического производственного сектора рынка, устранение внерыночных инструментов конкурентной борьбы и снятие ряда препятствий для свободной конкуренции, от чего выиграют как потребители, так и мелкий и средний бизнес. Наконец, отмена имущественных авторских прав вернёт частным лицам свободу информационного обмена, которая была у них отнята в результате возникших противоречий между техническим прогрессом, с одной стороны, и частными интересами и медиабизнеса, стремящегося сохранить свои позиции в мире, в котором для этих устаревших бизнес-моделей места уже нет; искусственные ограничения, поддерживаемые государством с целью защиты интересов медиабизнеса, препятствуют не только развитию технических средств информационного обмена, но и тому развитию культуры, которого следует ожидать при снятии «барьеров вхождения» для авторов-любителей. Добавим, что все три вида интеллектуальной собствен-

ности имеют прямое отношение к информационному насилию. Франчайзинг открывает возможности для узаконенной дезинформации, патентное право не позволяет пользоваться в своих интересах имеющейся (и часто вообще открытой) информацией, копирайт при ближайшем рассмотрении оказывается частным случаем цензуры. Для построения свободного информационного общества, таким образом, отмена интеллектуальной собственности становится обязательным условием; более того, рискнём предположить, что такая отмена попросту *неизбежна*, поскольку отвечает насущным потребностям практически всего общества.

Здесь можно усмотреть противоречие между тем обстоятельством, что понятие свободного общества (как в классически-либеральной, так и в либертарианской трактовке) предполагает тщательную охрану частной собственности, с одной стороны, и требованием об отмене целого класса отношений собственности — с другой. Такое противоречие, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимым; чтобы это продемонстрировать, прибегнем вновь к рассмотрению копирайтных общественных отношений с точки зрения юрисдикции, в которой таковых нет. Право частной собственности на материальные объекты, в особенности на объекты, являющиеся результатом человеческого труда, несомненно; без охраны такого права не может существовать не только свободное, но и вообще, по-видимому, никакое общество, поскольку труд в этом случае оказывается лишён стимула и индивиду остаётся либо не трудиться вообще (в этом случае все, скорее всего, умрут от голода), либо удалиться от социума таким образом, чтобы никто чисто физически не мог присвоить себе результаты его труда (в этом случае индивиды выживут, но общество как таковое существовать перестанет). Более того, чем более свободно общество, тем, судя по всему, более приближаются к абсолютным права индивидуума распоряжаться своей материальной собственностью, ведь любые ограничения таких прав оказываются, как уже говорилось, насилием. Заметим теперь, что информация не может существовать сама по себе, она всегда воплощается в некоторой объективной форме на том или ином материальном носителе. Интеллектуальная собственность, напротив, рассматривает информацию в отрыве от материальных носителей, передавая определённым лицам некие права на информацию как таковую *вне зависимости от того, кому принадлежит носитель информации*; иными словами, институт интеллектуальной собственности ограничивает права индивида распоряжаться своей материальной собственностью (если эта собственность представляет со-

бой носитель информации, права на которую предоставлены другому лицу). Интеллектуальную собственность следует в этой связи рассматривать не как усиление прав частной собственности, но, напротив, как ослабление таковых в форме ограничения прав собственников материальных носителей распоряжаться такими носителями по собственному усмотрению. В сравнении с обществом без института интеллектуальной собственности общество, в котором такой институт введён, имеет более *слабые* гарантии неприкосновенности собственности и, следовательно, является менее, а не более свободным. Всё это заставляет усомниться в истинности расхожего представления о том, что в информационном обществе необходим институт интеллектуальной собственности.

2.4. Экономические предпосылки к упразднению интеллектуальной собственности

Парадигма копирайтного законодательства (и вообще интеллектуальной собственности) оказывается неожиданно сильна, во многом благодаря тому, что субъекты экономических отношений, чьи интересы защищает интеллектуальная собственность, обладают существенными финансовыми ресурсами, причём в основном как раз за счёт эксплуатации законов об интеллектуальной собственности. Проще говоря, те, кто заинтересован в интеллектуальной собственности, обладают деньгами, а в некоторых случаях и властью. Во всяком случае, о немедленной отмене интеллектуальной собственности речи сейчас идти не может. Звучит это всё довольно пессимистично, но, как ни странно, обнадеживающие тенденции имеются. Среди крупных (или как минимум заметных) корпораций и целых отраслей рынка есть и те, чьему бизнесу интеллектуальная собственность откровенно мешает. Прежде всего, к таковым относятся интернет-операторы. Товар, которым они торгуют — это каналы передачи информации. Чем меньше ограничений на передачу информации, тем больше потребность пользователей в ширине каналов, и тем больше денег провайдеры могут заработать. Напротив, копирайтные ограничения и попытки отдельных заинтересованных лиц эти ограничения воплотить оборачиваются для провайдеров необходимостью следить за деятельностью собственных клиентов и, в конечном итоге, бороться с собственными клиентами, теряя на этом деньги. Операторы связности — не единственные компании, работающие в сети Интернет, которым невыгодны копирайтные отношения. Так,

поисковые системы вынуждены содержать целые организационные структуры, чтобы исключить из ответов на запросы пользователей ссылки, ведущие на сайты с контрафактом; более того, поисковики, как правило, используют *локальные копии* документов, доступных в Интернете, а создание таких копий само по себе может оказаться нарушением чьих-то защищенных копирайтным законом интересов. Невозможно игнорировать также и производителей воспроизводящей аппаратуры. Под давлением медиаиндустрии они часто вынуждены внедрять в свою продукцию искусственные ограничения (всевозможные варианты DRM). Потери здесь двойные: такие ограничения требуют затрат сами по себе, а кроме того, еще и снижают лояльность потребителей, которым вряд ли придется по вкусу, что купленный за деньги аппарат почему-то обслуживает не интересы своего хозяина, а чьи-то совершенно иные интересы.

Часто можно встретить утверждения, что Интернет представляет собой явление, изменяющее общественные отношения и требующее переосмысления некоторых традиционных подходов. Однако при ближайшем рассмотрении можно заметить, что Интернет сам по себе не внёс в общественные отношения никаких качественных изменений (так, в плане собственности на *материальные* объекты появление Интернета не изменило вообще ничего), он лишь высветил и обострил противоречия, существовавшие ранее. В частности, противоречие между правом собственности на носитель информации и правом собственности на информацию как таковую не могло возникнуть с появлением компьютеров или Интернета, оно существовало с того момента, когда появилось право собственности на информацию как таковое, но поскольку авторско-правовая регуляция не касалась никого, кроме узкой прослойки издателей, на существование этого противоречия можно было не обращать внимания. С другой стороны, изменения, будучи чисто количественными, таковы, что противоречия, которые можно было игнорировать в недалёком прошлом, на современном этапе затрагивают такое количество людей, что игнорировать их и дальше не представляется возможным. Это обстоятельство можно рассматривать как появление нового качества: потребность в изменениях в ряде областей общественных отношений, включая область литературы и искусства, присутствовала всегда, но сейчас потребность превратилась в необходимость.

6 февраля 2007 года президент Apple Стив Джобс сделал заявление, в котором фактически призвал четыре крупнейшие компании, занимающиеся

распространением музыкальных записей — Universal, Sony BMG, Warner и EMI — отказаться, наконец, от DRM, от которого нет никакой пользы, но имеется огромное количество трудностей. «С чего бы вдруг музыкальные компании большой четверки могли согласиться позволить Apple и другим компаниям распространять их музыку без использования DRM для её защиты? — писал Стив Джобс, — Самый простой ответ — потому что от DRM нет, и может никогда не быть никакого толка в плане остановить музыкальное пиратство... В конце концов, технические затраты, необходимые для создания, эксплуатации и обновления своей DRM-системы ограничивают количество участников, продающих музыку, защищенную DRM. Если убрать соответствующие требования, возможен приток новых компаний, готовых вкладываться в новые системы продаж и проигрыватели. Музыкальные компании от этого только выиграют»⁶⁴. Спустя два года после призыва Джобса компания Apple заявила, что с основными звукозаписывающими компаниями достигнуты соответствующие соглашения и продажа музыкальных файлов на сайте iTunes.com будет проводиться без использования DRM⁶⁵. Строго говоря, заявление Джобса было направлено против DRM, а не против авторских прав как таковых, и снятие технической защиты никоим образом не означает ослабления юридических запретов на копирование музыкальных файлов, однако сам факт конфликта между интересами крупной коммерческой компании и мероприятиями по охране авторских прав, бесспорно, примечателен.

Нельзя не упомянуть и еще одну категорию людей, которым крайне невыгодны авторские права. Это креативные авторы, в основном любители, которые специализируются на всевозможных литературных пародиях, фотографических коллажах, на пародийных (в том числе с альтернативной озвучкой) фильмах, наконец, на музыкальных ремиксах. Этой категории авторов проще оставаться в подполье, даже не пытаясь получать ничего за свою работу, нежели пытаться легализовать свою деятельность, для чего потребовалось бы каким-то образом получить лицензии от правообладателей всех исходных произведений. Между тем, и фильмы с альтернативной озвучкой, и ремиксы современной музыки достаточно популярны для того, чтобы их нельзя было игнорировать. Более того, пародистами и авторами ремиксов отнюдь не исчерпывается список творческих людей, которым заведомо невыгоден ко-

⁶⁴Jobs, S. Thoughts on Music. February 6, 2007. <http://www.apple.com/hotnews/thoughtsonmusic/>

⁶⁵Cohen, P. iTunes Store goes DRM-free. Jan 6, 2009. <http://www.macworld.com/article/137946/2009/01/itunesstore.html>

пират. Как уже говорилось ранее, копирайт противоречит также интересам большинства авторов-любителей, никак не связанных с пародиями и прочими «вторичными» работами: традиционная бизнес-модель издателей ничего не даёт таким авторам, поскольку они не могут преодолеть барьер вхождения, но при этом путём рекламной раскрутки книг популярных авторов крадёт у любителей аудиторию.

Законодательство о торговых марках в его современном виде противоречит не только интересам покупателей, которые оказываются обмануты в результате франчайзинга; независимые мелкие и средние поставщики товаров услуг, не имея возможности поддерживать собственные бренды, оказываются в неравных условиях с крупными корпорациями. Иначе говоря, бренды как явление оказываются невыгодны мелкому и среднему бизнесу, который составляет значительную часть экономики. То же самое, как отмечалось выше, можно сказать и о патентных правах: если крупные корпорации могут себе позволить скупать патенты и содержать штат юристов для обслуживания патентов, то у мелкого и среднего бизнеса не только нет такой возможности, но и, больше того, расходы на патентование собственных разработок часто оказываются заметны на фоне не слишком высоких оборотов.

Итак, противников интеллектуальной собственности хватает и среди авторов, и среди людей, обладающих финансовыми ресурсами. Всё это позволяет ожидать позитивных сдвигов в направлении ликвидации института интеллектуальной собственности, который стал слишком явно противоречить интересам общества. Поскольку прогресс не стоит на месте, социальные противоречия, порождаемые устаревшими законами в области интеллектуальной собственности, будут только обостряться; следует, по-видимому, прекратить изначально бесполезные попытки сохранения института интеллектуальной собственности и предпринять (в том числе и на международном уровне) определённые меры к обеспечению наименее болезненного (скорее всего, поэтапного) процесса её отмены.

Такие философы, как К. Маркс, М. Вебер, Г. Маркузе⁶⁶ и, наконец, Ю. Хабермас, неоднократно в своих работах подчёркивали определяющую роль развития науки и техники в жизни общества и формировании общественных отношений. Так, Хабермас в статье «Техника и наука как “идеология”», опубликованной в 1968 году, писал: «Порог между традиционным

⁶⁶См., напр.,: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // М. Вебер. Избранные произведения: М.: Прогресс, 1990. С. 344–414; Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994.

и вступающим в процесс модернизации обществом характерен не тем, что под давлением относительно развитых производительных сил вызываются структурные изменения институциональных рамок, — это процесс изначально присущ истории развития рода. Новым здесь является, скорее, уровень производительных сил, который делает перманентным расширение подсистемы целерационального действия и потому ставит под сомнение высококультурную форму легитимации господства, основанную на космологической интерпретации мира. Мифологические, религиозные и метафизические картины мира подчинены логике взаимосвязей интеракции. Они дают ответ на главный для человечества вопрос: как соотносится социальная и индивидуальная жизнь. Они включают осмысление справедливости и свободы, насилия и угнетения, счастья и удовлетворения, нищеты и смерти. Их категориями являются “победа и поражение”, “любовь и ненависть”, “спасение и проклятие”»⁶⁷.

Становление информационного общества смещает акценты от материального производства, объёмы которого лимитированы ограниченностью природных ресурсов, к производству нематериальному, к развитию информационных услуг. Институт интеллектуальной собственности в его существующей форме подходит к информационным объектам как к объектам материальным, навязывая новой (информационной) форме социума традиционные парадигмы материальных производственных отношений; но чем дальше заходит формирование новой общественной формации, тем более скромную роль в этой формации играет традиционное материальное производство и тем заметнее оказывается несоответствие между традиционным интеллектуально-собственническим подходом и имеющейся реальностью. Интеллектуальная собственность, вообще говоря, исходно основана на полностью искусственном допущении, что к нематериальным объектам можно и должно применять правила, возникшие для объектов материальных; её возникновение можно рассматривать как результат диктата материального производства в сфере общественных отношений. Следует ожидать, что в информационном обществе такой диктат окажется невозможным; как следствие, неизбежен (и уже происходит) *пересмотр* отношения к нематериальным активам человечества, сопровождающийся отменой института имущественной интеллектуальной собственности.

⁶⁷ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеологии». // Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М.: Праксис, 2007, с. 50–116

Глава 3

Личная информационная неприкосновенность

3.1. Проблема коммерческого информационного насилия

Как уже отмечалось, в рамках введённой понятийной базы оказывается информационным насилием большая часть существующей рекламы, а именно, любая реклама, на получение которой реципиент не дал своего явного добровольного информированного согласия. Под определение информационного насилия заведомо попадает любая наружная реклама (включая наружные витрины и вывески магазинов), реклама в общественном транспорте, а также, безусловно, пресловутый спам и все виды рекламы, сколько-нибудь его напоминающие, такие как рассылка рекламных материалов обычной почтой, рассылка факсов, телефонные звонки рекламного характера и тому подобное. Однозначным насилием оказываются всевозможные варианты присоединения рекламы к тем или иным нерекламным услугам, как, например, реклама на обратной стороне счетов за коммунальные услуги или на упаковках товаров.

Несомненно, незаконными должны быть признаны и любые виды скрытой рекламы, в частности, любые проявления рекламной методики, известной под англоязычным названием *product placement*, когда изображение рекламируемых товаров или товарных знаков исподволь вплетается, например, в видеоряд очередного фильма, совершенно при этом не противореча сюжету, а иногда и становясь его частью. Так, если герой фильма ездит на автомобиле, то это может весьма неслучайно оказаться автомобиль определённой марки; если герой разговаривает по мобильному телефону, то в фильме можно показать крупным планом лицо героя во время разговора, причём так, что значительную часть экрана займёт телефон. Больше того, герои фильма могут и в разговоре между собой обсуждать тот или иной бренд. Основной особенностью этого вида рекламы является его *неявность*; иначе говоря, зритель а priori не знает, какая часть сюжета фильма составляет рекламную нагрузку.

Ясно, что в таких условиях не может быть никакой речи об *информированном* согласии на получение информации, поскольку от получателя информации преднамеренно скрываются важные свойства передаваемой информации.

Насильственная сущность рекламы — идея далеко не новая; Жан Бодрийяр в книге «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» утверждает: «Критическая мысль оценивает и выбирает, она устанавливает различия и с помощью селекции заботится о смысле. Массы поступают иначе: они не выбирают, они производят не различия, а неразличённость, требующему критической оценки сообщению они предпочитают погружающий в гипноз медиум. Гипнотическое состояние свободно от смысла, и оно развивается по мере того, как смысл остывает. Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. Использование гипноза — это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического массированного насилия над смыслом, насилия, отрицающего коммуникацию, основанную на смысле...»¹

Можно, с другой стороны, привести примеры практически полностью ненасильственной рекламы. Так, существуют рекламные каталоги, высылаемые (как правило, бесплатно) только по запросу получателя. Если при этом получатель заранее осведомлён о характере содержания заказываемого каталога, то ни о каком насилии речи идти не может: получатель информации выразил своё согласие на участие в информационном обмене, заказав каталог, а передающая сторона выразила своё согласие, выслав его. Практически очевидно, что в таком виде реклама неизбежно утрачивает свою «гипнотическую» составляющую, о которой предупреждает Бодрийяр.

Интересно, что многие виды рекламы в их существующем варианте являются насильственными, но легко могут быть исправлены так, чтобы исключить насилие. Простейший пример такой рекламы — баннерная и всякая иная реклама на сайтах в сети Интернет: такая реклама перестаёт быть насильственной, если при входе на сайт пользователю в нейтральных выражениях будет сделано предложение воспользоваться информационными услугами, предоставляемыми сайтом, в обмен на просмотр рекламы. Технически

¹Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2000. , стр. 43

очень легко² сделать так, чтобы только пользователь, выразивший своё согласие нажатием на соответствующую кнопку или иным способом, видел рекламу; пользователю, не выразившему согласия на получение рекламы, можно ограничить или полностью перекрыть доступ к информационным услугам данного сайта. Сказанное, конечно, не относится к сайтам, услугами которых пользователь *вынужден* по тем или иным причинам пользоваться — например, к сайтам государственных и муниципальных органов, к сайтам, через которые производители осуществляют поддержку уже купленных пользователем товаров и услуг, и т. п., однако такие сайты и сейчас достаточно редко содержат рекламу; в большинстве случаев рекламой изобилуют сайты новостного и развлекательного характера, без использования которых любой пользователь может легко обойтись.

Совершенно аналогично можно устранить насильственную составляющую из рекламы в газетах и журналах. Для этого достаточно на обложке журнала поместить сформулированное, опять таки, в нейтральных выражениях предупреждение о наличии в журнале рекламы и о её количестве и сделать заявление, что покупатель журнала самим фактом покупки выражает своё согласие с этим, тогда как читатель, не являющийся покупателем (например, взявший журнал у кого-то, кто его уже прочитал), выражает своё согласие на получение этой рекламы фактом открывания журнала для его прочтения. В случае газеты получение согласия читателя технически несколько сложнее и потребует упаковки газеты в запечатанный конверт, текст на котором предупредит читателя, что фактом вскрытия конверта он подтверждает своё согласие с наличием в газете рекламы, а также берёт на себя обязательство либо не передавать экземпляры газеты третьим лицам, либо при такой передаче заручаться в явном виде их согласием на получение рекламы.

Более сложным оказывается случай с телевидением и радио, точнее говоря, с их эфирными широкоэмитательными вариантами. Ясно, что для кабельных каналов проблема не стоит вообще, поскольку соответствующие условия можно прописать в договоре, который получатель подписывает при подключении к системе вещания. В случае открытого эфирного вещания такой договор отсутствует, но проблема разрешима и в этой ситуации. Например, можно было бы перед началом каждой передачи, а также непосредственно перед каждым рекламным блоком запускать информационное сообщение,

²Для этого необходимо либо применить так называемые web cookies, которые в любом случае применяются очень часто, либо закодировать идентификатор сеанса в адресах просматриваемых страниц; оба способа не представляют никаких сложностей с технической точки зрения.

доводящее до сведения телезрителя наличие на данном телеканале рекламной нагрузки и её характеристики, например, количество и длительность рекламных блоков. Если завершить такое сообщение сакраментальной фразой «продолжая просмотр данного канала, вы подтверждаете своё согласие на получение рекламной информации», всё окажется почти чисто. Отсекаются даже претензии зрителей, заявляющих, что они были вынуждены продолжать просмотр, поскольку их увлекло содержание конкретной передачи: действительно, перед началом передачи информация о рекламной нагрузке была доведена до их сведения. Также отсекаются и претензии зрителей, случайно наткнувшихся на данный канал в середине передачи — для этого информация дублируется непосредственно перед рекламным блоком. Остаются лишь зрители, случайно наткнувшиеся на канал как раз во время рекламного блока, однако, скорее всего, серьёзных претензий эта оставшаяся лазейка не вызовет.

Таким образом, под однозначный запрет подпадает далеко не вся реклама и даже не её бóльшая часть, однако многие виды рекламы требуют изменения подхода к их подаче. И здесь кроется весьма нетривиальный «подводный камень»: повсеместное внедрение запрашивания явного согласия ресициента на получение рекламы способно существенно изменить отношение к рекламе в массовом сознании. Сейчас реклама часто вызывает раздражение, не подкреплённое при этом сознанием законности такого недовольства; если же у потребителя начать постоянно спрашивать разрешения в том или ином виде, недовольство потребителя рекламой само по себе никуда не денется, но будет ещё и поддержано осознанием ценности личной информационной неприкосновенности. Всё это потенциально может привести к резкому оттоку потребителей из отраслей, финансируемых за счёт рекламы; равно можно ожидать и снижения эффективности рекламы за счёт падения доверия потребителей к её содержанию.

Итак, при реализации в обществе принципов информационной свободы следует, видимо, подготовиться к полному отказу от рекламы во всех её проявлениях, поскольку даже те виды рекламы, которые можно сделать ненавязчивыми, могут при этом стать непригодны к использованию. Безусловно, устранение рекламы из современных общественных отношений является собой проблему, решение которой весьма нетривиально. Реклама органично встроилась в экономику, как наркотик встраивается в обмен веществ, видоизменяя сей последний и не позволяя исключить себя из оногo. За счёт рекламы существуют телевидение и радиовещание, реклама помогает выжить

многим газетам и журналам, многие некоммерческие общественно-полезные начинания живут на деньги спонсоров, единственным интересом которых при спонсировании является всё та же реклама. Имеется тенденция финансировать с помощью рекламы всё, для чего сходу не нашлось других источников или даже таковые есть, но требуют для их освоения больших усилий. Московское метро буквально испещрено рекламными плакатами, взгляд натывается на рекламу, бродя по интерьеру вагонов, по стенам станций, даже иногда по потолку. При этом руководство метрополитена гордо заявляет, что реклама позволяет им удерживать более низкую стоимость проезда.

Полезность и тем более необходимость рекламы как источника финансирования той или иной деятельности нуждается в более внимательном осмыслении. Как известно, даром ничего не бывает. Финансируя тот же телеканал, рекламодатели выкладывают астрономические суммы, которые, как несложно догадаться, берутся отнюдь не из воздуха. Себестоимость рекламируемого товара или услуги при этом неизбежно возрастает. Однако для фирмы это увеличение себестоимости компенсируется возможностью без ущерба для бизнеса устанавливать большие, нежели у конкурентов, цены благодаря известности (раскрученности) своей торговой марки. Покупатели предпочитают известные марки из-за ощущения надёжности старых и известных фирм. Ощущение это, заметим, отнюдь не всегда отражает действительность, поскольку в современном мире наиболее известными являются не те торговые марки, под которыми поставляется действительно качественный товар, а те, владельцы которых тратят больше денег на рекламу. Таким образом, в конечном счете деньги за просмотр «бесплатного» телевидения со зрителя все-таки возьмут, пусть и в косвенной форме — в виде добавки к стоимости рекламируемых товаров. Причем весьма похоже, что деньги, которые в итоге утекают таким образом из карманов населения, существенно превышают стоимость содержания телеканалов из-за неизбежных потерь во всех звеньях цепочки «покупатель — производитель — рекламное агентство — телеканал».

Производитель вынужден тратить деньги на рекламу не только с целью увеличения объёма продаж, но и для того, чтобы просто *сохранить* свою долю рынка. Вместо того, чтобы соревноваться в качестве и ценах, конкуренты начинают соревнование в эффективности рекламных кампаний. Деньги, которые могли бы пойти на развитие новых технологий, улучшение потребительских качеств товара и снижение его стоимости, уходят на оплату рекламных агентов, на изготовление рекламных материалов и на их разме-

щение. Такой отток денег, достигающий в наше время немислимых цифр, вряд ли сказывается положительно на том, что, в конечном счете, требуется обществу — на качестве товара или услуги. Не слишком выгоден он и производителю, ведь деньги, в конечном счёте, тратятся впустую. Эта ситуация напоминает гонку вооружений, когда стороны тратят огромные суммы на бесполезное оружие, которое все равно не даст решающего перевеса ни одной из сторон, но прекратить гонку в одностороннем порядке ни один из противников не может.

Между тем, масштабы денег (и вообще ресурсов, в широком смысле слова), впустую затрачиваемых на рекламу, считают чрезмерным даже некоторые профессиональные рекламисты. Так, А. П. Репьев в книге «Мудрый рекламодатель»³ пишет: «мир радостно тратит на рекламу около 1,2 триллиона долларов. Рекламная индустрия в мире по оборотам стоит на 3-5 месте, уступая таким отраслям, как автомобильная и авиационная. По разным подсчетам до 90% этой огромной суммы вылетает в трубу.» Отметим, что сам Репьев — один из старейших российских специалистов в области рекламы; естественно, он не утверждает бесполезности или тем более вредности рекламы как явления, он лишь указывает, что реклама в её современном состоянии оказывается на 90% бесполезна, и в этом ему, по-видимому, есть основания доверять.

Приведём ещё одну цитату из Репьева: «Представим себе на секунду мир, в котором покупатели мгновенно узнают о новых продуктах, их достоинствах и отличиях от товаров конкурентов, эти продукты быстро раскупаются — все “пляшут и поют”. Как нетрудно догадаться, в этом мире места для рекламы нет, она просто не нужна»⁴. Действительно, в качестве ещё одного аргумента в пользу рекламы можно привести её чисто информативную (содержательную) часть, которая всё-таки существует. Например, потенциальный покупатель может просто не знать о существовании товара, который соответствует его потребностям, и не предпринимать никаких попыток узнать, поскольку не знает, что именно следует искать. Однако эта проблема решается изданием информационных бюллетеней, каталогов, справочников и т. п., которые придётся издавать в любом случае, чтобы облегчить поиск нужного товара. Такие справочники могут распространяться бесплатно, но ни в коем случае

³Репьев А. П. Мудрый рекламодатель. М.: Эксмо, 2008. 368 с.

⁴Репьев А. П. Сумасшедшие захватили власть в сумасшедшем доме. <http://www.repiev.ru/articles/cannes.htm>

не принудительно, а только по сделанному в явной форме запросу. Возможны различные варианты справочников, от чисто информационных, содержащих тщательно классифицированную по рубрикам документально подтверждённую информацию о предлагаемой услуге, её потребительских качествах, уровне цен и контактных координатах (без каких-либо выделений, картинок и прочих завлекательных маневров) — и до иллюстрированных рекламных каталогов, в которых рекламная составляющая превышает чисто информационную, о чем, безусловно, лицо, заказывающее справочник, должно быть заранее оповещено. Как уже отмечалось, в этом случае информационное насилие не имеет места, поскольку имеется явно выраженное согласие обеих сторон на участие в информационном обмене. Нынешний уровень развития информационных технологий существенно облегчает создание любых информационных систем, в особенности таких, основной функцией которых является поиск нужной пользователю информации; более того, такие системы уже существуют и активно используются. К примеру, компания «Яндекс» несколько лет назад запустила в Сети бесплатный сервис, представляющий собой экспертную систему по подбору товара, отвечающего потребностям пользователя. Система задаёт пользователю вопросы, как это сделал бы квалифицированный консультант в магазине, и подбирает оптимальные модели той или иной техники, будь то фотоаппарат или автомобиль, позволяет сравнить их технические характеристики (причём по каждой такой характеристике доступно подробное описание, что это такое и на что влияет), указывает магазины, предлагающие соответствующую модель, и цены, установленные в этих магазинах. Ясно, что подбор товара с помощью такой системы существенно лучше отвечает информационным потребностям пользователя, нежели реклама в её привычном (навязываемом) виде.

Запрет на рекламу и замена ее изданием справочников и организацией справочных служб имеет существенное число плюсов. Нужная информация становится доступнее; ресурсы (финансовые и другие) перестают расходоваться впустую и идут на более полезные вещи; наконец, и это самое главное, устраняется факт информационного насилия вместе с негативными воздействиями рекламы на психику. Остаётся, однако, вопрос о замене рекламы как источника финансирования телевидения и радио. Ответов на этот вопрос может быть много. Во-первых, нет совершенно ничего странного, если официальные правительственные каналы будет финансировать государство, хотя бы для того, чтобы иметь средства для широкого сообщения официальных

новостей. Следует понимать, что финансирование ещё не означает полного контроля, ведь государственные деньги — это деньги налогоплательщиков. В настоящее время в России имеется минимум один телеканал, обходящийся без рекламы — это канал «Культура», финансируемый государством с целью повышения культурного уровня населения, так что соответствующая возможность, очевидно, существует. Попутно следует отметить, что традиционная рекламная схема финансирования телевидения представляет собой тоже своего рода налог, отягощённый потерями в цепочке, давлением на психику зрителей и не имеющий ничего общего с потенциально справедливой системой перераспределения средств, которую в идеале должны представлять собой государственные налоги. Возможно, стоит передать налоговую функцию наиболее приспособленному для ее выполнения участнику общественных отношений — государству.

Во-вторых, не следует недооценивать кабельные и шифрованные каналы телевидения, за приём которых зрители платят деньги. Эти деньги будут весьма незначительны на фоне общего снижения цен за счет ликвидации расходов на рекламу, а с развитием инфраструктуры цифровых сетей связи кабельное цифровое телевидение неизбежно вытеснит открытое эфирное телевидение, существующее сейчас. Наконец, финансировать различные частные каналы, авторские проекты и т. п. могут учрежденные государством или кем-то еще фонды по той же схеме, которая сейчас успешно используется для распределения грантов в фундаментальной науке. Таким образом, перестраивать и переосмысливать придется многое, но никакой катастрофы не случится; судя по всему, потребность общества в рекламе сильно преувеличена.

3.2. Информационное насилие в политике и общественной жизни

Политическая система большинства современных развитых стран основывается на декларируемых принципах демократии, каковые при ближайшем рассмотрении можно свести к единственному тезису: граждане вправе высказывать недовольство правительством. Реализуется этот принцип, во-первых, через формирование выборных органов власти и, во-вторых, разрешением проведения массовых мероприятий, направленных на «убедительное» высказывание политических и иных точек зрения. Сама по себе возможность высказаться, несомненно, крайне важна; Карл Поппер, в частности, отмечал

необходимость публичных дискуссий и их влияния на общественную жизнь и политику. Однако обязательно ли такие дискуссии должны быть связаны с информационным (и не только) насилием, как это происходит сейчас?

Как уже отмечалось, «свобода» проведения всевозможных пикетов, митингов и демонстраций (так называемая свобода митингов и шествий) в действительности представляет собой право недовольных, если только таковых набралось некоторое заметное количество, подвергать других лиц информационному насилию, а иногда и не только информационному. Легко заметить, что избирательные кампании, направленные на борьбу за голоса на выборах, также связаны с массированным информационным насилием; совсем недавно в США разразился скандал, связанный с проведением массовых рассылок по электронной почте (то есть, попросту, спама) в ходе выборов губернатора одного из штатов. Интересно, что согласно закону США, известному как CAN-SPAM, рассылка электронных писем законным избирателям в явном виде разрешена; однако специалисты компаний, связанных с информационной безопасностью, отмечают, что рассылки проводятся традиционными для спаммеров, то есть безадресными методами. Грему Клули из компании Sophos приписывают фразу «Наша спам-ловушка не является законным избирателем США, почему в таком случае она получила это письмо?»⁵. Инциденты, связанные со спамом и выборами, происходили и в России, причём здесь спаммерам, судя по всему, хватило интеллекта на более «тонкий» расчёт: в ходе одной из предвыборных кампаний пользователи электронной почты получили множество писем, призывающих голосовать за СПС и «Яблоко», но, согласно заявлениям официальных лиц этих партий, сами они ничего не рассылали, и, более того, рассылка была предпринята их политическими противниками с целью нанесения ущерба их репутации.

Информационное насилие, связанное с политической активностью, затрагивает граждан не только в период проведения избирательных кампаний или демонстрации недовольства отдельных групп населения. Политическую и социальную рекламу, направленную на формирование «правильного» (то есть, называя вещи своими именами, *выгодного определённым кругам*) общественного мнения, можно встретить в любое время.

В первой главе уже отмечалось, что любая пропаганда вне зависимости от её целей представляет собой информационное насилие и в свободном инфор-

⁵US politicians turn to spam as an election booster. // The INQUIRER. Nov. 09, 2006. <http://www.theinquirer.net/inquirer/news/1038415/us-politicos-turn-to-spam-as-an-election-booster>

мационном обществе недопустима. Отметим, что с пропагандой дело обстоит даже несколько хуже, чем с коммерческой рекламой. В случае рекламы можно выделить ненасильственные случаи таковой и указать необходимые изменения, исключаящие информационное насилие при распространении некоторых видов рекламы — достаточно предложить получателю рекламы некую компенсацию (например, в виде информационных услуг, к которым и предлагается реклама) и заручиться его согласием на просмотр рекламы. Совершенно иначе обстоят дела с пропагандой. Попытка спросить у целевой аудитории *разрешения на пропаганду* вряд ли возымеет успех, поскольку люди в большинстве случаев не любят менять свои убеждения. Если, спрашивая разрешения на пропаганду, не указать направление, в котором будет производиться соответствующая агитация, то вряд ли кто-нибудь вообще даст на неё согласие. Если же направление указать (например, заявить что-то вроде «мы хотели бы агитировать вас на тему важности экологических проблем»), то многие, возможно, даже согласятся, но среди них не будет никого из тех, кто в действительности является целью соответствующей пропаганды; например, на собрание экологов придут лишь те, кто *уже и так* считают экологические проблемы важными. Иначе говоря, проведение пропаганды *с явного информированного разрешения* всех лиц, оказывающихся получателями пропагандистской информации, не имеет смысла, поскольку такая пропаганда не способна достичь основной цели всякой пропаганды, а именно — получения новых сторонников заданной точки зрения. Следовательно, пропаганда может существовать только в виде передачи информации *без разрешения*, то есть, согласно данным ранее определениям, любая пропаганда, потенциально способная к достижению своих целей, заведомо является информационным насилием и, как следствие, недопустима в свободном информационном обществе.

Любопытно будет отметить, что даже сами пропагандисты признают антилиберальный характер этого явления. Одним из основоположников современной пропаганды считают Эдварда Бернейса; его масштабные кампании по формированию общественного мнения в США, относящиеся к первой половине XX века, изучаются в качестве хрестоматийных примеров. Основы своих методов Бернейс описал в своей книге «Propaganda», вышедшей в США в 1928 году; в 2010 г. книга вышла на русском языке⁶.

⁶Бернейс Э. Пропаганда. М.: Гиппо, 2010. 176 с.

А. Белоусов посвятил этой книге свою статью «От пропаганды до связей с общественностью», где, в частности, пишет: «больше всего критики досталось Бернейсу отнюдь не в связи с методами, но из-за специфического взгляда на отношения пропагандистов, их заказчиков и масс — своего рода этику пропаганды в открывающейся новой эпохе. Эту этику с рядом оговорок можно смело называть макиавеллианской, ее-то как раз и припоминали Бернейсу всю его длинную жизнь... В двух словах она сводится к весьма распространенному обывательскому представлению, будто власть имущие держат население за стадо и управляют им по своему усмотрению... Общий смысл его рассуждений примерно таков: массовый индивид — это вам не “человек разумный”, возведенный в идеал Возрождением и Просвещением; мы имеем дело с объектом совершенно иного типа, с совершенно иными характеристиками — не разумом, свободой и волей, а импульсами, привычками, эмоциями и заместителями желаний. Поэтому в отношении этого объекта должны использоваться новые принципы и методы управления, отличные от принятых в классическом либерализме.»⁷ Совершенно очевидно, что до тех пор, пока существует пропаганда, о свободном информационном обществе говорить не приходится.

Итак, обществу предстоит отказаться от пропаганды как явления. Следует сразу же отметить очевидный положительный (хотя и частный) эффект от такого отказа: пропаганда маргинальных точек зрения также попадет под этот запрет. Сейчас представители маргинальных группировок часто считают себя поражёнными в правах на основании своих убеждений, поскольку им не позволяют пропагандировать свои точки зрения, тогда как другие точки зрения активно пропагандируются. Это поражение в правах само по себе используется в качестве аргумента при вербовке новых сторонников; в случае всеобщего запрета любой пропаганды у маргиналов уже не будет такого довода.

С другой стороны, при пропаганде «положительных» точек зрения возникают определённые проблемы, и прежде всего — проблема критериев «положительности». Хрестоматийными примерами из истории представляются сейчас «сухие законы», прежде всего — в США 1930х годов и СССР 1980х, причём если в США алкоголь реально выводился из гражданского оборота, то «кампанию за трезвость» времён М. С. Горбачёва следует считать явлени-

⁷Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернейса «Пропаганда» (1928) // Свободная мысль, № 8, 2010

ем, прежде всего, пропагандистским. В обоих случаях негативные эффекты введения «сухих законов» с неизбежностью приводили к их отмене.

Есть и ещё один важный момент, который следует принять во внимание при обсуждении пропаганды. В современном обществе она вполне может не давать вовсе никаких результатов. Информационные потоки, с которыми сталкивается нынешний житель крупного города, на много порядков (то есть в тысячи и даже десятки тысяч раз) превосходят по своей интенсивности информацию из внешнего мира, которую получал средневековый крестьянин, и интенсивность этих потоков продолжает расти. В таких условиях индивид вынужден учиться отфильтровывать ту информацию, которая ему не нужна; если же информация подана так, что её невозможно игнорировать, она может вызвать раздражение и реакцию, противоположную ожидаемой. Жан Бодрийяр вообще отрицает саму возможность какого-либо эффекта от призывов, обращённых к массе: «безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика... Коллективная изворотливость в нежелании разделять те высокие идеалы, к воплощению которых их призывают, — это лежит на поверхности, и, тем не менее, именно это и только это делает массы массами.»⁸

В то же время расходы на социальную рекламу, как и на любую другую, отнюдь не равны нулю. При ближайшем рассмотрении практически любая социальная рекламная кампания оказывается результатом того, что где-то когда-то были выделены государственные деньги на борьбу с тем или иным «злом», причём в качестве такого зла может выступать наркомания, СПИД, высокая смертность на дорогах, одинокая старость и т. д. В большинстве случаев совершенно не очевидно, как с соответствующим злом можно бороться с помощью денег, но «освоить» выделенные средства тем или иным способом необходимо, чтобы за них отчитаться, и тут на помощь приходит очевидное решение: провести рекламную кампанию. Даже если не принимать во внимание факторы коррупции, подобная реклама финансируется за счёт бюджетных средств, то есть за деньги налогоплательщиков, что означает, что люди вынуждены оплачивать мероприятия по информационному насилию над ними самими.

Если пропаганда представляет собой средство влияния государства на граждан, то свобода митингов и шествий, напротив, являет собой инстру-

⁸Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2000. , стр. 20

мент влияния граждан на государство. С одной стороны, проведение политических демонстраций, митингов и пикетов нередко вызывает жалобы со стороны гражданского населения, чьё место проживания или работы находится вблизи от мест проведения соответствующих акций, а также тех, кто случайно наткнулся на проходящую демонстрацию на своём пути; забастовки и иные политические акции зачастую наносят существенный экономический ущерб, причём не только государству и муниципальным органам, но и частным организациям, а также гражданскому населению. С другой стороны, право граждан высказать своё мнение государственным чиновникам, причём не просто высказать, а быть услышанными — это не просто абстрактная «ценность демократического общества», здесь всё гораздо серьёзнее. Пожалуй, реалии современного общества таковы, что, не будь у граждан такой возможности, их недовольство существующим порядком вещей найдёт другую форму выхода, чреватую масштабными политическими потрясениями вплоть до смены власти. Именно поэтому, когда дело касается выражения недовольства народа властью, простая свобода слова оказывается недостаточной — необходимо дополнительное право быть услышанными. Важно отметить, что право быть услышанными властью само по себе не является правом информационного насилия: следует считать, что обязанность слышать граждан является составной частью обязанностей государственных чиновников, так что согласие выступать принимающей стороной в этом информационном обмене чиновники дают самим фактом вступления в соответствующую должность — точно так же, как и согласие на исполнение остальных своих должностных обязанностей.

Проблему публичных манифестаций можно рассмотреть и шире, а именно — как вопрос о границах допустимого в общественных местах. Легко заметить, что многие существующие ограничения на действия в общественных местах имеют сугубо информационную природу; так, запрет на появление в общественных местах в непристойном виде, запрет на публичный забой животных (в том числе сельскохозяйственных) или, например, действующий в некоторых странах запрет курения в общественных местах (в том числе и «под открытым небом») можно объяснить только нежелательностью сугубо информационного воздействия на окружающих, поскольку никакого иного воздействия, вообще говоря, не происходит. Развивая эту мысль, можно заметить, что внешний вид одного индивида, даже если таковой никоим образом не выходит за рамки традиционно допустимого, может оказаться нежела-

тельной информацией для другого индивида в силу его личных особенностей (например, оскорбить его субъективные эстетические чувства или пробудить в памяти болезненные ассоциации, связанные с личными воспоминаниями); в контексте рассматриваемых определений можно отметить, что общественные места практически неизбежно оказываются средоточием неизбежных проявлений информационного насилия. Исключить этот род насилия можно, по видимому, лишь если полностью отказаться от общественных мест, как это предлагал, например, Карл Поппер: «открытое общество постепенно может стать тем, что я хочу назвать абстрактным обществом. Оно может в значительной степени потерять характер конкретной или реальной группы людей или системы таких реальных групп. Свойства абстрактного общества можно объяснить при помощи одной гиперболы. Мы можем вообразить общество, в котором люди практически никогда не встречаются лицом к лицу. В таком обществе все дела совершаются индивидуумами в полной изоляции, и эти индивидуумы связываются друг с другом при помощи писем или телеграмм и разъезжают в закрытых автомобилях. (Искусственное осеменение позволило бы даже размножаться без личных контактов.) Такое выдуманное общество можно назвать полностью абстрактным или безличным обществом.»⁹ Как отмечает сам Поппер, реального возникновения такого общества можно не ожидать, поскольку нарисованная картина во многих отношениях «сильно преувеличена». Тем не менее, проблема информационного насилия в общественных местах существует, и невозможность полностью исключить насилие такого рода не означает, что его не следует хотя бы минимизировать, насколько это возможно.

Можно заметить, что выражение общественного недовольства принимает именно формы публичных манифестаций в силу очевидных исторических причин: ещё всего лишь пару столетий назад это был единственный способ, гарантирующий, что мнение масс будет услышано. Народные волнения можно было жесточайшим образом подавлять, но *игнорировать* их правящей верхушке было невозможно. Оформившись в те времена, когда знание азбуки было редкостью, а единственным «средством массовой информации» были глашатаи, манифестации так и сохранились до наших дней, не претерпев существенных изменений. Между тем, технологии передачи информации за это время не просто претерпели качественные изменения, они развились

⁹Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с, стр. 219

до неузнаваемости. Донесение народного недовольства до власть имущих по сути представляет собой сугубо информационное мероприятие, и следует ожидать, что способы такого донесения существенно изменятся с развитием информационных технологий. Более того, уже сейчас достаточно активно эксплуатируются всевозможные открытые письма к представителям власти, петиции и сборы подписей, проводящиеся через Интернет. Мониторинг блог-сферы давно стал одним из основных способов изучения общественного мнения¹⁰.

С другой стороны, свобода манифестаций никогда не была неограниченной, поскольку при отсутствии ограничений манифестация, несмотря на свою исходно информационную сущность, может, будучи явлением вполне физическим, привести к ощутимым негативным последствиям, никак не связанным с отстаиваемой точкой зрения. В связи с этим в большинстве стран, законы которых гарантируют свободу митингов и шествий, означенная свобода касается высказываемых точек зрения, но не выбора места и времени.

Более того, в Соединённых Штатах Америки во время правления президента Джорджа Буша-младшего появилась практика создания на время президентских визитов так называемых «зон свободы слова», куда полиция и спецслужбы препроваживали участников манифестаций¹¹. При этом власти ссылались на то, что Первая поправка закрепляет свободу выбирать содержание высказываний, но не их время и место; однако критики отмечают, что в «зоны свободы слова» во время визитов Буша препроваживали только тех участников манифестаций, которые демонстрировали плакаты и лозунги, критикующие Буша; всем прочим позволялось оставаться, например, вдоль улиц, по которым должен был проследовать президентский кортеж. В таком виде оказывается довольно очевидно, что дискриминация проводилась по точке зрения, то есть свобода слова была очевидным образом нарушена, что вызвало волну вполне справедливого возмущения. Тем не менее, если бы в «зону свободы слова» загнали не только оппозиционеров, но *всех*, кто пришел встречать президента с плакатами, вне зависимости от конкретного содержания плакатов, то у критиков было бы гораздо меньше аргументов против такой практики. С рассматриваемым в настоящей работе принципом информационной свободы это вполне согласуется: действительно, для пере-

¹⁰См., напр.: Реут О. Искусственное общественное мнение в белорусском сегменте блогосферы. // Полярная звезда, 13.06.2011. http://www.zvezda.ru/prn_981.htm.

¹¹Bovard, J. Quarantining dissent. How the Secret Service protects Bush from free speech. // SFGate, January 4, 2004. <http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=/c/a/2004/01/04/INGPQ40MB81.DTL>

дачи информации недостаточно желания её передавать, необходимо ещё и согласие получателя на её приём. Иной вопрос, что руководителям государства следует, очевидно, учитывать мнение граждан и обращать на него внимание, если они претендуют на демократичность своей формы правления, но это вряд ли следует истолковывать как обязанность конкретного лица (в данном случае президента) воспринимать любые излияния от всех желающих, и вдобавок в любое (а не только в подходящее для этого) время.

Попытаемся указать такую альтернативную форму донесения мнения граждан до представителей власти, при которой исключается информационное насилие над теми, кто не заинтересован в происходящем, а сами власть предержащие сохраняют право распоряжаться своим временем, постольку поскольку это не противоречит их обязанностям. Уличные митинги и пикеты, очевидно, следует исключить, поскольку информационное насилие при их проведении очевидно. Однако определяющим тут является не собрание граждан как таковое, но исключительно место его проведения. Если мероприятие проводить за закрытыми дверями соответствующего помещения (в зависимости от масштаба это может быть актовый зал какого-нибудь учебного заведения, дворец культуры, а при необходимости — и стадион), при желании пригласить на мероприятие журналистов, заслушать выступления докладчиков, как это обычно делается на митингах. Такой формат мероприятия никого не подвергнет насилию, не создаст неудобств для незаинтересованных лиц. Возражения по поводу расходов на аренду соответствующих помещений не учитывают того обстоятельства, что на обеспечение безопасности и правопорядка при проведении массовых политических акций деньги тратятся также весьма существенные, так что вполне можно предложить общественным организациям проводить свои открытые митинги в помещениях, предоставленных государством и муниципалитетами: расходы будут сравнимыми и даже, возможно, окажутся ниже.

Другое возражение против такой альтернативы состоит в том, что те, на кого мероприятие в итоге нацелено — государственные чиновники и представители власти — могут попросту «не заметить» факт проведения мероприятия; действительно, игнорировать уличные манифестации сложнее, но только за счёт их угрозы нормальному функционированию города. Перемещение манифестаций с улиц города в специально отведённые места представляется достаточно выгодным для того, чтобы взамен государство предоставило манифестантам адекватные альтернативные средства доведения их точки зрения

до представителей власти; например, можно закрепить *обязанность* чиновников всех уровней встречаться с представителями граждан, делегированных в ходе массовых собраний. Так или иначе, альтернативы информационному насилию могут быть найдены, притом эти альтернативы могут оказаться существенно эффективнее как в качестве средства выражения точки зрения групп граждан, так и для доведения этой точки зрения до властей.

Следует отметить, что всё вышесказанное может быть применено лишь в ситуации более-менее благополучного социума. В частности, людей, доведённых действиями власти до отчаяния, никакие законы и запреты в любом случае не остановят. Более того, в условиях, когда проведение мирной манифестации невозможно, недовольство народа может принять такие формы, при которых окажется неизбежным массовое насилие в его традиционной (не информационной) форме — погромы, уличные столкновения, наконец, — гражданская война. Уместно напомнить, однако, что речь в настоящей работе идёт о *свободном* обществе. В несвободном обществе вопрос об информационной свободе ставить преждевременно — и, как следствие, преждевременно обсуждать личную информационную неприкосновенность. Что же касается такого общества, которое может быть названо свободным, то было бы трудно представить себе, чтобы в таком обществе нашлось достаточное число индивидов, готовых к массовым акциям гражданского неповиновения — ведь такие акции в большинстве случаев представляют собой реакцию на насилие со стороны государства, но в свободном обществе это немыслимо.

С другой стороны, как уже отмечалось выше, до тех пор, пока общество не достигло стадии «абстрактного» по Попперу, некоторое количество информационного насилия в таком обществе остаётся неизбежно в силу самого факта существования общественных мест, и однозначного ответа о границах допустимого в общественных местах, по-видимому, не существует; необходимо, следовательно, говорить не о полном искоренении информационного насилия в общественных местах, но о его *минимизации* — во всяком случае, до тех пор, пока общественные места продолжают существовать (а они, скорее всего, не исчезнут никогда). В этой связи представляется возможным не *запрещать* проведение митингов и шествий, а разрабатывать и предлагать гражданам такие альтернативные формы выражения общественного недовольства, которые лучше удовлетворят потребности граждан, нежели традиционные манифестации. Идеальным результатом такой работы мог бы стать *добровольный* отказ граждан от уличных манифестаций в пользу предлагае-

мых альтернатив, тогда как проведение очередной манифестации следовало бы рассматривать как объективное свидетельство о недостаточной проработанности вопроса об альтернативах и о необходимости дальнейшего их совершенствования. Необходимо заметить, что дальнейшее развитие информационных технологий, несомненно, существенно расширит спектр возможностей в области создания альтернативных способов выражения общественного недовольства; возможно, со временем это позволит полностью исключить митинги и манифестации из общественной жизни, при этом не вводя прямого запрета.

Остаётся рассмотреть агитацию во время избирательных кампаний. Отметим сразу же, что современная избирательная кампания — дело весьма затратное, и это порождает существенное противоречие: в самом деле, о каких равных выборах может идти речь, когда политические партии вынуждены соревноваться в количестве денег, потраченных на предвыборную рекламу? В некоторых странах эту проблему просто игнорируют, в других партии финансируют свои избирательные кампании за счёт государственных средств, причём в некоторых случаях партиям даже запрещено принимать пожертвования от частных лиц и коммерческих компаний (но это всё равно происходит по тем или иным «схемам»).

Между тем, отказавшись от использования традиционной рекламы в предвыборных кампаниях, можно достичь сразу двух целей: во-первых, обеспечить политическим партиям **действительно равные** условия вне зависимости от финансовой поддержки со стороны корпораций, и, во-вторых, избавить публику от раздражения, вызываемого такой рекламой (в особенности рекламой партий, чья политическая программа индивиду не нравится). Всю информацию о партиях и индивидуальных кандидатах, участвующих в выборах, можно публиковать Сети, а также, возможно, в специальных справочниках, высылаемых избирателям по их запросу и/или бесплатно распространяемых на избирательных участках. Можно ожидать, что активная часть электората изучит соответствующие материалы, прежде чем проголосовать; что касается той части избирателей, которым самостоятельный сбор информации о кандидатах и партиях кажется делом слишком сложным или не стоящим усилий, то они в условиях отсутствия рекламы, скорее всего, голосовать просто не придут.

Очевидным возражением против такого варианта может быть снижение политической активности общества. Однако явка на избирательные участки и сейчас не слишком высока, и к тому многие избиратели принимают решение о том, кому отдать голос, не на основе информированного и сознательного выбора, а по принципу «чья реклама больше понравилась». С другой стороны, определённая прослойка людей, считающих участие в выборах для себя необходимым, до избирательных урн дойдёт в любом случае, и эти люди заведомо не поленятся заранее запросить справочник с информацией о кандидатах или участвующих в выборах партиях. Даже если количество таких избирателей невысоко, их остаётся всё ещё достаточно много, чтобы считать их репрезентативной выборкой электората. Не всё ли равно, в таком случае, примет участие в выборах двадцать процентов электората или два процента? Необходимо учесть ещё и то, что эти оставшиеся избиратели будут представлять собой прослойку, делающую выбор действительно осознанный, а не продиктованный эмоциями, вызванными рекламой. Очевидные плюсы запрета использования традиционной рекламы в избирательных кампаниях представляются существенно перевешивающими сомнительное удовольствие заявить, что-де явка на выборы была высокой, что делает их в каком-то непонятном смысле «более легитимными».

Итак, информационное насилие (в том числе, в форме пропаганды, уличных демонстраций и предвыборной агитации) вполне можно исключить из общественно-политической жизни современного государства и социума, причём не только без ущерба, но и с очевидными прогрессивными изменениями.

3.3. Информационная неприкосновенность как средство решения проблемы маргинальных религиозных образований

Проблема неадекватного поведения людей, попавших под воздействие маргинальных религиозных течений, насчитывает сотни лет истории. Во времена средневековой религиозной нетерпимости протест религиозного меньшинства против засилья «официальной» религии принимал формы религиозных войн, самоубийств, мученических казней, зачастую массовых. Переход к современной парадигме свободы совести несколько снизил накал религиозного противостояния, но одновременно элиминировал все риски для желающих создать новую религию. Ранее такой шаг мог привести к обвинению в ереси и смерти как для нового духовного лидера, так и для его последователей;

теперь, когда попытка создания новой религии не грозит ничем, кроме потери времени, желающих поэкспериментировать в области построения новых религий стало существенно больше, причём часто создатели новых религиозных организаций на самом деле не преследуют никаких иных целей, кроме личного обогащения и получения/укрепления личной власти.

Поведение человека, попавшего под воздействие религиозной секты, может резко измениться и (на посторонний взгляд) стать неадекватным. В качестве типичных проявлений такого поведения можно назвать разрыв отношений с семьёй и друзьями, прекращение учёбы в ВУЗе, уход с работы, ставящий крест на карьере, передачу всего своего имущества религиозной организации. В некоторых случаях под действием новообретённых убеждений люди совершают самоубийства, в том числе массовые; наконец, в наихудшем случае результатом смены убеждений может стать совершение преступлений, включая убийства и террористические акты.

В первой половине 1990-х годов в обиход вошел термин «тоталитарная секта», введение которого приписывают А. Дворкину. Само это понятие вызывает резкую критику; И. Кантеров в статье «“Деструктивные”, “тоталитарные” и далее везде», в частности, пишет: «Обращает на себя внимание абстрактность и неопределенность характерных признаков религиозных объединений тоталитарного типа. К тому же эти признаки не являются устойчивыми, присущими всем типам религиозных объединений, относимых к тоталитарным. В большинстве своем они носят оценочный характер и могут применяться избирательно. Чаще всего упоминаются такие признаки тоталитаризма, как жесткая авторитарная структура и обожествление лидера. Но ведь жесткие структуры имеются не только у объединений, причисляемых к тоталитарным, но и, например, в католицизме»¹². Кроме того, критики часто обращают внимание на то, что сам А. Дворкин является православным активистом, богословом, имеет неофициальное (не признанное государством) звание профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета¹³; прямое отношение к православию и РПЦ имеют и другие известные сторонники борьбы с «тоталитарными сектами», такие как А. Кураев, В. Чаплин, А. Новопашин¹⁴. Именно РПЦ издаёт наиболее известные книги, посвящён-

¹²Кантеров И. Я. Деструктивные, тоталитарные и далее везде // Религия и право, № 1, 2002. С. 27–29

¹³Биография А. Л. Дворкина на сайте Московской патриархии РПЦ. <http://www.patriarchia.ru/db/text/441422.html>

¹⁴См.:Канцельсон В. Дворкин и Кураев: шайка духовных проходимцев? // Иркутский региональный портал БАБР.RU, 16.02.2004. <http://news.babr.ru/?IDE=11612>; Секты и сектантство. Актуальная про-

ные «сектоведению» и борьбе с сектами¹⁵; основная книга Дворкина на эту тему, которая так и озаглавлена «Сектоведение. Тоталитарные секты»¹⁶, написана в качестве учебника для учебных заведений РПЦ и активно используется ими. Столь пристальный интерес к проблеме «тоталитарных сект» со стороны религии, претендующей (вопреки Конституции) на роль государственной в России, даёт критикам основание утверждать, что проблемы как таковой не существует, а слова представителей РПЦ об опасности тоталитарных сект на самом деле обусловлены нежеланием отдавать «конкурентам» часть целевой аудитории¹⁷.

Тем не менее, не подлежит сомнению тот факт, что вот уже несколько сот лет предприимчивые люди используют религиозный предлог в корыстных целях. Известны весьма успешные религиозные общины, сторонники которых отдают общине (а точнее, её лидерам) *всё своё имущество*, а затем остаток жизни продолжают исполнять всё, что прикажут им такие «духовные наставники»; но как отличить жертву психологической обработки от религиозного подвижника, принявшего решение о пожертвовании на основании самостоятельно выработанных личных убеждений? Кроме того, если взрослый дееспособный гражданин продаёт свою квартиру и отдаёт все деньги религиозной организации, полностью отказывается от общения со своим прежним окружением, уходит жить в предоставленное сектой жильё (как правило, с совершенно отвратительными условиями существования) — то будет крайне непросто убедить публику (а равно и представителей судебной власти) в том, что здесь можно указать *виновного*: ведь сам гражданин при этом категорически отрицает свою роль потерпевшего, заявляет, что всё это делает по собственной доброй воле. С психологической и психиатрической точки зрения ничего, кроме иррационального обожествления лидеров секты, ему вменить не удастся, но это уже деликатная область религиозных убеждений, и здесь

блема с непростым решением. *Запись online-конференции, проведённой сайтом RIA.RU 31.01.2006.* // <http://ria.ru/online/20060131/43262498.html>.

¹⁵Например: Конь Р. Н. Введение в сектоведение. Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2008. 496 с. ; Хвьяля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996

¹⁶Дворкин А. Л. Сектоведение. 3-е издание. Издательство «Христианская библиотека», Н. Новгород, 2007. 816 с.

¹⁷См. напр.: Нежный А. Уроки сектоведения. // «Московские новости», 12.01.1999. См. также http://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedenija.htm; Ничик В. И. Тоталитарные секты: миф или реальность? // Портал-Credo.Ru, 28-07-2005. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=347>; Лункин Р. Театр антикультового абсурда. 2008 год стал пиком вырождения «сектоведческой» деятельности в России. // Портал-Credo.Ru, 29.12.2008. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=67728>.

общество в лице врачей и судей вынуждено остановиться, чтобы избежать обвинений в нарушении свободы вероисповедания (свободы совести).

Однако в ряде случаев деятельность маргинальных религиозных объединений переходит некую черту, за которой какие-либо разговоры о свободе совести становятся неуместны. Дело в том, что глубоко уверовавшая в учение своего лидера «паства» годится не только на то, чтобы её обирать в сугубо материальном смысле. Когда последователи очередной секты пытаются устроить, к примеру, массовое самоубийство, как это произошло с «Белым братством»¹⁸, игнорировать имеющуюся проблему становится сложнее. Когда же дело доходит до террористических актов, обусловленных «учением»¹⁹, сопровождающихся множеством человеческих жертв, существование проблемы маргинальных религиозных движений всё-таки приходится признавать. Государство, опасаясь обвинений в психиатрических или религиозных репрессиях, а также в нарушении основополагающих прав человека (в частности, права на свободу вероисповедания), хранит нейтралитет до тех пор, пока это возможно. Такая возможность исчерпывается, как только деятельность религиозной организации начинает наносить вред кому-то кроме своих последователей, но в этой ситуации (как в случае с «Аум Синрикё») лидеров секты начинают преследовать не за «зомбирование», а за вполне уголовно наказуемую деятельность — терроризм и пропаганду такового²⁰. Нашлась, заметим, статья и на лидеров «Белого братства» — доведение до самоубийства²¹. Чаще всего, однако, найти определение деятельности, которое предполагало бы преследование со стороны правоохранительных органов, бывает труднее.

Легко видеть, что проблема экстремистских религиозных группировок не снимается возможностью применения антитеррористических законов. Эти законы срабатывают, когда теракт *уже совершён*. При этом вербовкой неофитов на роли будущих террористов могут заниматься совершенно другие люди, и доказать их причастность к экстремистской деятельности может оказаться сложно, если вообще возможно. Что касается проблемы культов, не ставящих перед собой иной цели, кроме обогащения своих лидеров, то эту проблему можно игнорировать, но проблема как таковая от этого не исчезнет.

¹⁸ Орлов А. Белые одежды невежества // Комсомольская правда, 4 декабря 1993 г

¹⁹ Пример — религиозное объединение «Аум Синрикё», последователи которого устроили в 1995 году газовую атаку в токийском метро, в результате которой погибло 12 человек; см. Ross, R. Shoko Asahara and the Aum Gas Attack // CultEducation.com, 2004. <http://www.culteducation.com/asahara.html>; Ogawa, Y., Yamamura, Y., Ando, A., et al. An attack with sarin nerve gas on the Tokyo subway system and its effects on victims. // ACS Symposium Series 745: 333355, 2000. doi:10.1021/bk-2000-0745.ch022.

²⁰ Lawyers for Aum cult guru say he's mentally incompetent // Associated Press, November 11, 2005

²¹ Тихомиров В. Богиня-рецидивистка. // Огонёк, № 42, 2005. <http://www.ogoniok.com/4916/36>

Итак, требуется, по-видимому, провести границу между свободой личных религиозных убеждений и «свободой» использования религии как инструмента управления людьми. Проблема кажется даже внешне схожей с той, что была сформулирована в § 1.1 относительно свободы слова и «свободы» передавать кому угодно рекламную информацию, и сходство здесь отнюдь не случайно, поскольку на самом деле это попросту *та же самая проблема*. Свобода слова гарантирует людям возможность обсуждать между собой любые проблемы, но следует ли из этого, что каждый вправе передавать любую информацию кому угодно? Выше было показано, что такая трактовка неприемлема и приводит либо к дискредитации свободы слова как таковой, либо к уточнению понятийной базы. Аналогичным образом, свобода совести гарантирует человеку право верить во всё, что ему угодно, исповедовать любую сколь угодно экзотическую религию, собираться вместе со своими единоверцами для совершения любых ритуалов, если только последние не ведут к попранию прав окружающих. Но следует ли из этого, что всякий желающий имеет право пытаться обращать других людей в свою веру? Современные конституции считают, что имеет; результатом этого становятся проблемы, с которыми государство всерьёз бороться не способно, но которые при этом слишком серьёзны, чтобы с ними не бороться вообще.

Практически все существующие религиозные учения так или иначе предполагают привлечение в свои ряды новых приверженцев, при этом в большинстве случаев для распространения своих убеждений религиозные группы используют миссионерские методы. Конституции многих государств, в том числе России и США, гарантируют гражданам не только свободу вероисповедания (что более чем правильно), но и свободу *распространения* религиозных убеждений — и эта «свобода» повсеместно трактуется как право каждого желающего беспрепятственно пытаться обращать в свою веру всех, кого ему заблагорассудится. Внешне всё выглядит достаточно благопристойно: никто вроде бы никого насильно в религиозные группы не ведёт, обычно достаточно сказать очередному проповеднику, что его учение нас не интересует — и он, пусть и с неохотой, но всё же прекратит свои попытки. Однако введённое нами понятие информационного насилия позволяет утверждать, что ситуация с активной миссионерской деятельностью не столь тривиальна, как может показаться на первый взгляд.

Можно заметить, что распространение религиозных убеждений — это процесс сугубо информационный. Коль скоро это так, необходимо согласие всех

участников, в том числе и получателя информации. Может показаться, что, поскольку при завлечении в секты не применяется *физическая* сила, принцип доброй воли можно считать соблюденным, но так ли это? Никто никогда не видел, чтобы представитель «Свидетелей Иеговы» не просто спросил разрешения обратиться к человеку с религиозной проповедью, но произнёс бы что-нибудь вроде «я сейчас предложу вам вступить в религиозную организацию, которая запрещает своим сторонникам занятия спортом, получение высшего образования и переливание крови»²². Миссионеры так называемой «Церкви объединения», известной больше как «секта Муна», вообще обычно представляются членами некой «Ассоциации молодёжи» или «Студенческой ассоциации» — ни слова про религию, про то, что самым главным злом мунисты считают всё, что делает человека уникальной личностью (не случайно они называют себя «церковью унификации»), и тем более про то, что каждому, кого эта «ассоциация» вовлекла в свои ряды, придётся заключить брак с партнёром, которого они ранее никогда не видели и которого для своих последователей выбирает лично их духовный лидер Сен Мён Мун (судя по всему, простым жребием), причём сразу после свадьбы партнёрам предстоит расстаться на три года, затем съехаться и родить не менее 12 детей²³. Никто никогда не говорил кандидатам в неофиты «я приглашу вас в церковь, где всего лишь через год вас убедят продать свою квартиру и отдать все деньги нашим духовным наставникам».

Иначе говоря, во взаимоотношениях «миссионер — кандидат в неофиты» нет ничего похожего на *информированное* согласие получателя информации. Впрочем, нет там и вообще согласия как такового. Миссионер, подошедший к вам на улице, может спросить (и действительно спрашивает) «простите, можно к вам обратиться?» — но ведь он *уже* к вам обратился. Утверждая, что человек, избранный мишенью миссионерской атаки, вполне волен отказаться от дальнейшей беседы, мы не учитываем, что для этого он вынужден перешагнуть через свои понятия об элементарной вежливости, что не всегда просто, особенно если не знать о том, с кем имеешь дело. Техника миссионерской обработки построена так, что чем дальше зашла беседа, тем психологически сложнее её прервать; это знает каждый, кто по молодости и неопытности подвергался атакам сектантов.

²²Гордиенко Н. С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 233 с

²³Гандоу Т. Империя «преподобного» Муна. М.: Центр священномученика Иринея Лионского, 1995

Итак, если считать информационное насилие недопустимым, миссионерскую деятельность (то есть деятельность по агрессивному распространению религиозных убеждений) следует запретить, оставив законными лишь пассивные способы распространения убеждений, при которых неопит самостоятельно находит нужную ему религиозную организацию, воспользовавшись для этого справочниками и поисковыми службами, и по своей инициативе обращается к её идеологам с просьбой посвятить его в тонкости их учения. Принципа свободы совести это никак не нарушит, поскольку под запрет попадает не вера и не убеждения, а насильственные действия в отношении свободных людей.

Следует отметить, что эффективность миссионерской деятельности составляет не больше нескольких процентов, то есть, грубо говоря, из ста человек, которых миссионер подверг информационной атаке, лишь единицы в итоге останутся в секте. С другой стороны, из тех же ста человек по меньшей мере у половины (это весьма скромная оценка) миссионер вызовет раздражение. Если теперь заблаговременно донести до публики мысль, что сам факт попытки обращения в иную веру, если только он происходил не по инициативе обращаемого, является собой насильственное (и, что важно, противозаконное и наказуемое) деяние, то миссионер, скорее всего, не успеет найти ни одного неопита, поскольку вероятность наткнуться на легковверного и внушаемого человека, от которого может быть польза секте, ниже, нежели вероятность, что очередной индивид, избранный мишенью атаки, воспользуется своим правом на полицейскую защиту от насилия.

При этом очевидно, что миссионерскую деятельность придётся запретить *всем* конфессиям, включая и традиционные. Однако если традиционные конфессии действительно нужны обществу, то им, вне всякого сомнения, удастся продолжить существовать без применения насилия: религия является частью культуры, так что не знать о существовании этого явления, живя при этом в обществе, практически невозможно. Следовательно, люди, ощущающие потребность в религиозной практике, найдут нужную им церковь самостоятельно, без рекламно-миссионерской «подпитки». Иной вопрос, что таких людей, очевидно, будет меньше, чем есть в храмах сейчас — но это обусловлено исключительно тем, что сейчас в храмы приходят не только имеющие потребность в отправлении религиозного культа, но и те, кто ошибочно отыскал у себя такую потребность под влиянием прозелитистской активности церкви. Эту категорию прихожан храмы, видимо, потеряют, и в этом нет ничего

плохого: удовлетворение *минимых* потребностей, как и их возникновение, положительным явлением считать невозможно.

Итак, использование концепции информационного насилия позволяет снять проблемы злоупотребления религиозными потребностями индивидов, не входя при этом в конфликт с правом каждого на свободу совести; необходимо отметить, что, судя по всему, никаких других решений в этой области к настоящему моменту не известно, иначе было бы неясно, почему они не применяются.

3.4. Информационное насилие в форме принуждения к выдаче информации и негласного сбора информации

Из трёх основных типов информационного насилия, введённых в § 1.2, выше были подробно рассмотрены только два: передача информации без согласия принимающего и неавторизованное вмешательство третьих лиц в информационный обмен, проходящий в соответствии с принципом доброй воли. Устранение информационного насилия обоих этих видов, как мы видели, требует существенных изменений в законодательстве и в самих общественных отношениях. В противоположность этому, третий и последний тип информационного насилия — получение информации без согласия её обладателя — в большинстве случаев оказывается противозаконным в рамках существующего права. В самом деле, прямая кража носителей информации противозаконна в любой юрисдикции точно так же, как и любая другая кража материальных предметов; точно так же противозаконным окажется практически любой вариант копирования информации с носителей, владелец которых не давал на это разрешения, поскольку для этого потребуется произвести активные действия с имуществом владельца вопреки его воле; в некоторых случаях для насильственного получения информации потребуется проникновение в помещение без разрешения его владельцев или нанимателей, и т. п. Применение для получения информации угроз и пыток вообще не нуждается в комментариях.

Вместе с тем, современное законодательство в целом ряде случаев требует от граждан раскрытия той или иной информации независимо от доброй воли, а в других случаях даёт право определённым государственным структурам получать или собирать информацию, не заручаясь ничьим согласием. Речь

здесь идёт, во-первых, об обязанности давать свидетельские показания, и, во-вторых, о так называемых оперативно-розыскных мероприятиях.

Законодательные системы практически всех государств обязывают граждан давать свидетельские показания, сообщать известные факты о готовящихся или совершённых преступлениях, о скрывающихся преступниках и т. п. В ряде случаев такие требования закона вступают в противоречие с традициями и нормами морали. Ясно, что, человек, давший показания против своей матери или, наоборот, против своего ребёнка, навсегда потеряет уважение окружающих и даже свое собственное. Поэтому мало кто, узнав, что его близкий родственник совершил нечто противозаконное, предпочтёт остаться в ладу с законом. В ныне действующей Конституции РФ сделан шаг к решению этой проблемы: статья 51 избавляет человека от обязанности свидетельствовать против самого себя, против своего супруга/супруги и против близких родственников, круг которых устанавливается федеральным законом, и закрепляет возможность для федерального законодательства устанавливать иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания. Любопытно, что во исполнение этого пункта федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляет тайну исповеди и освобождает священнослужителей от ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, ставшим известными ему в результате исповеди²⁴; больше того, Уголовно-процессуальный кодекс РФ вообще в явном виде запрещает допрос в качестве свидетеля священнослужителя относительно сведений, ставших ему известными из исповеди²⁵, то есть священникам предоставлен более существенный иммунитет, нежели близким родственникам. Свидетельствовать против своего супруга/супруги, сестры или брата, своих родителей или своих детей человек *не обязан, но вправе по собственной доброй воле*, в то время как священник такого права лишён: его показания не будут учтены. Аналогичный запрет действует только в отношении судей и адвокатов по обстоятельствам, которые стали им известны в ходе ведения дел. В то же время, например, врач лишён права умолчать о ставшем ему известным факте огнестрельного ранения или иного факта применения оружия, приведшего к ранению²⁶, так что человек, получивший тяжелую рану, оказывается в существенно худшем положении, нежели человек, у которого что-то не в

²⁴ФЗ РФ «О свободе совести и религиозных объединениях», ст. 3, п. 7.

²⁵УПК РФ, ст. 56, ч. 3, п. 4

²⁶Фалалеев М. Доложите о ранении. Врачи сообщат о пациентах с насильственными травмами. // Российская Газета (Федеральный выпуск), №5518 от 4 июля 2011 г

порядке с совестью: этот последний может пойти в храм замаливать грехи, не опасаясь, что о нём донесут, тогда как раненый, обращаясь за медицинской помощью, может быть совершенно уверен, что следующим после врача, с кем ему доведётся общаться, будет следователь. Остаётся неясным, как всё это согласуется с конституционно закреплённой светской основой российского государства; отметим, что в ряде стран медицинскую тайну уважают существенно серьёзнее — в частности, во Франции таковая возведена в абсолют²⁷.

Так или иначе, всеобщая обязанность донесения тех или иных (в частности, криминальных) сведений до представителей власти порождает противоречия между законом и господствующей моралью, и эта проблема не решается введением исключений и прочими полумерами. Человек, давший показания против лучшего друга, в глазах социума (да и в своих собственных) станет предателем ничуть не менее, чем тот, кто свидетельствовал против собственной матери, но если последний случай законом предусмотрен, то дружеские отношения как основание для правомерного отказа от показаний не годятся. Предусмотреть такую ситуацию законодательно — это то же самое, что сделать свидетельские показания делом сугубо добровольным, поскольку всегда останется возможность отказаться от дачи свидетельских показаний, сославшись на наличие дружеских отношений, что практически невозможно проверить. С другой стороны, очевидно, что, если действительно сделать дачу показаний делом сугубо добровольным, то уважения к закону это может только прибавить, поскольку плох тот закон, который невозможно соблюдать.

Может показаться, что замена *обязанности* свидетеля давать показания *правом* дать такие показания по доброй воле несёт в себе угрозу эффективности системы правосудия, однако при этом не учитывается одно весьма существенное обстоятельство. Единственная статья УК, по которой свидетель может быть привлечён к ответственности за отказ от дачи показаний²⁸, практически не работает, оставаясь скорее средством устрашения, нежели реально действующей законодательной нормой. В частности, для применения этой статьи необходимо, чтобы отказ от дачи показаний был зафиксирован в объективной форме — например, чтобы свидетель *сам* в явном виде заявил о том, что давать показания отказывается, и подписал соответствующим образом

²⁷Черников Е. Э., Зарецкий М. М., Черникова Н. М. Право врача на профессиональную тайну. // Новости медицины и фармации, №10(245), 2008. См. также <http://novosti.mif-ua.com/archive/issue-5277/article-5308/>

²⁸УК РФ, ст. 308

оформленный протокол. Несколько сложнее оказывается построение обвинения по ст. 308 в случае, если свидетель в ответ на вопросы попросту молчит — в этом случае необходимы свидетельские показания лиц, проводивших допрос или присутствовавших при таковом. Однако у свидетеля есть способ избежания ответственности, имеющий практически стопроцентную надёжность: на все вопросы отвечать фразами «не помню», «не заметил», «к сожалению, я забыл» и т. п., при этом тщательно настаивать на том, что он никоим образом не отказывается от дачи показаний. Кроме перечисленного, Д. Ю. Гончаров в статье «Ответственность за отказ от дачи показаний»²⁹ отмечает, что и сами сотрудники следственных органов часто не находят для себя возможным принуждать свидетелей к даче показаний, поскольку не обладают достаточными возможностями для обеспечения в дальнейшем безопасности свидетелей. В результате, пишет Гончаров, «в части привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ закон применяется малоэффективно, а в отдельных регионах на протяжении ряда лет не применяется вообще».

Всё вышесказанное позволяет подвергнуть сомнению необходимость законодательного принуждения к даче свидетельских показаний. Отмена *неработающего* закона вряд ли способна всерьёз изменить положение вещей в следственно-судебной системе; в данном конкретном случае побочным эффектом такой отмены станет повышение уважения к закону.

Обсуждая право хранить молчание, нельзя не упомянуть и другой вариант изъятия информации — когда таковое происходит не только без согласия, но и без ведома обладателя. Имеются в виду всевозможные способы прослушивания телефонов и других средств связи, перлюстрация почтовой корреспонденции и прочие подобные методы сбора информации, которые государство в ряде случаев признаёт законными (так называемые «оперативно-розыскные мероприятия»). Необходимо отметить, что в целом законодатель признаёт право индивида на тайну связи, включая тайну «переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи»³⁰, так что в случае оперативно-розыскных мероприятий речь идёт об исключении из общего правила. Необходимо также отметить, что проведение любых законных мероприятий в отношении лиц, заведомо являющихся преступниками,

²⁹Гончаров Д. Ю. Ответственность за отказ от дачи показаний. // «Журнал российского права», № 6, июнь 2002 г

³⁰Федеральный закон РФ «О связи», ст. 63, п. 1.

не может рассматриваться как *инициированное* насилие и, следовательно, никакого отношения к ущемлению свободы (в том числе информационной) не имеет. Проблема в том, что проводятся рассматриваемые мероприятия отнюдь не только в отношении преступников; вообще, человек не может считаться преступником до вынесения соответствующего приговора, так что в ходе следственных мероприятий информационному насилию подвергаются лица, не признанные виновными в преступлениях, во всяком случае, на тот момент, когда над ними совершается информационное насилие. Представители государства заявляют, что мероприятия по негласному сбору информации необходимы для эффективной борьбы с преступностью и в особенности с терроризмом, но так ли это на современном этапе?

Нарушение тайны обычной почтовой корреспонденции в век электронных коммуникаций уже не кажется эффективным средством достижения каких-либо целей: сложно представить себе преступников и тем более террористов, обменивающихся по обычной почте традиционными письмами, которые при этом содержат информацию о готовящихся или уже совершённых преступлениях. Остаются телефонные переговоры и обмен информацией по компьютерным сетям, и здесь при внимательном рассмотрении обнаруживается, что в современных условиях «прослушка» оказывается попросту бесполезна благодаря развитию криптографии и криптографического программного обеспечения. Опубликованные в 1976 году результаты исследований криптографов-математиков Уитфилда Диффи и Мартина Хеллмана, изобретших шифрование с открытым ключём, а затем появление открыто опубликованного алгоритма RSA (авторы — Рональд Райвест, Ади Шамир и Леонард Адлеман)³¹, и, наконец, свободная публикация в 1991 году первой версии программы PGP, разработанной Филлипом Циммерманом, предоставили широкой общественности средства шифрования, не требующие предварительного обмена ключами (что позволяет вести зашифрованный обмен информацией с любыми корреспондентами, а не только с теми, чьё участие было предусмотрено заранее), причём эти средства предоставлены в свободное использование. Алгоритмы шифрования открыто опубликованы и широко известны, задача их реализации вполне под силу любому программисту; всё это делает практически невозможным наложение ограничений на использование криптографии все-

³¹Шнайер Б. Прикладная криптография. Протоколы, алгоритмы, исходные тексты на языке Си. М.: Триумф, 2002, 816 с

ми желающими. Некоторые государства, в том числе США и Россия³², многократно пытались ограничить свободное использование криптографических средств, но в итоге были вынуждены отказаться от этих попыток ввиду их очевидной бесполезности.

В конце 1990-х годов в России довольно ощутимый общественный резонанс вызвал проект СОРМ-2³³, предполагавший установку в сетях всех операторов Интернет-доступа специальной аппаратуры, позволяющей мониторинг передаваемых по сети данных и управляемой непосредственно из ФСБ³⁴. Наиболее спокойно к нововведению отнеслись профессиональные системные администраторы: в хоре возмущённых голосов выделялись рассудительные реплики о том, что шифрование никто не отменял и, следовательно, система СОРМ-2 в любом случае окажется бесполезной. Официально проект отменён не был, но фактически большинство интернет-провайдеров так и не было оснащено соответствующей аппаратурой.

На сегодняшний день программные средства, доступные свободно, позволяют шифровать не только сообщения, но и каналы голосовой коммуникации (телефонные разговоры, передаваемые по компьютерным сетям); создание криптографических туннелей позволяет скрыть от возможной прослушки как содержательную часть информационного обмена, так и идентификационные данные участвующих в обмене абонентов. Всё это делает бессмысленными любые мероприятия по техническому прослушиванию коммуникационных каналов.

На основании вышесказанного мы приходим к заключению, что в большинстве случаев информационное насилие в виде получения информации без согласия её обладателя является незаконным уже сейчас, а немногочисленные исключения из этого правила могут быть практически безболезненно отменены.

³² Андреев Н. Россия остается в числе лидеров мировой криптографии // Защита информации. М.: Конфидент, вып. 5, 1998, с. 12–17

³³ Аббревиатура «СОРМ» означает «систему обеспечения оперативно-розыскных мероприятий»; двойка в названии проекта указывает на то, что эту систему не следует путать с системой «СОРМ», внедрённой двумя годами ранее для прослушивания телефонных переговоров.

³⁴ Малютин А., Одинцов М. Интернет тотального контроля. // Журнал «Коммерсантъ Власть», №28 (280), 28.07.1998

Заключение

В рамках либертарианской традиции свобода рассматривается исключительно как отсутствие инициированного насилия; какие-либо активные действия, непосредственно влияющие на индивида, его тело и его собственность, возможны только на основании информированной доброй воли индивида, за исключением случая возмездия за инициированное насилие, совершённое данным индивидом ранее в отношении кого-либо ещё. Обычно при этом подразумевается, что объективное выражение информированной доброй воли может быть безотзывным, то есть может быть сделано в форме принятия на себя обязательств, в том числе при заключении сделки; принуждение индивида к исполнению добровольно взятых на себя обязательств не рассматривается в качестве инициированного насилия.

Рассмотрев с этих позиций информационный обмен и заметив, что в любом информационном обмене участвуют как минимум два индивида (передающий и принимающий), в работе были предложены авторские дефиниции информационной свободы и информационного насилия. Исходя из этих дефиниций, очевидно, что об информационной свободе в обществе имеет смысл говорить только в том случае, если в этом обществе любое информационное взаимодействие происходит тогда и только тогда, когда все его непосредственные участники согласны в нём участвовать и ни один из участников не связан добровольно взятыми на себя обязательствами, делающими соответствующий информационный обмен невозможным. С другой стороны, любое активное действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия получателя, получение информации без согласия её обладателя, либо неавторизованное вмешательство третьих лиц в свободное информационное взаимодействие, может быть классифицировано при данном подходе как информационное насилие над личностью.

Информационным насилием в таком понимании оказываются не только прямые вербальные оскорбления, но и многие другие социальные явления: например, многие виды рекламы, в особенности наружная реклама и рекламные рассылки по индивидуальным каналам связи (так называемый спам), а также практически любая пропаганда; массовые митинги и шествия; миссионерская деятельность; злонамеренная дезинформация, к которой, в частности, относятся плагиат и клевета; цензура; мероприятия по обеспечению иму-

ществленных прав, относящихся к интеллектуальной собственности; шпионаж и любые способы негласного сбора информации; принуждение к даче свидетельских показаний. Некоторые из этих видов информационного насилия законодательно запрещены в существующей юридической реальности, хотя и не рассматриваются именно как информационное насилие; с другой стороны, многие из перечисленных случаев информационного насилия в настоящее время законом не запрещены, а в некоторых случаях, напротив, явным образом узаконены.

Предпринятое исследование показало, что все такие случаи законного информационного насилия в лучшем случае бесполезны для общества, а в худшем — наносят обществу ощутимый вред, обостряют и без того опасные противоречия, приводят к конфликтам интересов. В частности, охрана имущественных авторских прав обеспечивается за счёт запрета использования прогрессивных технологий, отнимает аудиторию (а в некоторых случаях — и саму возможность творчества) у авторов-любителей, предоставляет издательской и медиаиндустрии возможность в одностороннем порядке решать, какие произведения искусства будут доступны широкой публике, а какие — нет, и ведёт к появлению паразитирующих субъектов общественных отношений, таких как общества по коллективному управлению авторскими правами. Реклама, с одной стороны, порождает социальное недовольство и раздражение, а с другой — приводит к опасным перекосам в конкурентной борьбе, когда производители товаров и услуг вынуждены соревноваться не в соотношении цены и качества, а в эффективности рекламных кампаний; реклама, рассылаемая по индивидуальным каналам связи, уничтожает целые коммуникационные среды. Свобода совести, ошибочно понимаемая как свобода миссионерской деятельности, позволяет маргинальным (в том числе деструктивным и террористическим) религиозным объединениям вербовать новых сторонников. Свобода манифестаций в современном виде приводит к нанесению неоправданного ущерба лицам, не участвующим в манифестации, чьё место проживания либо маршрут перемещения пересеклись с районом проведения соответствующих мероприятий; в работе предложены формы выражения народного мнения, не приводящие к такому ущербу, но не менее (а возможно, и более) эффективные. Наконец, многие узаконенные методы негласного сбора информации на поверку оказываются бесполезными при современном уровне развития криптографии.

С другой стороны, введение предложенного в исследовании понятия информационного насилия позволяет однозначно указать границу между допустимыми и недопустимыми случаями информационного обмена, при этом не ущемляя ключевую свободу индивида — свободу слова. Признание на государственном уровне информационного насилия полноценным видом насилия позволило бы снять накопившиеся противоречия и эффективно привести действующее законодательство в согласие с потребностями информационного общества, которое в настоящее время завершает этап своего формирования. Несомненно, полное исключение информационного насилия из жизни социума на текущем этапе развития общественных отношений невозможно; более того, остаётся открытым вопрос о возможности этого в сколь угодно далёкой перспективе. Тем не менее, недостижимость идеала не исключает и не отменяет движения в направлении этого идеала; идеал функционирует как регулятивная идея. Таким образом, данное исследование претендует не только на теоретическую разработку значимой социальной проблемы, но и содержит в себе практические рекомендации для разрешения существующих в современном обществе противоречий и конфликтов, показывает пути для снятия противоположности должного и сущего.

Литература

- [1] Амзин А. Не стало Роберта Шекли. // Lenta.Ru, 11.12.2005.
<http://lenta.ru/articles/2005/12/11/sheckley/>
- [2] Амзин А. Новостная интернет-журналистика.
<http://www.kebati.ru/journ>
- [3] Андреев Н. Россия остается в числе лидеров мировой криптографии // Защита информации. М.:Конфидент, вып. 5, 1998, с. 12–17.
- [4] Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля. // Вопросы философии. 1995. № 1. с. 52–69.
- [5] Афанасенков М. А. Правда и ложь о пиратских DVD-дисках.
<http://afanas.ru/video/nolicenz.htm>
- [6] Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернейса «Пропаганда» (1928) // Свободная мысль, № 8, 2010.
- [7] Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. с. 122–185.
- [8] Бернейс Э. Пропаганда. М.: Гиппо, 2010. 176 с.
- [9] Биография А. Л. Дворкина на сайте Московской патриархии РПЦ.
<http://www.patriarchia.ru/db/text/441422.html>
- [10] Богданов В. В. Логика становления и семантика понятия свободы. // Вестник ТГПИ, № 2, 2006, Таганрог, ТГПИ, с. 10–26.
- [11] Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2000.
- [12] Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226.

- [13] Болховской А. Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ. *Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук*. Черкасск, 2010.
- [14] Быстрицкий А. Свобода и последствия. // Эксперт, № 44, 8–14 ноября 2010 г., с. 74–77.
- [15] Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // М. Вебер. *Избранные произведения*: М.: Прогресс, 1990. С. 344–414.
- [16] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // М. Вебер. *Избранные произведения*: М.: Прогресс, 1990. С. 61–344.
- [17] Вербицкий М. Антикопирайт. 2002. <http://imperium.lenin.ru/LENIN/32/C/>
- [18] Воат А. А. Рекламно-информационное пространство и его влияние на формирование массового сознания: социально-философский анализ. *Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук*. Ярославль, 2011.
- [19] Вольнов В. Феномен свободы. 2006. <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/PhenomenonOfFreedom.htm>
- [20] Вольнов В. Три понятия свободы. // Полис, № 5, 1998. См. также <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/ThreeConceptsOfFreedom.htm>
- [21] Вольнов В. Либерализм и самоубийство. 2003. <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/LiberalismAndSuicide.htm>
- [22] Воробьева И. Б. Термин «секта» и его использование в юриспруденции. // Вестник Саратовской государственной академии права: научный журнал. №3(73), 2010. с. 160–164.
- [23] Гандоу Т. Империя «преподобного» Муна. М.: Центр священномученика Иринейя Лионского, 1995.
- [24] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974, 452 с.
- [25] Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть 1. Феноменология духа. СПб: Наука, 1999. 444 с.
- [26] Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
- [27] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Томас Гоббс. *Избранные произведения в двух томах*. Т. 2. М.: Мысль, 1964, с. 44–720.

- [28] Гобозов И. А. Кому нужна такая философия. От поиска истины к пост-модернистскому трепу. М.: «Либроком», 2011. 200 с.
- [29] Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. «Феникс», Ростов-на-Дону, 1996. 444 с.
- [30] Гончаров Д. Ю. Ответственность за отказ от дачи показаний. // «Журнал российского права», № 6, июнь 2002 г.
- [31] Гончарова О., Соболев С. Из гостиниц выкачивают авторские права. // Газета «Коммерсантъ», № 121 (4176), 08.07.2009
- [32] Гордиенко Н. С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 233 с.
- [33] Горчев Д. Сетература. // Журнал «Терабайт», № 2, 2000. См. также <http://www.netslova.ru/gorchev/seteratura.html>
- [34] Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
- [35] Дворкин А. Л. Сектоведение. 3-е издание. Издательство «Христианская библиотека», Н. Новгород, 2007. 816 с.
- [36] Джефферсон Т. О демократии. СПб.: «Рес Гумана», 1992. 332 с.
- [37] Дугин А. Свобода для. <http://warrax.net/66/freedom.html> Оригинал: <http://arctogaia.com/public/lgz5.html>
- [38] Иванова М. Последний лист Поносова. «Взгляд.РУ», 12.04.2009 <http://www.vz.ru/society/2009/12/4/355554.print.html>
- [39] Иеринг, Р. фон. Историко-общественные основы этики. Издание И. Юровского, типография Брауде, С.-Петербург, 1896. 32 с.
- [40] Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 тт. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002, 335 с.
- [41] Информационные технологии в бизнесе. СПб.: Питер, 2002, 1120 с.
- [42] Информационные технологии управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
- [43] Кант И. Критика чистого разума. Перевод Н. Лосского. М.: Мысль, 1994.
- [44] Кант И. О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. (Философ. наследие). Т. 4 ч. 2. М.: Мысль, 1965, 478 с.– С. 60–105.

- [45] Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. (Философ. наследие). Т. 6. М.: Мысль, 1966, 743 с. – С. 5–23.
- [46] Кантеров И. Я. Деструктивные, тоталитарные и далее везде // Религия и право, № 1, 2002. С. 27–29
- [47] Канцельсон В. Дворкин и Кураев: шайка духовных проходимцев? // Иркутский региональный портал БАБР.RU, 16.02.2004. <http://news.babr.ru/?IDE=11612>
- [48] Капица С. П. Интернет изменит контуры права на интеллектуальную собственность // Эксперт-Интернет, № 3, 24 июля 2000 г. См. также <http://lib.ru/COPYRIGHT/kapitsa.txt>
- [49] Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с.
- [50] Карпов М. Престарелого японца арестовали за игру на губной гармонике. // Компьюлента, 10 ноября 2006 г. <http://cult.compulenta.ru/294321/>
- [51] Кастельс М. Галактика Интернет. Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004.
- [52] Конецкая В. П. Социология коммуникаций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
- [53] Конституция Российской Федерации. Официальное издание. ГУ издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 2009. 64 с.
- [54] Конь Р. Н. Введение в сектоведение. Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2008. 496 с.
- [55] Кузнецов С. Рождение Игры, смерть Автора и виртуальное письмо. // «Иностранная литература», № 10, 1999. <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/10/kuznec.html>
- [56] Лебедева О. Газеты осваиваются в Интернете // Авант Style №37 от 06.11.2008; см. также <http://www.avant-partner.ru/style/215.html>
- [57] Левин М. E-mail «безопасная»: Взлом, «спам» и «хакерские» атаки на системы электронной почты Internet. М.: Майор, 2002. 189 с.
- [58] Лем С. Осмотр на месте. // Лем С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. М.: Текст, 1994. С. 99–350.
- [59] Ленин В. Партийная организация и партийная литература (13 ноября 1905 г.). ПСС, 5-е изд., т. 12.

- [60] Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2004. 384 с.
- [61] Липпман У. Публичная философия. М.: Идея-пресс, 2004.
- [62] Локк Дж. О гражданском правлении. // Джон Локк. Избранные философские произведения в двух томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2, с. 5–137.
- [63] Лункин Р. Театр антикультового абсурда. 2008 год стал пиком вырождения «сектоведческой» деятельности в России. // Портал-Credo.Ru, 29.12.2008. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=67728>
- [64] Малютин А., Одинцов М. Internet тотального контроля. // Журнал «Коммерсантъ Власть», №28 (280), 28.07.1998
- [65] Масленников Р. М. Интернет как проблема социальной онтологии. *Автореферат на соискание учёной степени кандидата философских наук*. Тверь, 2010.
- [66] Марлоу Ю. Пиар в электронных СМИ. М.: Мир, 2002, 236 с.
- [67] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий, книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 25, часть II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
- [68] Маркс К. Дебаты о свободе печати (апрель 1842 г.) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1
- [69] Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994
- [70] Мелюхин И. С. Информационное общество и государство // Законодательство и практика средств массовой информации. 1997. Вып. 2 (30)
- [71] Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS, вып. 3. Мир человека, 1993. с. 256–276.
- [72] Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426
- [73] Мильтон, Дж. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. Выпуск №1, Москва — Новосибирск, март 1997 г.

- [74] Минаев С. Рабы копирайта. // «Взгляд» (vz.ru), 11 июля 2006. <http://vz.ru/columns/2006/7/11/41056.html>
- [75] Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях // Владимир Набоков: Лекции по зарубежной литературе М.: Издательство Независимая газета, 1998. с. 23–29.
- [76] Науменко Т. В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 2003. № 1. С. 147–157
- [77] Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002, 432 с.
- [78] Нежный А. Уроки сектоведения. // «Московские новости», 12.01.1999. См. также http://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedeniya.htm
- [79] Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии, 2002, № 3, с. 3–15
- [80] Никонов А. П. Опиум для народа. Религия как глобальный бизнес-проект. М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2009. 344 с.
- [81] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. // Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии или эллинство и пессимизм: сборник. Изд-во «Поппури», Минск, 1997.
- [82] Ничик В. И. Тоталитарные секты: миф или реальность? // Портал-Credo.Ru, 28-07-2005. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=347>
- [83] Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
- [84] Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.
- [85] Орлов А. Белые одежды невежества // Комсомольская правда, 4 декабря 1993 г.
- [86] Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
- [87] Портнов Г. Театр «СКРИМ» показал в танце предвыборное информационное насилие // Vninform.ru, 04.05.2011. <http://www.vninform.ru/toprint/97253.html>
- [88] Пряжников Н. С. Проблема информационного насилия в школе // Психология и школа, 2003, № 4, с. 3–8.

- [89] Рахманкулова Н. Ф. Моя свобода и свобода другого. // Вестник Московского университета. Серия 7 (философия), № 6, 2003. С. 68–81.
- [90] Репьев А. П. Мудрый рекламодатель. М.: Эксмо, 2008. 368 с.
- [91] Репьев А. П. Сумасшедшие захватили власть в сумасшедшем доме. <http://www.repiev.ru/articles/cannes.htm>
- [92] Реут О. Искусственное общественное мнение в белорусском сегменте блогосферы. // Полярная звезда, 13.06.2011. http://www.zvezda.ru/prn_981.htm
- [93] Рид Д. Кровь на алтаре. // http://svidky.nm.ru/html/krov_na_altare.html
- [94] Ростовский суд засудил Deep Purple. // OpenSpace, 30/06/2009. <http://www.openspace.ru/news/details/11019/>
- [95] Рублёв С. Гражданская журналистика на службе интересов общества. // Lenta.Ru, 17.05.2005. <http://lenta.ru/articles/2005/05/17/blogs/>
- [96] Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. // Трактаты М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
- [97] Рыжов В. А. Экология сознания личности и проблема защиты индивидуального сознания в инфо-инфраструктуре общества. М.: ИНИНФО, 1996.
- [98] Рыжов В. А. Экология сознания. // М.: Компьютер пресс, № 7, 1998. с. 104–110.
- [99] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
- [100] Сартр Ж.-П. Что такое литература. // Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Изд-во «Поппури», Минск, 1999. 448 с. С. 5–258.
- [101] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989, с. 319–344.
- [102] Секты и сектантство. Актуальная проблема с непростым решением. *Запись online-конференции, проведённой сайтом RIA.RU 31.01.2006.* // <http://ria.ru/online/20060131/43262498.html>
- [103] Сергеев А. Автор и человек: у кого прав больше // Мир Internet, № 5 (32), 1999
- [104] Серго А. Г. Интернет и право. М.: «Бестселлер», 2003. 272 с.

- [105] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- [106] Соколова Т. Конституция ни при чем. // Пермский обозреватель, № 1 (303), 15 января 2007 г.
- [107] Сорос Дж. Сорос о Соросе. Опережая перемены. М.: Инфра-М, 1996. 336 с.
- [108] Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: ОГИЗ : ГАИЗ, 1935, 416 с.
- [109] Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. М.: «Мир книги», 2007. С. 193–476.
- [110] Схелтйенс В. Сетература: Новое литературное движение? // Сетевая словесность, 18 июля 2000. <http://www.netslova.ru/teoriya/werner.html>
- [111] Тихомиров В. Богиня-рецидивистка. // Огонёк, № 42, 2005. <http://www.ogoniok.com/4916/36>
- [112] Торвальдс Л., Даймон Д. Just For Fun (рассказ нечаянного революционера). М.: Эксмо-пресс, 2002.
- [113] Тоталитарные секты зомбируют людей так же, как те, кто готовят «шахидок». *Интервью с директором государственного научного Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, д.м.н. Татьяной Дмитриевой.* // «Интерфакс-Религия», 2005-05-10. <http://www.interfax-religion.ru/new/print.php?act=interview&id=21>
- [114] Фалалеев М. Доложите о ранении. Врачи сообщат о пациентах с насильственными травмами. // Российская Газета (Федеральный выпуск), №5518 от 4 июля 2011 г.
- [115] Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009, 288 с.
- [116] Хабермас Ю. Техника и наука как «идеологии». // Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М.: Праксис, 2007, с. 50–116
- [117] Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: «Новости», 1992, 304 с.
- [118] Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб.: «Пневма», 1999, 288 с.
- [119] Харрис Р. Психология массовых коммуникаций (Секреты воздействия). СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 448 с.

- [120] Хворостин Д. В. Деструктивное воздействие средств массовой коммуникации на молодёжь // Молодёжь в культуре и науке XXI века. Материалы третьей научной конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей. 2 ноября 2004 г. ЧГАКИ. Челябинск, 2004. С. 276–279.
- [121] Хвыля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996.
- [122] Хозиков В. И. Информационное оружие. СПб.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, Нева, 2003. 480 с.
- [123] Целиков Д. Молодёжи наплевать на беды музыкальной индустрии. // Компьюлента, 4 апреля 2011 года. <http://culture.compulenta.ru/605146/>
- [124] Черников Е. Э., Зарецкий М. М., Черникова Н. М. Право врача на профессиональную тайну. // Новости медицины и фармации, №10(245), 2008. См. также <http://novosti.mif-ua.com/archive/issue-5277/article-5308/>
- [125] Чиркова С. Свобода «от» и свобода «для». <http://www.pravda.ru/authored/02-10-2009/325897-chirkova-0/>
- [126] Шнайер Б. Прикладная криптография. Протоколы, алгоритмы, исходные тексты на языке Си. М.: Триумф, 2002, 816 с.
- [127] Щипков А. В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций. СПб.: РХГИ, 1998. 297 с.
- [128] Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том XIV. М., Лен.: Соцэкгиз, 1931.
- [129] Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999, 524 с.
- [130] ACM Copyright Policy. http://www.acm.org/publications/policies/copyright_policy
- [131] Bachman J. The Big Record Labels' Not-So-Big Future. // Businessweek.com, October 10, 2007. http://www.businessweek.com/bwdaily/dnflash/content/oct2007/db2007109_120106.htm
- [132] Bangeman, E. «Analog hole» legislation introduced. // Ars Technica, Dec. 18, 2005. <http://arstechnica.com/old/content/2005/12/5797.ars>
- [133] Bannon, L. The Birds May Sing, but Campers Can't Unless They Pay Up. // Wall Street Journal, 21.08.1996. Online: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/communications/ASCAP.html>

- [134] Barlow, John Perry. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Davos, Switzerland. February 8, 1996. <http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>. Русский перевод см., напр., <http://posix.ru/openway/declaration/>
- [135] The Big Four Record Companies // Copyright Law, Treaties and Advice, 2007. <http://www.copynot.org/Pages/The%20big%20four%20Record%20Companies.html>
- [136] Boldrin M., Levine D. K.. Against intellectual monopoly. New York, NY: Cambridge University Press, 2008,
- [137] Bone, R. G. Hunting Goodwill: A History of the Concept of Goodwill in Trademark Law. // Law and Technology Scholarship, Berkeley Center for Law and Technology, UC Berkeley. 01-27-2006. <http://escholarship.org/uc/item/66h0v2tr>
- [138] Bovard, J. Quarantining dissent. How the Secret Service protects Bush from free speech. // SFGate, January 4, 2004. <http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=/c/a/2004/01/04/INGPQ40MB81.DTL>
- [139] Boyle, J. Sold out. // New York Times, March 31, 1996. Online: http://www.law.duke.edu/boylesite/Sold_out.htm
- [140] Calboli, I. What if, after all, trademarks were traded in gross? // Michigan State Law Review, 2008, pp. 345–366.
- [141] Carter, I. Positive and Negative Liberty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition), Edward N. Zalta (ed.) <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/liberty-positive-negative/>
- [142] Chomsky, N. Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies. South End Press, Cambridge, 1999, 422 p.
- [143] Chomsky, N. Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. Seven Stories Press, New York, 1997. 104 p.
- [144] Cohen, P. iTunes Store goes DRM-free. Jan 6, 2009. <http://www.macworld.com/article/137946/2009/01/itunesstore.html>
- [145] Cooker, M. Dude, Wheres My Electric Car!?! // OC Weekly, May 15, 2003. <http://www.ocweekly.com/content/printVersion/39675>
- [146] Crossland, D. The Core of the Copyfight. // Understanding design & software freedom, June 26, 2009. <http://understandinglimited.com/2009/06/26/copyfight/>

- [147] European Parliament resolution on the transparency and state of play of the ACTA negotiations (document RC-B7-0154/2010). <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+MOTION+P7-RC-2010-0154+0+DOC+XML+V0//EN>
- [148] Gregory, J. Paul McCartney: 'Major Labels Don't Get Download Culture'. // Gigwise, November 24, 2008. <http://www.gigwise.com/news/47752/Paul-McCartney-Major-Labels-Dont-Get-Download-Culture>
- [149] Hargreaves, I. Digital Opportunity. A review of Intellectual Property and Growth. <http://www.ipo.gov.uk/ipreview.htm>
- [150] Harris, K., Fleming, M., Hunter, R., Rosser, B., Cushman, A. Knowledge Management Scenario: Trends and Directions for 1998–2003. // Gartner, 18 March 1999. <http://www.gartner.com/DisplayDocument?id=299150>
- [151] Hilburn, R. The Long and Winding Road. // Los Angeles Times, Sep. 22, 1985
- [152] Horn, J. Jackson Sells Beatles Songs to Sony. // Associated Press, Nov. 9, 1995.
- [153] Is it true Coca-Cola once contained cocaine? // The Straight Dope: http://www.straightdope.com/classics/a2_033.html
- [154] Jobs, S. Thoughts on Music. February 6, 2007. <http://www.apple.com/hotnews/thoughtsonmusic/>
- [155] Kinsella, S. Against Intellectual Property // Journal of Libertarian Studies. Vol. 15, No. 2. Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 2001. Русский перевод см., напр., <http://libertynews.ru/node/176>
- [156] Lane, W.R. The transfer of trademarks and tradenames. // Illinois Law Review, 6, 1911, p. 46
- [157] Lawyers for Aum cult guru say he's mentally incompetent // Associated Press, November 11, 2005.
- [158] Lessig, L. Free Culture: The Nature and Future of Creativity. Penguin Books, New York, 2005. *Русский перевод см. Л. Лессиг Свободная культура. М.: Прагматика Культуры, 2007, 272 с.*
- [159] Love, J. White House Creates Secret Process as Solution to Transparency For Key IPR Negotiation. // Huffington Post, October 15, 2009. http://www.huffingtonpost.com/james-love/white-house-creates-secre_b_322182.html

- [160] MacQueen, H. L., Waelde S., Laurie G. T. Contemporary intellectual property: law and policy. Oxford University Press, 2007. 960 p.
- [161] Ogawa, Y., Yamamura, Y., Ando, A., et al. An attack with sarin nerve gas on the Tokyo subway system and its effects on victims. // ACS Symposium Series 745: 333355, 2000. doi:10.1021/bk-2000-0745.ch022
- [162] Pruitt, S. AOL Granted IM Patent. // PCWorld, Dec 19, 2002. <http://www.pcworld.com/article/108124/aol-granted-im-patent.html>
- [163] Ross, R. Shoko Asahara and the Aum Gas Attack // CultEducation.com, 2004. <http://www.culteducation.com/asahara.html>
- [164] Schippel, Helmut. Die Anfänge des Erfinderschutzes in Venedig. In: Uta Lindgren (Hrsg.): Europäische Technik im Mittelalter. 800 bis 1400. Tradition und Innovation, 4. Aufl., Berlin 2001, S. 539–550
- [165] Simonds, Wm. E. Natural Right of Property in Intellectual Production. // The Yale Law Journal, Vol. 1, No. 1 (Oct., 1891), pp. 16–25. Online: <http://www.jstor.org/stable/783280>
- [166] Stallman, Richard M. Misinterpreting copyrights — A series of errors. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 79–88.
- [167] Stallman, Richard M. Copyright and globalization in the age of computer networks. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 135–156.
- [168] Stallman, Richard M. Did You Say Intellectual Property? It's a Seductive Mirage. // <http://www.gnu.org/philosophy/not-ipr.html>
- [169] Statute of Anne, 1709. // <http://www.copyrighthistory.com/anne.html>
- [170] Taylor, C. What's Wrong with Negative Liberty, 1985. // Dyzenhaus, D., Moreau S., Ripstein, A., Eds. Law and Morality: Readings in Legal Philosophy, Third Edition. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, Toronto, 2007. 1072 pages. pp. 359–368.
- [171] US politicians turn to spam as an election booster. // The INQUIRER. Nov. 09, 2006. <http://www.theinquirer.net/inquirer/news/1038415/us-politicos-turn-to-spam-as-an-election-booster>